

Арто Паасилинна

Очаровательное самоубийство в кругу друзей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В этой жизни самое важное дело — смерть, да и она не так уж важна

Народная мудрость

Глава 1

Самый страшный враг финнов-безнадежность, грусть, она же беспричинная бездонная апатия. Меланхолия витает над несчастным народом, тысячи лет держит его в подчинении, поэтому душа его мрачна и серьезна. Власть ее так сильна, что многие финны начинают видеть в смерти свое единственное спасение. Черная меланхолия более жестокий и беспощадный враг, чем даже Советская власть.

Но финны, несмотря ни на что, остаются воинственным народом, никогда не сдаются. Раз за разом поднимают они восстания против «серого террора».

Для финнов день Ивана Купала, этот праздник света и радости, — своего рода массовая битва, в которой они общими усилиями пытаются победить щемящую тоску. В канун праздника мобилизуется вся нация: не только воинственные мужчины, но и женщины, дети, старики спешат на фронт.

На берегах тысячи озер вспыхивает бесчисленное множество костров, взмывают ввысь сине-белые военные флаги. Пять миллионов финских воинов подкрепляются перед битвой

жирными колбасками и жареными свиными ребрышками. Опрокидывают рюмочку для храбрости и под звуки губной гармошки отправляются мериться силами с тоской.

В предвкушении близкого боя поколения объединяются, женщины становятся матерями. Смелые лодочники, покоряющие водные просторы, гибнут в озерах и морских заливах. Десятки тысяч людей обоего пола без вести пропадают в ольшаниках и зарослях крапивы. Проявляются героизм и самоотверженная храбрость народа. И вот радость и счастье одерживают победу, тяжелые мысли улетают прочь, народ наслаждается по праву завоеванной, единственной в году ночью свободы. Мрачный, безжалостный угнетатель сломлен.

Тихим ясным утром после ночи Ивана Купала одинокий мужчина сидел на крыльце своего домика в Хяме и держал в руке неоткрытую бутылку пива. Звали его Онни Релонен, ему было под пятьдесят. Худощавый, среднего роста, уши немного великоваты, нос длинный, с красным кончиком. Одет он был в летнюю рубашку с короткими рукавами и бархатные брюки. Рассветало. В воздухе чувствовался запах дыма. Ласточка пролетела над озером Хумала, охотясь на водомерок.

Релонен не принадлежал к толпе вчерашних ночных победителей. Он был тяжело ранен, и не было такого полевого госпиталя, где его разбитому сердцу могли бы оказать первую помощь.

Раньше в нем скрывалась мощная сила, но она иссякла. Теперь это был усталый, побежденный, побитый жизнью человек. Морщины и редеющие волосы на голове красноречиво свидетельствовали о его постоянных поражениях в битвах с жестокостью и кратковременностью бытия.

Желудок Онни Релонена вот уже лет десять страдал от изжоги, и в складках кишок зарождался катар.

Суставы были в порядке, мышцы тоже, если не считать их растущей дряблости. Сердце же Онни Релонена страдало ожирением и тяжело билось в груди. Оно стало бременем для тела, утратив функции блюстителя жизни. У Релонена были причины бояться, что сердце однажды остановится, парализует тело, оставит хозяина алкать жизненных соков и, в конце концов, предаст смерти. Если бы сердце пропустило хотя бы сто ударов, всему пришел бы конец. Потеряли бы всякий смысл для Онни Релонена все прежние миллиарды сокращений сердечной мышцы. Такова смерть. Тысячи финских мужчин унесла она. Никто не возвращается, чтобы рассказать, какова она, смерть.

Весной Онни Релонен начал красить облупившиеся стены своего домика, но работу так и не закончил. Банка с краской стояла рядом с домом, в ней торчала засохшая кисточка.

Онни Релонен был бизнесменом, одно время даже директором. У него за плечами были трудовые годы, бурное начало, успех, толпа подчиненных, бухгалтерия, деньги, фирма. В молодости он был рабочим, а в шестидесятые годы стал хозяином небольшой фабрики по производству металлических пластин. Ценовая политика и алчные конкуренты привели к банкротству его фирму «Металлические покрытия и карнизы». Затем Релонен стал хозяином автоматической прачечной. То был своего рода раритет: почти каждая финская семья уже обзавелась стиральной машиной, а те, у кого ее не было, не придавали стирке большого значения. Крупные отели и шведские корабли не давали Релонену заказов, а широкая местная сеть прачечных то и дело уводила клиентов у него из-под носа. Заказы доставались только по знакомству.

Очередное банкротство грянуло весной. С того момента Онни Релонен погрузился в глубокую депрессию.

Дети его уже выросли, брак балансировал на грани развода. Когда Онни начинал воодушевленно планировать будущее и делился своими идеями с женой, он не встречал у нее понимания и поддержки.

— Угу.

Таков был ее неизменный и единственный комментарий. Не ответ, не поддержка-ничто. Все попытки наладить жизнь и бизнес оказывались тщетными.

Онни Релонен с зимы вынашивал мысль о самоубийстве. Она посещала его и раньше. Случалось, что желание жить иссякало. Он положил бы всею конец еще весной, когда обанкротилась прачечная, но как-то рука не поднялась.

И вот настал Иванов день. Жена была в городе — сказала, что не хочет портить себе праздник, сидя в деревне рядом с угрюмым мужем. Одиноким вечер, без костра, без друзей, без будущего. И вот теперь одинокое утро.

Онни Релонен поставил бутылку на ступеньки, а сам вошел в дом, вытащил револьвер из ящика в спальне, зарядил его и положил в карман бархатных брюк.

«Ему здесь не место», — грустно, но решительно подумал Онни.

Он уже давно чувствовал, что вот-вот снова за что-то примется, даст делам ход. И вот пришло время поставить точку на этом невнятном и тихом существовании. Жирную точку на всей жизни, оглушительный восклицательный знак!

Онни Релонен отправился побродить по деревенским окрестностям Хяме. Равнодушно внимая птичьему хору, он шел по песчаной проселочной дороге мимо соседних домов, через огороды, миновал мельницу, хлев и чей-то хутор. За леском простиралось еще одно поле. Он вспомнил, что на краю леса когда-то стоял старый обветшалый сарай. Там можно и застрелиться, это тихое место как раз подходит для того, чтобы закончить свои дни. Может, надо было оставить на столе прощальное письмо? Но что написать? «Прощайте, дорогие дети, попытайтесь пережить это, отец принял решение...»? «Не укоряй меня, жена»?

Онни Релонен представил реакцию своей жены, читающей его прощальные слова.

— Угу, — вот и все, что она скажет.

В поле пахло травой, крестьянин только что скошил кормовые побеги. Деревенские жители работают и в канун Иванова дня — куда денешься от коров? Шмели жужжали, ласточки кружили над старым сараем. Онни Релонен с холодеющим сердцем подходил к старому серому сооружению, которое годилось теперь только для того, чтобы покончить в нем с жизнью. Он шел быстро, не пытаясь отсрочить конец.

И все же он не смог сразу войти в распахнутые двери сарая. Они показались ему черной разверстой пастью ада. Он решил обойти вокруг дома — как раненый зверь, который хочет быть уверен в месте своего последнего приюта. Заглянул внутрь через щель между гнилыми досками. Ужасно. Но решение было принято, сарай он обошел, и теперь

оставалось войти внутрь и упасть в объятия смерти, выстрелить... Одно маленькое движение курка: последнее усилие, и сальто сделано, финальное сальто от жизни к смерти.

Релонен вздрогнул.

В сарае кто-то был!

Между досок мелькнуло что-то серое, послышались вздохи. Олень? Человек? Усталое сердце Онни Релонена затрепетало от счастья. Нельзя же убить себя, если тут какое-то животное или, тем более, человек! Нет! Это дурной тон.

В сарае оказался человек. Рослый мужчина в серой военной форме, стоя на куче сена, привязывал к балке веревку. Вскоре дело было сделано.

Мужчина стоял боком к Релонену. Рассмотрев его, Онни догадался, что перед ним офицер — на штанах желтые лампасы. Мундир расстегнут, на петлицах — по три звезды. Полковник.

Онни Релонен не мог понять, что полковник делает в этом старом сарае утром Иванова дня. И для чего он привязывал к балке веревку? Но вскоре намерения полковника стали ясны. Он начал завязывать петлю на другом конце веревки. Веревка была скользкая, нейлоновая, и петля никак не завязывалась. Полковник глухо ворчал, очевидно, ругался. Его ноги дрожали. Наконец он кое-как сделал петлю и надел ее себе на шею. Офицер собирался покончить жизнь самоубийством! О Господи Боже... Да, мир тесен, подумал Онни Релонен. В одном и том же сарае, в одно и то же время встретились два финна, чтобы исполнить одно и то же ужасное дело.

Онни Релонен бросился к двери и крикнул полковнику:

— Бросьте вы это, господин полковник!

Офицер перепугался до смерти. Он покачнулся, петля на его шее затянулась, человек повис на веревке и наверняка бы погиб, если бы Онни не подоспел вовремя. Релонен схватил полковника, перерезал веревку, успокаивающе похлопал неудавшегося самоубийцу по спине. Лицо висельника было потным и синим — веревка успела сильно сдавить ему горло. Онни Релонен снял веревку с шеи полковника и усадил несчастного на порог сарая. Мужчина перевел дыхание, потерял шею. На ней осталась красная полоска — душа едва не покинула тело.

Какое-то время двое мужчин сидели молча. Затем полковник встал, протянул руку и представился:

— Кемпайнен. Полковник Герман Кемпайнен.

— Онни Релонен. Рад знакомству.

Полковник ответил, что он иначе представлял себе радость. Дело ведь шло к самоубийству. Он надеялся, что спаситель никому не расскажет о случившемся.

— Кому какое дело? Всякое бывает, — пообещал Онни Релонен. — Честно говоря, я тут по тому же делу, — добавил он и вытащил револьвер. Полковник долго смотрел на заряженное оружие, прежде чем понял: он в этом мире не одинок.

Глава 2

Случайное совпадение спасло жизни двоих дюжих мужчин.

И Онни Релонен, и Герман Кемпайнен случайно выбрали своим последним пристанищем один и тот же сарай и попали туда в одно и то же время. Это предотвратило два самоубийства. Обдумывая сложившуюся ситуацию, мужчины молча покурили. Потом Релонен предложил прогуляться к его дому — других занятий все равно не предвиделось.

Он рассказал полковнику о своей жизни, об обстоятельствах, которые подтолкнули его к страшному решению. Полковник слушал с участием. В свою очередь он тоже поведал о своей судьбе. Его дела также шли не лучшим образом.

Кемпайнен раньше был командиром бригады в Восточной Финляндии, незаменимым при карантине и в главном штабе помощником пехотного проверяющего. Теперь работы у него не было, бригады тоже. Кемпайнену все время казалось, что никакой он не офицер — пользы от него нет. Как от дипломата, которого вернули из-за границы домой: можно сохранить достоинство и зарплату, но больше — ничего.

Впрочем, солдат от такого пренебрежения не упадет духом настолько, чтобы повеситься. Проблема была в другом: жена Кемпайнена той зимой умерла от рака. Это его подкосило. Все вдруг потеряло смысл. Дом пуст, детей нет, даже собаки, и той нет. Одиночество было душераздирающим, особенно по ночам — полковник месяцами не мог спать. Даже вино не помогало. Полковник только после смерти жены осознал, какое большое место она занимала в его жизни.

Существование потеряло всякий смысл. Вот если бы началась война или вспыхнуло какое-нибудь восстание... Но международная ситуация в последние годы вроде стабилизировалась. Это, конечно, хорошо, но для профессионального военного означает безработицу. Даже у современной молодежи не было желания восставать против правящего порядка. Сегодняшняя финская молодежь выражала свой протест, пачкая непристойностями стены залов ожидания. Ни для возглавления, ни для подавления таких восстаний полковники не нужны. Этому миру ни к чему упавшие с карьерной лестницы офицеры. Престиж военных за последние годы упал. Государственных чиновников гладят по головке, а старых, прошедших строгую школу солдат ни в грош не ставят. Заставишь дерзкого новобранца слушаться — тебя тут же обвинят в муштре. Но эти борцы за права человека не понимают одного: солдата, который на войне не подчиняется приказам, убьют, а тело бросят в общую могилу.

Полковник Кемпайнен сказал, что профессия его опустошила. Солдаты все время упражняются: тренируются на сборах, организуют боевые учения, практикуются в стрельбе. В поту постигают искусство убивать, повышают свою квалификацию.

— Если бы существовала наука человекоубийства, я был бы по меньшей мере доктором наук. Но это искусство никогда не удастся применить на практике, ведь мы живем во времена всеобщего мира. Мою ситуацию можно сравнить с жизнью художника, который всю жизнь учился, совершенствовал свое мастерство живописца, писал картины одну за другой, наконец, стал настоящим мастером, но никогда не сможет представить на

выставке ни одну из своих работ. Безработный офицер — это выдающийся художник, которому отказано в праве организовать собственную выставку.

Полковник рассказал, что он специально приехал на Ивана Купала в родной Ювяскюля. Вечером накануне праздника ему вдруг стало так тяжело, что он свернул в Хяме на проселочную дорогу, забрался на старый сеновал и всю ночь пролежал рядом с гнилой косой. С берега до него доносились веселые крики людей. Под утро полковник спустился к озеру, оторвал на причале кусок каната и вернулся на сеновал.

Возвращаясь, он вдруг почувствовал сильную боль в правом виске, как будто там лопнул сосуд. Его охватило пьянящее чувство освобождения! Такой удачей бышо бы умереть естественной смертью летом на природе. Кровоизлияние в мозг — вот подходящая смерть для офицера в мирное время. У полковника даже закружилась голова, и он упал на колени посреди поля в надежде, что смерть скоро примет его в свои объятия.

Полковник потер висок: лопнув, сосуд запачкал кровью кожу. Черт возьми! На пальцах осталась не кровь, а какая-то белая вонючая масса. И тут он понял, что никакого кровоизлияния у него не было. Виновницей оказалась кружившая в небе чайка.

Разочарованный и обиженный, полковник поднялся с земли, умылся из ручья и, мрачный, поплелся на сеновал. Отдохнув немного, он взобрался на кучу сена и стал прилаживать к потолку веревку, чтобы повеситься. Но и тут ничего не вышло: пришел Релонен и помешал ему в самый ответственный момент.

Мужчины решили, что на сегодня самоубийство уже утратило для них свою прелесть. Азарт смерти утих. Самоубийство — это все-таки сугубо личное дело, оно требует полного покоя. Некоторые иностранцы, может, и совершают публичные самосожжения — демонстративно, из политических или религиозных побуждений, но финну для самоубийства публика не нужна. В этом они были единодушны.

За оживленной беседой мужчины не заметили, как подошли к дому Релонена. Оказалось, что Онни, одержимый бурными эмоциями, забыл запереть дверь.

Он угостил Германа парой бутербродов и пивом, а потом оба отправились топить сауну. Кемпайнен носил воду с озера, Релонен-дрова из сарая.

К середине дня сауна была готова. Мужчины как следует попарились. Тела очистились, а вместе с ними и души.

— В жизни не бывал в такой отличной сауне, — похвалил полковник.

Сидя на террасе, они продолжили разговор на тему дня. В порядке обмена опытом поведали друг другу такое, о чем никогда раньше не рассказывали ни одному смертному. Попытка самоубийства сближает сынов человеческих. Мужчины откопали друг в друге массу достоинств. Вскоре им уже казалось, что они знакомы сто лет. Время от времени ходили купаться. Купание бодрило, жизнь переставала казаться такой уж мрачной. Если бы в тот момент кто-нибудь с кромки воды, колышущейся в свете солнца Иванова дня, взглянул на товарищей по несчастью и на мир вокруг них, он бы понял, как прекрасен этот мир. Зачем же торопиться его покинуть?

Вечером у камина они приняли по рюмочке коньяка.

Полковник поднял свой бокал и произнес:

— Все-таки, Онни, хорошо, что ты забрел на тот сеновал в самый... ответственный момент.

— Да... благодаря этому мы остались в живых. А вот если б я опоздал или выбрал какой-нибудь другой сарай, были бы мы сейчас покойники. Ты болтался бы на веревке, а у меня голова разлетелась бы вдребезги.

Полковник оценивающе взглянул на голову Ре-лонена.

— Человек с разможенным черепом — жуткое зрелище, — произнес он задумчиво.

Да и рослый полковник, болтающийся на веревке, по мнению Релонена, выглядел бы не особо привлекательно.

Полковник заявил, что случившееся было величайшим совпадением, таким же редким с точки зрения теории вероятности, как выигрыш в лотерею. Мужчины взвесили, насколько велика вероятность того, чтобы двое мужчин решили покончить жизнь самоубийством в одном сарае и в одно и то же время. Если бы они затеяли самоубийство где-нибудь в Похьян-маа,^[1] их вряд ли бы что-нибудь спасло. Ведь в Похьян-маа куда ни глянь — бескрайние поля, и там сотни, тысячи таких сеновалов. Хватит, чтобы повеситься или застрелиться сотне человек, — и никто тебе не помешает.

Рассуждали и о том, что заставляет человека покинуть дом в час самоубийства. И почему люди ищут для этого какое-нибудь укромное местечко, вроде того старого сарая? Неужели человек так устроен, что бессознательно не хочет грязи в собственном доме? И в то же время он пытается найти такой уголок, чтобы труп не остался под открытым небом, где хлещут дожди и гадят птицы.

Полковник в задумчивости потер висок, взглянул Релонену в глаза и сказал, что он намерен отложить самоубийство по крайней мере до завтра. А там кто знает, может, он сведет с жизнью счеты на следующей неделе или вообще осенью. А что, спросил он, Онни по-прежнему настроен так же серьезно, как и утром?

Релонен был того же мнения. Раз уж попытка по воле случая провалилась, ее надо отложить до лучших времен. Самое худшее позади, он еще успеет все обдумать.

— Я тут весь день размышлял, а что, если мы с тобой что-нибудь такое замутим, — осторожно предложил Онни.

Полковник Кемпайнен был тронут. Он понимал, что наконец обрел хорошего друга, честного, надежного. Теперь он не так одинок, как был еще вчера.

— Я не могу сказать, что во мне снова проснулось желание жить... Пожалуй, все-таки нет. Но можно что-нибудь придумать. Раз уж мы живы.

Релонен обрадовался, даже воодушевился... И затараторил, исполненный энтузиазма: а что, если начать все заново и заняться каким-нибудь жизненно важным делом?

Полковник считал, что это надо обдумать. Теперь их жизнь — своего рода подарок судьбы, бесплатное приложение. Ею можно распорядиться как угодно. Вот что главное.

Друзья принялись философствовать по поводу того, что люди должны жить каждый день так, как будто он последний, но среди забот у них нет времени об этом задуматься. Лишь те, кто стоял на пороге смерти, в состоянии понять, что значит начать новую жизнь.

— Перед нами открываются огромные перспективы, — торжественно заключил полковник.

Глава 3

Полковник Герман Кемпайнен остался в доме Онни Релонена. Мужчинам было о чем поговорить. Прошлись по событиям жизни, обсудили дела. Обоим надо было выговориться — особого рода терапия. И в результате каждый понял, что наконец нашел настоящего друга. Они ходили в сауну и на рыбалку. Полковник греб, хозяин дома тянул блесну. Поймали трех щук, зажарили.

Постреляли по мишени из револьвера Релонена. Полковник оказался просто Вильгельмом Теллем. Потом пили пиво. Релонен принес из дома старый будильник, поставил его себе на голову и попросил Кем-пайнена выстрелить так, чтобы будильник разлетелся вдребезги. Полковник колебался, ведь пуля могла попасть Релонену промеж глаз.

— Ничего, стреляй!

Полковник не подвел. Игра со смертью очень позабавила мужчин.

Как-то раз, сидя у камина, Релонен впервые заговорил о том, что стоило бы пригласить в компанию других товарищей по несчастью. По его данным, только в Финляндии каждый год совершается тысяча пятьсот самоубийств, и в десять раз больше народу планируют покончить с жизнью. В основном это мужчины. Релонен вычитал все это в какой-то газете.

— Два батальона мужчин ежегодно совершают самоубийство, и еще бригада планирует, — подсчитал полковник. — Неужели нас действительно так много? Почти армия.

Релонен продолжал развивать свою теорию:

— Мне тут пришло в голову: а что, если собрать всех этих людей, то есть тех, кто помышляет о самоубийстве. Думаю, нам будет о чем поговорить. Мне кажется, многие отказались бы от самоубийства, будь у них возможность поделиться своим горем с теми, кто оказался в похожем положении. Вот мы с тобой поговорили по душам — и нам полегчало.

Полковник сомневался в успехе затеи. Люди, думающие о самоубийстве, только о смерти и будут говорить. От такого собрания ни веселья, ни помощи. Наоборот, народ впадет в еще большую депрессию.

Релонен не сдавался. По его мнению, такое собрание — прекрасная терапия. Человек обретет вкус к жизни, когда узнает, что и у других дела идут плохо, что он не один такой чертов неудачник.

— С нами ведь так и получилось. Если бы мы не встретились, были бы уже покойниками. Разве нет?

Полковнику пришлось признать правоту друга. Да, ему полегчало, но лишь на время. Все-таки он втайне продолжал думать о плохом. Никуда эти мысли не делись. Просто ненадолго отошли на задний план. Ведь дружба с Релоненом жену не воскресит, да и остальных проблем не решит.

— Мрачный ты человек, Герман.

Полковник согласился; он был уверен, что все военные, как правило, пессимисты и часто думают о самоубийстве. Он собирался повеситься на следующей неделе, как только их с Релоненом пути разойдутся.

По мнению Онни, его предложение о «клубе самоубийц» все-таки заслуживало внимания. Они запросто могли бы пригласить сюда целую группу, даже довольно большую, таких же опустошенных людей. Попытались бы вместе найти решение проблем, а если не получится, общение еще никому не вредило. Тогда можно будет всем вместе разрабатывать новые способы самоубийства, оттачивать стиль. Вместе наверняка легче придумать более изящные способы покончить с жизнью — ведь смерть может быть безболезненной, стильной, достойной человека, может быть даже почетной и привлекательной. В конце концов, это слишком примитивно — подвешивать себя как продолжение веревки. От разрыва шейных позвонков трахея вытягивается на полметра, лицо синеет, язык вываливается. Зрелище не для слаонервных. Стоит ли подвергать родных и близких такому стрессу?

Полковник потрогал свою шею. Полоска от петли за пару дней заметно потемнела и совершенно некстати опухла.

— Может, ты и прав, — наконец согласился полковник, приподняв воротник мундира.

Релонен воодушевился:

— Ты только подумай, Герман, если нас будет много, мы сможем и оплатить услуги группового терапевта, и провести последние дни как следует. В компании всегда веселее, чем одному. Можно было бы распечатать прощальные письма родственникам, отдать завещания юристу, услуги которого мы вместе оплатим. Получится гораздо дешевле... Может быть, даже получим скидку на извещения о смерти, если нас будет достаточно много. Тогда у нас появится возможность пожить на широкую ногу, ведь наверняка в компании окажется какой-нибудь состоятельный человек. Богатые сегодня совершают самоубийства гораздо чаще, чем многие думают. Легко будет и женщин привлечь в наш кружок. Я знаю, что в Финляндии много дам помышляет о самоубийстве, и они совсем не уродины, как раз наоборот: печальные женщины привлекательны какой-то особой одухотворенностью...

Полковнику Кемпайнену начинала нравиться идея друга. Да, в создании большой группы самоубийц есть рациональное зерно. Давно пора поставить самоубийство на профессиональные рельсы. Он посмотрел на проблему с точки зрения офицера и тут же увидел преимущества группового суицида. Даже очень хороший солдат не победит в одиночку, но, когда собирается большая толпа, объединенная общей целью, результат гарантирован. Военная история полна примеров, доказывающих эффективность массовых действий.

Релонен обрадовался:

— Ты, как полковник, мог бы профессионально организовать группу финнов-самоубийц для принятия наилучшего из возможных решений. Ты же руководитель. Взял бы себе в команду хотя бы тысячу потенциальных самоубийц. Сперва попробуем убедить их в нецелесообразности задуманного, а если не поможет, ты поведешь их на смерть.

Релонен представил себе полковника Кемпайне-на во главе армии, шествующей по дороге к смерти. Он вспомнил Ветхий Завет и мысленно сравнил Кем-пайнена с Моисеем, который вел свой народ в землю обетованную. Головокружительное путешествие! Вместо земли обетованной конечной целью станет смерть, массовое самоубийство, ошеломляющая точка в конце всего сущего. Перед взором Релонена предстал Кемпайнен, приказывающий своему народу перейти через Красное море, как в свое время Моисей — народу Израиля. Для себя Онни выбрал скромную роль Аарона.

И полковник принялся вдохновенно планировать:

— Массовое самоубийство можно было бы, в принципе, замаскировать под катастрофу... Поезд сошел с рельс, сотня человек погибла!

По мнению Релонена, такое масштабное несчастье было бы замечательным итогом совместной деятельности. Давно пора наглядно показать, что финны способны не просто повеситься в одиночку в каком-нибудь гнилом сарае, а, сообща взявшись за дело, организовать грандиозную катастрофу. Смерть все-таки не будничное событие. В конце жизни надо поставить жирную точку.

Полковник вспомнил, как десять лет назад в Латинской Америке было совершено массовое самоубийство. Релонен тоже слышал эту историю. Она во всем мире вызвала жалость и негодование. Один американский священник-фанатик собрал вокруг себя сотню преданных верующих, которые принесли ему в дар все свое добро, и основал некую религиозную секту. Когда официальные лица попытались запретить ее деятельность, глава секты решил пойти на самоубийство, но не один — он повел на смерть всех своих сподвижников. Погибли сотни фанатиков. Их останки были отвратительны: разлагающиеся трупы раздулись от тропической жары, мухи кишмя кишели над жилищем сектантов...

Ни Релонен, ни полковник Кемпайнен не находили оправдания такому массовому истреблению.

Эффект, конечно, получился довольно сильный, но «качество смерти» — плохое, а конечный результат прямо-таки омерзительный.

Было единодушно решено, что ни одному человеку нельзя советовать умереть, а если уж затевать групповое самоубийство по всеобщему согласию, то стильное.

Во время разговора Онни Релонен позвонил в Хельсинки, в Церковную службу доверия. Приятный женский голос предложил ему доверительно рассказать обо всех своих заботах. Релонен спросил, «горячий» ли у них сегодня вечер:

— Я имею в виду, много ли вам сегодня звонило людей, которые подумывают о самоубийстве?

Служительница церкви ответила, что не имеет права разглашать конфиденциальную информацию. Она назвала вопрос нетактичным и пригрозила бросить трубку.

Тогда трубку взял полковник Кемпайнен. Он представился и коротко рассказал о недавней встрече с Релоненом в хямельском сарае. Полковник не скрывал ни собственных суицидальных намерений, ни намерений друга. Затем он поделился с собеседницей идеей, которую они с другом решили осуществить: организовать терапевтическую группу из финнов, находящихся в подобной ситуации. В связи с этим он хотел бы узнать, где можно найти адреса или номера телефонов кандидатов в самоубийцы.

Телефонный терапевт продолжала сомневаться. По ее мнению, сейчас был неподходящий момент для обсуждения групповых самоубийств. У нее достаточно работы и с индивидуалами. Сегодня вечером позвонили уже шесть человек, попавших в беду. Если господ это интересует, пусть они позвонят, ну, скажем, в больницу для умалишенных, может быть, там им посоветуют, как действовать дальше.

— Мы не можем дать вам списка звонящих по поводу самоубийства, мы работаем строго конфиденциально.

— Да, не очень-то нам помогла эта старуха, — проворчал полковник и стал звонить в больницу Никки-ля. Он объяснил суть дела, но дежурный врач был неразговорчив. Впрочем, он подтвердил, что в их отделении есть пациенты, склонные к самоубийству, но их имена не разглашаются. К тому же за этими пациентами уже ведется наблюдение, они получают необходимые лекарства и терапию. Даже больше, чем нужно, как кажется некоторым. Больница Никкиля не нуждается в помощи всяких дилетантов в области психиатрии. Доктор не уверен, что какой-то полковник из группы поддержки способен предотвратить самоубийство. Ему всегда казалось, что армейское образование и подготовка преследуют принципиально иную цель.

Полковник разозлился и заявил дежурному врачу, что цель у него та же, что и у пациентов, и бросил трубку.

— Надо дать объявление в газету, — решил Релонен.

Глава 4

Кемпайнен и Релонен составили объявление с намерением разместить его в государственной газете. Оно выглядело так:

ДУМАЕШЬ О САМОУБИЙСТВЕ?

Не волнуйся, ты не одинок.

Есть и другие, у которых те же мысли и даже кое-какой опыт.

Напиши о себе и своей жизненной ситуации небольшой рассказ, может быть, мы сумеем тебе помочь.

Укажи в письме свое имя и адрес, мы с тобой свяжемся.

Материал обрабатывается в режиме строгой конфиденциальности и не передается посторонним.

Искателей приключений просьба не беспокоиться.

Письма оставляйте на главном почтамте Хельсинки с пометкой «до востребования» на имя: «Попробуем вместе».

По мнению полковника, фраза об «искателях приключений» была лишней, но Релонен твердо настаивал на ней. По молодости он часто давал объявления о знакомстве по переписке, и на них отвечали многие искательницы приключений, но он-то искал добропорядочную компанию.

Полковнику казалось, что такому тексту не место в разделе частных объявлений. По его мнению, там печатают только полную чушь, это просто отдушина для людей, мучимых романтическим и эротическим голодом. Самоубийство — нечто гораздо более серьезное. Он предложил напечатать объявление в разделе некрологов. Полковник считал, что люди, замышляющие самоубийство, должны с большим удовольствием читать сообщения о чужой смерти. Тогда информация дойдет до нужных адресатов. Релонен пообещал лично отнести объявление в редакцию газеты.

Итак, полковник остался дома, а Релонен отправился в Хельсинки. Договорились, что Онни заодно купит продукты и все необходимое. А полковник тем временем сообщит в главный штаб о своем уходе в летний отпуск. Дома, в Ювяскюля, нет срочных дел, да и никто его там не ждет.

— Решено, будем все лето здесь вдвоем жить, на озере Хумала.

В редакции Релонену пришлось заплатить наличными. Редактор прочитал текст и решил, что в этом случае обычный безналичный расчет не пройдет. Мало ли что? В случае чего придется покрывать издержки за счет имущества умершего. А где гарантия его платежеспособности?

Релонен заглянул домой и взял белье. Жена спросила, как прошел день Ивана Купала. Релонен ответил, что накануне и утром у него было плохое настроение, но потом он случайно в старом сарае наткнулся на одного ювяскюльского мужика. Мужик оказался что надо, и он пригласил нового знакомого к себе в гости.

— Убираться сами будете, — предупредила жена.

— Его зовут Кемпайнен...

— Угу, не могу же я всех Кемпайненов знать.

Релонен спросил, заходили ли судебные исполнители. Это они тут все разбросали, пока его не было? Жена рассказала, что произошло за пару дней до Ивана Купала. Судебный исполнитель пригрозил наложить запрет на продажу домика в Хямеярви, пока не решится дело с весенним банкротством.

Визит домой расстроил Релонена. Его с удвоенной силой потянуло в Хяме. По дороге Онни вдруг заволновался: а что, если полковник Кемпайнен за это время повесился? Как тогда быть? А мог ведь и пулю себе в лоб пустить.

Шагая к домику по хрустящему гравию дороги, Релонен вдыхал летние ароматы, слушал несмолкающие птичьи трели, а войдя во двор, увидел Кемпайне-на, несущего из сарая охапку дров для сауны. От сердца сразу отлегло, и Релонен крикнул ему:

— Привет, Герман! Жив-здоров?

— Да ничего... вот избу твою покрасил, чтобы время убить. Ты вроде не закончил...

Релонен признался, что весной настроение у него было нерабочее. Полковник понял.

Так и жили они в озерном краю Хяме всю неделю в ожидании откликов на объявление. Вели тихую здоровую жизнь, наслаждались летом, беседовали о судьбах человечества, наблюдали за природой. Иногда немного выпивали, садились с удочками на причал и смотрели на озеро Хумала. Полковника удивляло легкомысленное отношение Релонена к спиртному. Когда бывало выпито две трети бутылки, Релонен аккуратно затыкал ее пробкой и при случае бросал в озеро. Бутылка плыла на боку и, разумеется, рано или поздно причаливала к противоположному берегу. А до него несколько километров. Не мог же отправитель «бутылочной почты» знать наверняка, где посылка прибьется к берегу.

— Почти все соседи так делают. Оставляют треть бутылки и отправляют ее в путешествие, — объяснил Релонен.

И все равно полковник не понимал такого расточительства. Алкоголь в Финляндии — дорогое удовольствие. Разве можно выбрасывать его в озеро?

Релонен объяснил, что это старый проверенный способ связи. Кто-то когда-то впервые сделал это по ошибке. Первая бутылка с винным грузом приплыла к причалу Релонена семь лет назад. Это был коньяк Ша-ранте, отличного качества. Бутылка прибыла хмельным августовским утром и была спасена. Сразу после открытия винных магазинов Релонен выплатил весь долг за Хумалаярви. В прежние годы бутылки появлялись у берега гораздо чаще. Эта традиция потихоньку распространилась по всем берегам озера. Но об этом не говорят, это тайна летних обитателей Хумалаярви.

— В прошлом году мне достались три бутылки шерри, а незадолго до того, как озеро замерзло, — еще одна бутылка водки и одна-коскенкорвы.^[2] В них было столько жидкости, что они едва держались на поверхности. Это согревает душу. Чувствуешь, что где-то на том берегу живет родная душа — щедрый ценитель хорошего коньяка или славный любитель водки, который подумал о неизвестном ему ближнем по ту сторону водной глади.

Однажды вечером, лежа на полке в сауне, полковник Кемпайнен заметил, что все тело друга покрыто шрамами. Полковник удивился, откуда они у Рело-нена. Неужели он был ранен на войне?

Релонен объяснил, что в разгар войны ему был только год. Но мирная жизнь в Финляндии мало чем отличалась от войны. Он четыре раза становился банкротом. Отсюда и шрамы.

— Знаешь, после каждого банкротства мне было так погано, что я решался на самоубийство. Эта попытка на Ивана Купала была не первой. Может, и не последней, кто знает...

Релонен рассказал, что пробовал покончить с собой уже трижды. В шестидесятом году, во время первого банкротства, он решил себя взорвать. У него тогда была фирма по перевозке земли. Взрывчатки хватало, а о профессиональных навыках и говорить нечего. Релонен принес в свой домик мощный снаряд, к которому присоединил два пистона и два

фитиля. Снаряд он положил в брюки, уселся в кресло, поджег оба фитиля и закурил последнюю сигарету.

Взрыв удался лишь отчасти. Горящие фитиля прожгли огромные дыры в трусах, а на ногах появились ужасные ожоги. Релонен не вытерпел жара тлеющего фитиля и, воя, выскочил из кабинета. Кусок тротила оторвался от пистона и сполз по штанине на голую ногу. Капсуль-детонатор взорвался и серьезно повредил зад и брюки. Жизнь была спасена, но на теле остались рубцы. Второй капсуль, в кабинете, рванул вслед за первым. Дом разлетелся на кусочки и взмыл на 70 метров над площадкой.

После второго банкротства в 1974 году Релонен попытался застрелиться из дробовика, приладив его к дереву на даче у тестя в Сонкяярви. Он смастерил охотничью ловушку. Но Релонен был слишком пьян. Пуля пролетела мимо.

Онни показал к полковнику спину, испещренную шрамами. Вот следы того судьбоносного выстрела. Одна пуля угодила в легкое, но Релонен все-таки выбрался из капкана живым.

В предпоследний раз Релонен решил вскрыть себе вены. Но успел «обработать» только левую руку, а потом упал в обморок при виде собственной крови. «Рубец судьбы» остался и от этой попытки.

Все эти неудачи вынудили Релонена обзавестись револьвером. Он рассчитывал таким образом действовать наверняка. Но, как полковник уже знал, последняя попытка тоже не увенчалась успехом.

Кемпайнен, разглядывая шрамы, пришел к выводу, что Релонен проявил завидную настойчивость в желании себя убить. Сам же полковник никогда раньше о суициде не думал. Он еще больше уважал товарища, как заслуженного ветерана самоистребления.

Глава 5

В конце первой недели июля Релонен заехал на Хельсинкский почтамт и удивился: он получил целую охапку писем в ответ на объявление. Они даже не поместились в портфель. Пришлось набить письмами еще два пакета.

С этим богатым уловом Релонен помчался на машине в Хяме. Ему было страшновато: что, если они с полковником сдвинули снежную лавину, укротить которую выше их сил?

Дома они разложили письма на полу в гостиной. Сперва пересчитали их. Оказалось 612 посланий: 514 писем, 96 открыток и 2 небольших пакета.

Пакеты вскрыли в первую очередь. Один содержал пучок длинных отрезанных волос, очевидно, женских. На пакете стоял штамп города Оулу. Что значили эти волосы-трудно сказать. Во втором пакете лежала рукопись в 500 страниц под названием «Самоубийства в Хайлуотолайси в этом столетии». Автор — учитель саамской народной школы Осмо Саарниахо. В сопроводительном письме он жаловался на то, что получил на свое творение пренебрежительный отзыв в кругах сельских издателей: ни один из них не заинтересовался книгой. Теперь он спрашивал тех, кто получит это письмо: возможно ли совместными усилиями опубликовать ценную рукопись и разослать книгу по книжным магазинам страны? Он предполагал, что книга принесет 100 000 марок чистой прибыли. Если ему не удастся издать свой опус, он покончит жизнь самоубийством.

— Это надо отправить обратно. Мы не можем ввязываться в издательское дело, даже под угрозой смерти, — решил полковник.

Письма сперва условно разделили по округам согласно почтовым штемпелям. Оказалось, что большинство писем пришло из Ууденмаа, Турку, областей Пори и Хяме. Хорошо были представлены также Саво и Карелия, а из Оулу и Лапландии — всего лишь горсточка. Релонен предположил, что столичная газета не так широко распространяется на севере, как в центральных областях. Похьянмаа, впрочем, тоже была представлена слабо. Это, в свою очередь, могло означать, что там самоубийств совершается меньше, чем в других районах. И немудрено, ведь там самоубийство рассматривается как предательство всего деревенского сообщества.

Прочитали несколько открыток и вскрыли несколько конвертов. Письма производили удручающее впечатление. Люди, одержимые страстью к самоуничтожению, писали как курица лапой, с грамматическими ошибками. Каждое письмо было криком о помощи: правда ли, что я не одинок? Есть ли такая сила, которая мне поможет?

Мир этих людей рухнул, мысли в их головах смешались. Горе некоторых из них было столь ужасным, что даже выдавший виды полковник и тот прослезился. Объявление в газете было воспринято ими как последняя соломинка.

Ответить на все письма казалось безнадежной затеей. Даже открыть и прочитать их оказалось не по силам.

Изучив почти сотню писем, Релонен и полковник Кемпайнен отправились купаться.

— Да, топиться нам теперь нельзя, — философствовал Релонен, отплывая от причала, — ведь тогда получится, что мы бросили на произвол судьбы больше шестисот человек. А если они покончат с собой? По совести, мы будем виновны в их смерти.

— Да... какое уж теперь самоубийство, когда мы посадили себе на шею батальон горемык, — согласился полковник.

— Настоящий батальон самоубийц, — добавил Релонен.

С утра Релонен и полковник Кемпайнен отправились в ближайший книжный магазин и купили шесть папок, дырокол, скрепки, нож для вскрытия конвертов, маленькую электрическую пишущую машинку, 612 конвертов и две стопки писчей бумаги. На почте они заказали 612 марок и отправили учителю Саарниахо его «Самоубийства в Хайлуототайси в этом столетии», приложив письмо, в котором уговаривали писателя оставить мысли о самоубийстве. Они предлагали ему обратиться с рукописью в Общество душевнобольных Финляндии или в другую подобную организацию — может, там лучше поймут научную ценность его труда.

Релонен пошел в магазин за продуктами, полковник забежал в винный магазин Алко. Потом они вернулись в Хумалаярви.

Времени на сауну и рыбалку теперь уже не было. Релонен принялся вскрывать ножом конверты, Кемпайнен работал писарем. Он выписывал адреса и имена респондентов и присваивал им порядковые номера. Работа продолжалась два дня. Закончив регистрацию, компаньоны решили основательнее ознакомиться с письмами.

Они понимали, что надо спешить. В их руках оказалось более шестисот жизней. На письма надо было ответить быстро, а их было только двое, и дело шло слишком медленно.

— Нам нужен секретарь, — вздохнул Релонен поздно вечером, когда все письма были открыты и прочитаны.

— Да кто ж нам посреди лета отдаст своего секретаря, — ворчал полковник Кемпайнен.

Релонену пришло в голову, что опытный секретарь может обнаружиться среди потенциальных самоубийц. Наверняка среди них найдутся люди, готовые помочь. Начали изучать базу данных с этой точки зрения. Естественно, искали прежде всего среди живущих поближе. Начали со стопки писем из Хяме. Релонен прочитал пятнадцать штук, полковник-двадцать.

Деревенских жителей из Хаухола, Сюсмья и их окрестностей решили в расчет не брать — крестьяне не годятся для секретарской работы. Откопали трех учителей начальных классов, старую деву из Форсы. В Хумпила нашли профессиональную секретаршу на пенсии, Кука-Марию Оваскайнен из Кемеры. Следующей попалась проректор местного гражданского училища Хелена Пуусари из Тояла, тридцати пяти лет, преподаватель торговой переписки. Обе женщины разочаровались в жизни и всерьез подумывали о самоубийстве. К тому же они доверчиво прислали свои адреса и телефоны.

Было уже поздно, но дело не терпело отлагательств, поэтому мужчины решили немедленно связаться с обеими дамами. Сперва позвонили в Хумпи-ла, но там никто не ответил.

В Тояла проректора Пуусари тоже не оказалось на месте, но ее голос на автоответчике предложил оставить сообщение. Полковник Кемпайнен коротко представился, извинился, что пришлось звонить в столь позднее время, ведь дело шло к полуночи, коротко изложил суть проблемы и добавил, что они с товарищем хотели бы встретиться с проректором.

Кемпайнен и Релонен вознамерились немедленно отправиться в Тояла. Они уже порядочно выпили и понимали, что садиться за руль в таком состоянии опасно, но решили, что ничего хуже, чем разбиться насмерть, им не грозит. Так что в путь! Полковник вел машину, Релонен перечитывал вслух письмо проректора Пуусари:

«Жизнь моя дошла до кульминации. Рассудок мой в опасности. Детство мое было безоблачным, у меня всегда был веселый, оптимистичный характер, но за последние годы здесь, в Тояла, я очень изменилась. Мое чувство собственного достоинства раздавлено. Обо мне в этом маленьком городке ходят различные сплетни. С мужем я развелась 10 лет назад. Даже здесь, в Тояла, это обычное явление.

Но после развода я больше не хотела или не могла завязывать отношения с мужчинами. Может, я сошла с ума, но мне уже несколько лет кажется, что за мной постоянно следят и все записывают. Я чувствую себя пленницей здешнего общества. Даже садоводство, которое казалось мне когда-то таким интересным занятием, опротивело. Я стала настоящей отшельницей. Не могу ни с кем разговаривать, никому не доверяю, и, по моему, не без причины. Меня считают очень чувствительной натурой. Может, отчасти они и правы. Вообще я человек прямой и не пренебрегаю ничьей дружбой. Но постепенно я поняла, что люди не отвечают мне тем же, и не только здесь, в Тояла, но и во всем мире. Я больше не выдержу. Хочу просто заснуть и спать до бесконечности. Надеюсь, что к моему

признанию вы отнесетесь с пониманием. Если о нем узнают, это только усугубит мое положение. Я уже не вижу другого выхода, кроме как наложить на себя руки».

Они ехали по дороге Хяме в полной тишине. Спустя какое-то время Релонен сообразил, что они доберутся до места глубокой ночью, так что неплохо было бы извиниться за беспокойство и подарить проректору Пуусари, ну, скажем, букет цветов. Полковник с ним согласился, но выразил сомнение, что в это время суток можно купить цветы: магазины-то уже закрыты. Релонен на секунду задумался и предложил нарвать у дороги полевых, а заодно и нужду справить. Выбрав подходящее место, он попросил полковника остановить машину.

Релонен исчез в темном лесу. Полковник, покуривая, ждал у машины. Это мероприятие начинало его раздражать. Он крикнул Релонену, чтобы тот возвращался. Пьяный голос откуда-то из леса ответил, что нашел цветы. Или, по крайней мере, свежие листья.

Полковнику показалось, что Релонен идет к дороге, и он медленно поехал вперед. Через полкилометра полковник увидел Релонена, сидящего на темном асфальте. В одной руке у него был букет кипрея и других полевых цветов, в другой — самодельная клетка из проволоки. Полковник остановил машину и увидел, что в клетке кто-то сидит и шипит. Енот.

Релонен был страшно горд. Он рассказал, как долго ходил, собирая цветы, и вдруг наткнулся на капкан. Он страшно испугался, когда зверек, попавший туда, начал орать. Вот он, настоящий живой енот. Его ведь можно подарить проректору Пуусари, правда?

Полковник считал, что дикий зверек — не самый подходящий подарок для незнакомой женщины, думающей о самоубийстве. Он попросил Релонена отнести зверька вместе с клеткой туда, где взял.

Разочарованный Релонен скрылся в лесу, а вернувшись, объявил, что не смог найти место, где подобрал зверька. Тогда полковник предложил Релонену оставить клетку где-нибудь в лесу, но Релонен на это не согласился. Что, если лесник, поставивший капкан, не найдет зверька в другом месте? Енот в клетке умрет от голода и жажды.

Полковнику пришлось согласиться, что енота нельзя оставлять где попало. Выпустить зверька Релонен отказался. Вдруг он бешеный? В любом случае он представляет угрозу для птичьих гнезд и мелких грызунов. Он положил клетку в багажник, а сам с цветами в руках сел на переднее сиденье рядом с полковником.

Настроение у полковника испортилось: приятель был пьян и неадекватен. До Тояла они ехали молча.

В три часа ночи, в центре Тояла, на третьем этаже четырехэтажного кирпичного дома, Релонен и полковник Кемпайнен позвонили в дверь проректора Пуусари. Релонен держал клетку с енотом и увядшие лесные цветы. Дверь отворилась, их пригласили войти.

Хелена Пуусари оказалась крупной рыжеволосой дамой в очках. У нее было решительное лицо, но выглядела она уставшей. Походка размашистая, но при этом женственная. На ней были прогулочный костюм и туфли на высоком каблуке. Вид у проректора был смущенный. Подумать только: такую милую женщину в этом городке довели почти до самоубийства.

Проректор Пуусари попросила оставить клетку в прихожей. Она подала гостям кофе с бутербродами и предложила по рюмочке ликера. Поговорили о деле. Госпожа Пуусари, оказывается, боялась, что за объявлением в газете стоят какие-нибудь аферисты. Но все-таки решила рискнуть. Теперь же, когда она познакомилась с авторами объявления, то есть с Релоненом и Кемпайненом, ей стало казаться, будто их свело само провидение, ведь беда-то у них общая. Еноту она не очень удивилась. Она бы тоже не оставила зверька умирать в лесу.

— Я, разумеется, разбираюсь в людях, у меня есть опыт. Вы хорошие люди, в этом я уверена, — заметила госпожа Пуусари, ставя цветы в вазу.

Полковник Кемпайнен рассказал ей, что на объявление пришло более шестисот откликов. Обработать их двоим мужчинам не под силу, тем более что они никогда раньше этим не занимались. Релонен — неудачливый бизнесмен, а он сам — полковник в отставке. Друзья предложили госпоже Пуусари помочь им в подготовке и рассылке ответов на письма.

Проректор Пуусари сразу же согласилась. Опрокинули по рюмочке, взяли с собой енота и пошли к машине. Обрато в Хумалаярви ехали через село Лам-ми. Было раннее утро, по земле стелился легкий туман. Релонен спал. Когда Кемпайнен миновал церковь, госпожа Пуусари попросила его остановиться.

Выйдя из машины, Хелена направилась к кладбищу позади церкви. Она бродила среди могил, окутанных туманом, долго стояла около старых могильных плит и смотрела в небо. Потом вернулась к машине.

— Я интересуюсь кладбищами, — объяснила она полковнику. — Они успокаивают.

Вскоре добрались до дома Релонена. Тут он и сам проснулся, открыл багажник, чтобы выпустить енота. Но зверек исчез, причем вместе с клеткой. Релонен встревожился, не забыл ли он ее в Тояла. Полковник успокоил его, сказав, что оставил клетку с енотом на пороге церквушки в Ламми. Там его утром найдут, и судьбу зверька, скорее всего, решат церковные служащие. Так что душа зверька теперь в руках Всевышнего.

Когда проректор Пуусари увидела грудку писем, она выпалила:

— Ой, бедные! За это надо браться всерьез. Встанем пораньше — и за работу.

Хелену устроили в мансарде. Когда она удалилась туда, мужчины переглянулись:

— Хороший человек.

Глава 6

С утра взялись за работу. Решили прочитать каждое письмо вслух. Прочитали десять писем, делая заметки. Затем поменяли чтеца, прочитали еще десяток, потом пришла очередь третьего чтеца. Работа шла довольно быстро и не казалась очень уж тяжелой.

Обработка одного письма занимала пять минут: пара минут — на чтение, три — на обсуждение. За час управились с дюжиной писем. Быстрее не получалось. Работали два часа подряд, потом устроили часовой перерыв.

За каждым письмом стоял человек со своей бедой. Читающие знали это по собственному опыту.

Выяснилось, что охотнее рассказывают о своих проблемах женщины: 65 процентов писем пришло от них. Пол некоторых авторов установить не удалось. Например, Ома Лаурила мог быть как мужчиной, так и женщиной. По письму Раймо Таавитсайнена казалось, что писала скорее женщина, потому что профессия была указана женская.

Большая часть респондентов, если не все, страдали психическими расстройствами. Кое-кто просто казался сумасшедшим. Встречались психоз и паранойя. Например, одна уборщица из Лауритсала утверждала, что находится на грани самоубийства из-за того, что ее постоянно преследует президент Койвисто. Травля велась разными способами: Койвисто подкладывал ей ядовитые моющие средства, и лишь благодаря природной проницательности жертве удавалось избежать отравления. В последнее время президент совсем обнаглел: не давал уборщице покоя ни днем, ни ночью. Его начальники канцелярии и охранники тайно приезжали в Лауритсала, всячески мешая жить несчастной женщине. В конце концов она пришла к патриотическому решению: мир спасет только ее самоубийство. Тогда Койвисто придется оставить ее в покое. Принося себя в жертву, уборщица надеялась, что СССР не сможет воспользоваться ситуацией и начать против Финляндии ядерную войну.

Авторы писем страдали различными неврозами. Были и очевидные врожденные отклонения, и психопатия, которая проявлялась в семейных и любовных неурядицах. Среди пишущих попадались и пациенты психиатрических клиник. Проблемы у всех были схожие: трудности на работе, учеба не идет как надо, горькая старость пришла слишком рано. Один человек писал, что еще до войны совершил убийство и до сих пор не может об этом забыть. Некоторые ударились в религию и при помощи самоубийства надеялись попасть на небеса и встретиться там со Всевышним.

Много было сексуально озабоченных, гомосексуалистов, трансвеститов, мазохистов, жиголо, неизлечимых нимфоманок.

У некоторых налицо были тяжелый алкоголизм, зависимость от лекарств и наркотиков. Один мужчина, живущий в Хельсинки, в районе Эроттая, и работающий в компьютерной фирме, пришел к выводу, что самоубийство — единственный эффективный способ распорядиться собственной жизнью. Другой любознательный знаток мистических учений говорил, что у него не хватает терпения ждать естественной смерти, вот он и решился на самоубийство, чтобы увидеть, что ему предложат после смерти.

Всех авторов писем роднило сильное чувство одиночества и отверженности. Тем, кто разбирал письма, эти чувства тоже были знакомы.

В перерывах ходили на причал — отдохнуть и позагорать. Релонен делал бутерброды, полковник готовил кофе. Над Хумалаярви кричала кукушка — редкая птица в южной Финляндии.

Однажды во время вечернего перерыва Хелена Пуусари заметила плывущую к берегу бутылку. Она стала кричать, что ненавидит алкоголиков, которые повсюду бросают бутылки и бессовестно загрязняют финскую природу. Она тоже иногда употребляла алкоголь, но ей и в голову не могло прийти разбрасывать бутылки.

Полковник поднял бутылку с прибрежного песка. Это оказалось шотландское солодовое виски Cardhua двадцатилетней выдержки. Напитка в бутылке было на полдюжины рюмок. Его сразу же выпили, а выпив, мужчины рассказали госпоже Пуусари о традиции бутылочной почты. Может быть, имя, данное озеру^[3] давным-давно, и породило этот обычай?

С письмами работали двое суток. Прочитали каждое письмо и открытку, обсудили и на большей части сделали пометки. Результаты потрясали. Кто знает, сколько из написавших уже успели совершить самоубийство? Ведь со дня публикации объявления прошло уже дней десять. За это время человек, находясь в депрессии, вполне может успеть исполнить задуманное.

Проректор Пуусари позвонила в школу в Кески Хяме и попросила одолжить печатную машинку. Разрешение было получено. Теперь предстояло написать ответ, размножить его и отправить в разные концы Финляндии.

Проректор Пуусари имела большой опыт написания писем, чем Релонен и Кемпайнен. Она-то и составила короткое утешительное письмо, в котором просила адресата отказаться от своего решения хотя бы на некоторое время. В письме говорилось, что тысячи финнов думают о том же, ведь на объявление в газете откликнулось более шестисот человек. Так что не стоит проявлять поспешность в таком жизненно важном деле.

Полковник Кемпайнен добавил, что массовое самоубийство будет более веским, более убедительным актом, чем совершенное в одиночку любительское. Поддержка коллектива важна в любом деле. По мнению Релонена, массовое самоубийство могло принести и экономическую выгоду. Он написал о совместных увеселительных поездках перед смертью и о возможности для родственников получить скидку на похоронные расходы. Письмо подправили и еще раз внимательно перечитали, прежде чем размножить.

— Хорошо бы еще организовать семинар для обсуждения жизненных ситуаций тех, кто помышляет о самоубийстве, — предложила проректор Пуусари. — Не можем же мы отделаться от бедных людей одним утешительным письмом.

Полковник Кемпайнен понимал, что проректор Пуусари привыкла из любой темы делать семинар или конференцию. Эта мода уже добралась и до вооруженных сил. В армии давно поняли, что любое совещание — просто лишний повод для офицеров выпить в официальной обстановке, вдали от надзора жен. Релонен тоже высказался по поводу семинаров и пустых совещаний в бизнесе: они неизменно заканчиваются банкетом, для чего и затеваются. В отелях, где проходят совещания, иногда напиваются до потери рассудка, а расходы вносятся в бухгалтер фирмы для уменьшения налогов. Выходит, что финское правительство невольно потакает алкоголизму в мире бизнеса. Результатом совещаний становятся так и не открытые портфели с так и не прочитанными документами. Деньги промотали, время потратили, а низкооплачиваемый персонал фирмы, в основном женщин, бросают на сверхурочную работу, чтобы компания не обанкротилась.

Полковник саркастически заметил, что уж кто-кто, а Релонен знает в этом толк: как-никак специалист по банкротствам.

Проректор Пуусари возмутилась: сейчас не время для глупых мужских шуток. Речь идет о жизни шестисот человек. Хотя бы часть из них нужно включить в группу, обсудить их

проблемы и воскресить. Им понадобится помещение, куда можно пригласить народ. Необходимо выработать программу, которая даст практические результаты.

Полковник успокоил ее:

— Не волнуйся, Хелена, мы уже обсуждали это с Онни. К утешительному письму стоит добавить и приглашение на семинар. Как думаешь, Хельсинки — подходящее место, чтобы собрать там толпу финнов, собирающихся покончить с собой? Или летом лучше выбрать другое место?

Релонен считал, что нельзя устраивать семинар в маленьком городке. Например, если хотя бы сто самоубийц соберется в Пиексамяки, об этом сразу же станет известно всем местным жителям. Финляндия — земля обетованная для слухов. А в данном случае огласка нежелательна.

Проректор Пуусари предложила ресторан «Певчие» в районе Тёле в Хельсинки. Там в подвале вполне подходящее помещение для собраний. Раньше там постоянно устраивали поминки. Ресторан находится около кладбища Хиетаниеми и церкви Темпелиаукио.

— Что ж, — решил полковник Кемпайнен, — давайте напишем в приглашении, что собрание самоубийц состоится в «Певчих» в следующую субботу. Если завтра же отнести письма на почту, желающие успеют добраться до Хельсинки.

Релонена смутила такая поспешность, но ему тут же напомнили: время не ждет — речь идет о человеческих жизнях.

Закипела работа. Предстояло забронировать помещение, размножить письмо и как можно скорее отнести конверты на почту. Каждый потерянный день — это умершие люди; поэтому решили постараться обойтись без жертв.

Глава 7

Полковник Кемпайнен заказал помещение в ресторане «Певчие». Метрдотель сказал, что в подвале поместится около 200 человек, часть — в зале, остальные — в сорока кабинетах. Кемпайнен забронировал ресторан на субботу, с 12 часов. Заодно договорился о буфете. Метрдотель сообщил, что ланч стоит 78 марок. Если собравшимся предложить в качестве aperitiva, например, игристое вино, это составит еще 16 марок.

Полковник одобрил меню, предложенное метрдотелем:

Ланч

Рыбное ассорти Коктейль из морепродуктов Суп из цветной капусты Жареный лосось Рагу из строчков

Бифштекс из маринованного говяжьего филе со специями

Брусничный шербет Мокко-парфе Кофе

Ознакомившись с заказом, Релонен ужаснулся. Он что, с ума сошел? Если в ресторане и правда поместятся 200 потенциальных самоубийц, и все будут лопать ланч, который заказал полковник, это влетит в копеечку. Релонен быстро подсчитал на калькуляторе: 18

000 марок! У него нет денег на такие подарки. Кроме того, зачем кормить шестьсот человек, которые все равно собираются умереть? По мнению Релонена, разочарованному в жизни человеку вполне достаточно будет чашечки кофе и пирожка с повидлом. Он был уверен, что расточительство ни к чему хорошему не приведет.

— Мне кажется, Онни, у тебя комплекс банкротства, — заметил полковник. — Думаю, нам не надо беспокоиться о счете. У всех будут деньги, они заплатят за свой ланч. А если у кого-то их не будет, заплачу я.

Релонен пробормотал, что, насколько ему известно, на офицерскую зарплату не прокормишь всех сумасшедших страны. На это полковник возразил, что никогда не зависел от зарплаты. Он получил солидное наследство. Вернее, его получила покойная жена, которая родилась в богатой семье, и после ее смерти Кемпайнен стал весьма состоятельным мужчиной.

Проректор Пуусари продолжала строить планы:

— Я могу попросить одну мою сокурсницу прочитать лекцию. Арья Реухунен — психолог, лечит больных с задержкой умственного развития в центральной лечебнице Тамперского университета и хорошо разбирается в этом вопросе. Она могла бы выступить с докладом о том, как избежать самоубийства.

Пуусари добавила, что психолог Реухунен — известный специалист и автор серьезных статей; а кроме того, Арья, кажется, в студенческие годы сама предпринимала попытку самоубийства.

Когда все было готово, написали короткое приглашение на семинар самоубийц, который состоится в середине июля, в субботу, в 12 часов, в актовом зале ресторана «Певчие». Организаторы семинара рассчитывают на большое число участников и веселое лето. После обсуждения «веселое лето» решили убрать. Вместо этого написали: «Не принимайте необдуманных решений. До скорого свидания».

Письмо переписали начисто, отвезли в народное училище в Хямеенлинну и размножили. Больше всего времени — целый день — ушло на то, чтобы надписать на шестистах конвертах имена и адреса получателей. На курсах фотографии в том же училище им помогли наклеить марки и запечатать конверты. На следующий день все письма отнесли на почту.

Теперь оставалось ждать собрания группы самоубийц. Учредители разъехались по домам: Релонен-в Хельсинки, полковник Кемпайнен — в Ювяскюля, а проректор Пуусари — в Тояла.

В следующую субботу полковник Кемпайнен, возвращаясь из Ювяскюля, заехал в Тояла, чтобы захватить Хелену Пуусари. По дороге в Хельсинки проректор Пуусари ознакомилась еще с двумя захоронениями: кладбищами в Янаккала и Туусила.

Релонен уже ждал их в ресторане «Певчие». Было без пятнадцати двенадцать. Все трое осмотрели помещение актового зала и отметили, что работники ресторана привели в порядок кабинеты, зал украсили цветами, а на столы постелили чистые скатерти. Метрдотель показал им меню, составленное в соответствии с заказом. Проверили микрофоны — все было в порядке.

— Нам звонила пара журналистов, — предупредил метрдотель.

Полковник проворчал, что собрание не подлежит огласке, и приказал портье не впускать журналистов с фоторепортерами. Если кто-то попытается проникнуть, пусть позовут его, и он лично разберется с любопытными.

Все трое волновались. Соберутся ли самоубийцы? Или организаторы были одержимы манией величия, когда привели в движение весь этот механизм? И что выйдет из их затей?

Полковник облачился в парадную форму, мадам Пуусари — в шелковый костюм. Релонен был вынужден предстать в старом, но хорошо отглаженном полосатом костюме, в котором выдержал бури четырех банкротств. Троица производила торжественное и солидное впечатление. Но ведь и дело было важным, жизненно важным.

В 12 часов напряжение спало. Холл ресторана наполнился людьми, женщинами и мужчинами. Релонен считал приходящих: пятьдесят, семьдесят, сто... Скоро он сбился со счета. Многие перекочевали вниз, в актовый зал, где полковник Кемпайнен и проректор Пуусари приветствовали гостей, метрдотель и официантки провожали их к столикам. Через пятнадцать минут зал был полон. Дверь-гармошку, ведущую в самый большой кабинет, оставили открытой. Там нашлось место еще для сорока приглашенных. Все столики уже заняли, а в проеме стояло еще два десятка остолбеневших людей. В четверть первого полковник уведомил портье, что двери пора закрывать. Ресторан заполнен до отказа. Можно начинать.

Полковник Кемпайнен взял микрофон. Он представился и представил своих товарищей — Релонена и проректора Пуусари. В зале послышался одобрительный гул. Затем полковник коротко рассказал об организаторах семинара и о плане его работы. Цель — доверительно побеседовать о жизни и смерти. Запланировано выступление психолога на тему о профилактике самоубийств. После лекции можно будет насладиться специально приготовленным для этого случая обедом. Те, кто не в состоянии заплатить за обед весьма умеренную цену, получают его бесплатно за счет полковника. Можно также собрать деньги, чтобы покрыть все расходы. После обеда-«свободный микрофон»: все желающие могут выступить с небольшой речью по теме, то есть по поводу самоубийства. А в конце мы обсудим, есть ли смысл продолжать эти семинары, нужно ли выбрать комиссию, которая будет защищать интересы самоубийц, или достаточно одной встречи.

— Тема нашего семинара неожиданно оказалась очень серьезной и на редкость печальной, но я все-таки хочу надеяться, что она не испортит нам этот прекрасный летний день. Ведь и у нас, людей разочарованных, есть право хотя бы один день наслаждаться этой жизнью и хорошей компанией. Надеюсь, вы приятно проведете время, и наши судьбы получают новое, более оптимистическое направление, — закончил свою речь полковник. Все выслушали его с молчаливым одобрением.

Во время выступления у дверей, ведущих в зал, выстроилась колонна официантов. В руках они держали подносы, уставленные бокалами с игристым вином.

Получив бокалы, многие встали в ожидании тоста.

— Здоровья и долгих лет жизни, — произнес полковник, поднимая свой бокал. Обстановка разрядилась, люди стали знакомиться, общаться, заказывать еду.

Первая часть семинара для самоубийц прошла согласно плану. Докладчик, психолог Арья Реухунен, прочитала отличный доклад о самоубийствах и их профилактике. Лекция заняла два часа. Это был серьезный и беспристрастный рассказ о душевных болезнях, жизненных тяготах, научных исследованиях природы суицида и о многом другом, с этим связанным. Все это лично касалось большинства слушателей, поэтому они сидели тише мыши и ловили каждое слово.

По мнению докладчицы, основная причина самоубийств крылась в том, что люди ощущали бессмысленность своей жизни, не видели в ней ничего приятного. Психолог Реухунен сделала акцент и на особой природе суицида в сравнении с другими психологическими проблемами: самоубийство в Финляндии все еще табу, говорить о нем стыдно. Оно не только позорит самоубийцу, которого объявляют больным, но и бросает тень на его родственников. Известно много случаев, когда страдали именно родственники самоубийцы.

Сразу после лекции психолога какой-то мужчина средних лет, размахивая проволочной клеткой, потребовал слова.

Он по собственному опыту знал, что такое безнадежность и как Божье провидение может от нее спасти.

Полковник прервал излияния человека с клеткой, заметив, что дискуссия начнется после обеда.

Ланч удался на славу. После него многие ушли, но большинство осталось. Люди заказывали напитки, оживленно беседовали.

Пара журналистов и фотограф прорвались-таки в холл ресторана, пытаясь выведать новости. В газетные сводки просочились намеки на важный семинар. Полковник подробно объяснил, что семинар этот частный и касается проблем людей с задержкой умственного развития, выросших в деревенской общине и оказавшихся в ситуации, когда социум быстрыми темпами интегрируется в европейское экономическое сообщество. Разочарованные журналисты вздохнули и ушли, не задавая больше вопросов.

А потом началась дискуссия, и ход семинара принял новое направление и размах.

Глава 8

Участники семинара самоубийц охотно заказывали пиво, вино и напитки покрепче — очевидно, для храбрости. Когда пришло время «свободного микрофона», каждый получил возможность рассказать во всеуслышание о своих проблемах.

Ввели пятиминутный регламент ввиду большого количества желающих. За это время выступающие успевали лишь в общих чертах описать ситуацию. Завязалась дискуссия, ведь проблемы у многих были общие.

Мужчина с клеткой, требовавший слова перед ланчем, наконец получил возможность поделиться своими мыслями. Был он родом из Тампере, а по профессии — нивелировщик. Ему было за тридцать, и жизнь он вел довольно распутную. Нивелировщик барахтался в грехах годами. Он был уверен, что жизнь зла и несправедлива. Вот и впал в глубокое отчаяние. Этим летом вялая неудовлетворенность переросла в сильное беспокойство.

Нивелировщик обратился к вере и стал умолять Бога послать ему какой-нибудь знак, что и он, самый грешный из грешников, может получить помилование Всевышнего.

Но знака все не было. Нивелировщик опечалился пуще прежнего и начал подумывать о самоубийстве. Однажды летней ночью он без всякой цели ехал из Тампере и случайно попал в Ламми. Погруженный в мысли о своей беде и о смерти, нивелировщик забрел на кладбище. Но в последний момент Господь все-таки спас его. Желанный знак подждал его на пороге Ламмской церкви!

Нивелировщик поднял проволочную клетку, чтобы все ее увидели. Это она стояла на церковной лестнице, это она содержала божественный знак. В клетке был живой енот, он так яростно шипел на нивелировщика, что не оставлял никаких сомнений в своей реальности. Он был как горящий куст в Ветхом Завете.

Кто-то осмелился спросить, что мог иметь в виду Бог, оставляя на церковной лестнице клетку с енотом? И что божественного увидел нивелировщик в этом зверьке?

Нивелировщик угрожающе потряс клеткой и напомнил собравшимся, что пути Господни неисповедимы. Когда его спросили, где эта Божья тварь теперь, нивелировщик ответил, что принес его в жертву Богу в благодарность за свое спасение. Кровью жертвенного енота окропил он свой гараж в Тампере, а из самого зверька собирается сделать чучело в память о своем спасении. На своем надгробном камне он велит рядом с собственным именем поместить портрет енота. Впрочем, с этим можно и подождать, ведь он собирается еще долго жить и служить своим ближним, проповедуя слово Господне.

Потом выступила хозяйка маленького поместья, приехавшая аж из Северной Карелии. Она убедительно доказала, что семинар очень полезен. Всю жизнь она в одиночку возилась со своими коровами, муж был молчалив и диковат, да и коровы не лучше. Это Удручало. А здесь ей открылась возможность свободно обмениваться мыслями в приятной атмосфере взаимопонимания. Она почувствовала, что к ней вернулась молодость, и вдруг подумала, что не стоит себя убивать.

— Уж так на душе полегчало! Конечно, стоило приехать, хоть и дороговато. К счастью, есть где переночевать — у двоюродного брата в Мююрмаки.

Потом встал мужчина лет тридцати. Он рассказал, что дважды обращался в больницу для душевнобольных по поводу нервного срыва и апатии.

— Но я не сумасшедший. Я просто бедный. Будь у меня собственная квартира, пусть маленькая, однокомнатная, где-нибудь в Каллио,^[4] я бы со всем справился. А когда приходится жить в коммуналке, это, знаете ли, расшатывает нервы.

Мужчина добавил, что точно знает цену своей жизни: 350 000 марок — столько стоит однокомнатная квартира в Хельсинки.

— И я не какой-нибудь пьяница.

Другой мужчина жаловался на неудачный брак. Бывшая жена не давала ему встречаться с детьми, но требовала, чтобы алименты он платил вовремя.

Одна женщина просто расплакалась в микрофон. Весь зал умолк. Люди сочувствовали, но скрывали слезы.

Многие одобряли идею создания группы поддержки, ведь одинокий, сломленный человек не способен за себя постоять. Его перспективы сужаются, человек впадает в депрессию. Даже самые обычные дела кажутся непосильными, когда некому помочь, когда ты один. И от этого становится жутко.

Прозвучало и судьбоносное предложение совершить массовое самоубийство. Оно получило неожиданно широкую поддержку. Многие участники семинара даже встали, чтобы высказаться «за». Они были уверены, что самоубийство, совершенное по общему согласию, является единственно правильным решением.

Посыпались конкретные предложения. Пенсионерка из Вантаа предложила арендовать огромный корабль и заплыть далеко в море, лучше до самой Атлантики. В подходящем месте корабль пойдет ко дну и унесет с собой жизни путешественников. Дама изъявила желание участвовать в «последнем плаванье».

От гостей за очень шумным столиком, куда постоянно подносили напитки, поступило предложение, вызвавшее общий интерес. Что, если собрать огромную сумму денег и купить убийственное количество алкоголя? Все будут пить до тех пор, пока не погибнут от алкогольной интоксикации.

Но большинство присутствовавших сочли этот способ неприличным. Смерть должна выглядеть достойно. Закончить свои дни пьяными как свиньи — не самая лучшая идея.

Более возвышенный вариант массового самоубийства предложил какой-то молодой дурачок из городка Котка. Он считал, что было бы прекрасно покончить с собой, прыгнув с воздушного шара в море.

— Возьмем по всей Финляндии в аренду шары, наполненные горячим воздухом, и отправимся с попутным ветром из Котки, Хямина или откуда-нибудь с побережья. А на середине Финского залива выпустим из шаров воздух и бросимся в море!

Он нарисовал величественную картину коллективного самоубийства: вечерний ветер несет пятнадцать воздушных шаров, поднявшихся в воздух с западного побережья. В каждой гондоле стоит полдюжины желающих совершить самоубийство. Ветер несет шары к заходящему солнцу, они поднимаются ввысь. Мрачная Финляндия остается позади со всеми своими проблемами. Вид прекрасный, ощущения неземные. В открытом море плывущие к смерти запевают свою последнюю песнь, она разносится над водой, как ангельский хор. Из корзин пускают фейерверки, кто-то в экстазе прыгает в море. Наконец, когда шары остывают, вся эскадра с достоинством опускается в бездонную пучину. Земные страдания побеждены...

Описание признали весьма поэтичным. Но такой способ самоубийства, конечно, не мог рассматриваться всерьез, потому что пришлось бы обречь на смерть безвинных капитанов воздушных шаров. Кроме того, эта история наверняка положила бы конец воздухоплавательному спорту в Финляндии.

Всем захотелось холодного шампанского; начался сбор денег. Собрали довольно много. Кое-кто не постеснялся внести мелочь. Хелена Пуусари и Ре-лонен подсчитали добычу и пришли в изумление — 124 320 марок! Из серебряной чаши горстями доставали мелочь и чеки (самый крупный был выписан на сумму 50 000 марок). Благодетелем оказался некий оленевод Уула Лисманки из оленеводческого объединения Калдоави в Утсйоки.

— Ну да, деньги нужны, чтоб такую ораву жизни лишить. Это не так дешево сейчас в Финляндии, а тем более что до смерти, — объяснил он свой щедрый подарок.

В чаше было много чеков на десять тысяч марок. Значит, не все самоубийцы бедны, и далеко не все скряги.

С начала семинара прошло уже пять часов; полковник предложил сделать перерыв и на собранные деньги угостить всех кофе и другими напитками. Предложение с радостью поддержали. Во время кофе-брейка полковник, Хелена Пуусари и Релонен удалились на второй этаж, чтобы обсудить ситуацию. Внизу, в зале, оставалось еще более ста самоубийц. Глаза у них горели, они, похоже, крепко держались за жизнь. Пить, однако, собирались так, как будто это их последний день.

Проректор Пуусари опасалась, как бы ситуация не вышла из-под контроля.

Прислушавшись к голосам, доносившимся снизу, Релонен довел до сведения своих друзей, что за некоторыми столиками поговаривают о том, чтобы совершить массовое самоубийство сразу по окончании семинара где-нибудь поблизости, в подходящем месте.

Тут испугался даже полковник. Может, ограничить подачу алкоголя? Пуусари возразила, что не стоит раздражать толпу, а то потом ее не успокоить:

— Там сейчас такая атмосфера-достаточно будет одного отчаянного самоубийства...

У Релонена появилась идея:

— А что, если не расплачиваться и потихоньку уйти? Соберем папки с материалами по семинару, смоемся куда-нибудь подальше и деньги заберем. Ведь они принадлежат нам, как организаторам семинара.

Но Кемпайнен запретил прикасаться к деньгам. Их собрали для фонда самоубийц. Полковник заявил, что не желает обкрадывать умирающих. Из зала донеслись какие-то крики. Человек у микрофона держал пламенную речь, другие требовали тишины. Затем попробовали петь, и на второй этаж стали долетать плаксивые псалмы. Потом снова послышались крики — на сей раз это были требования, чтобы организаторы семинара вернулись в зал и поддержали программу.

— Мы должны к ним спуститься, — решила проректор Пуусари. — Нельзя бросать умирающих на произвол судьбы.

По мнению Релонена, шумели скорее пьяные, чем умирающие.

Когда троица спустилась вниз, собравшиеся притихли. У микрофона стояла женщина среднего возраста с пронзительным голосом, уроженка Еespoo. Она объявила:

— Наконец-то вы появились! Мы здесь приняли окончательное решение! Все, что мы ни делаем, делаем все вместе, массово.

— Хорошо, хорошо! — закричали с разных концов зала.

Женщина продолжала:

— Мы — страдальцы, и мало у кого из нас осталась хоть какая-нибудь надежда. Не так ли? — взревела она и обвела зал убийственным взглядом.

— Никаких надежд! — закричали все в один голос.

— Настал момент окончательного выбора. Каждый, кто хоть немного сомневается, пусть сейчас же покинет это помещение. Но мы, те, которые здесь останутся, мы умрем вместе!

— Умрем вместе! — в экстазе загудел народ.

Два десятка человек под предводительством мужчины с клеткой встали из-за столов и молча покинули зал.

То ли они не слишком спешили с самоубийством, то ли предпочитали сделать это в одиночку. Им позволили уйти. Когда двери за ними закрылись, совещание продолжилось.

Женщина указала на полковника Кемпайнена.

— Пока вас не было, мы решили выбрать вас нашим предводителем! Ваша задача, полковник, привести нас к конечной цели!

Но тут микрофоном завладел старик с седой бородой и в очках. Он представился: Ярл Хаутала, пенсионер, бывший служащий дорожно-строительного управления, работал инженером по техническому обслуживанию дорог в округе Западная Финляндия. Зал притих-к старости относились с уважением.

— Дражайший полковник! На самом деле мы здесь оживленно обсуждали тему дня. И пришли к единому мнению, что те, кто не ушел, хотя и остаются в группе и непременно пойдут на самоубийство вместе. На то у нас, конечно, есть свои причины, и мы сегодня о них узнали. Наше решение таково: вы, полковник Кемпайнен, станете командиром нашей группы, а вашими помощниками назначим мадам Пуусари и Онни Релонена. Вы представляете комитет, который будет отвечать за осуществление нашей общей цели.

Старый инженер устремил взор на Германа Кемпайнена, Хелену Пуусари и Онни Релонена. Все встали. Решение было принято.

Глава 9

Шестьдесят участников семинара, то есть каждый десятый из откликнувшихся на объявление, подтвердили свое твердое намерение покончить с жизнью. Пусть группой, лишь бы поскорее. Тройку организаторов это ужаснуло. Проректор Пуусари попыталась их успокоить, но ее призывы были тщетны. Полковник Кемпайнен пытался разогнать собрание, боясь, что оно приведет к фатальным последствиям.

Но его никто не слушал. Оставшиеся участники семинара ни в какую не хотели расходиться.

Полковник не сдавался. Он объявил, что с участниками собрания свяжутся позже, но они не успокоились. Пришлось пообещать, что следующее собрание состоится завтра же утром. В спешке полковник опрометчиво заявил, что встреча состоится в 11.00, в воскресенье, на Сенатской площади, у памятника Александру II. Там можно будет спокойно поговорить и все трезво обсудить.

На этом совещание было закрыто. Ресторан опустел, двери заперли. Величайший семинар самоубийц, единственный во всей истории Финляндии, наконец-то подошел к концу. Было уже двадцать минут восьмого.

Усталая троица отправилась обдумывать события дня в отель «Президент», где полковник и проректор решили остаться на ночь. Собранные пожертвования прихватили с собой.

Перед тем как идти спать, они заглянули в ночной клуб, чтобы перекусить горячими бутербродами и пропустить стаканчик-другой. Проректору Пуусари пришлось постоянно танцевать. Немудрено: при свете мерцающих ламп ночного клуба она выглядела просто очаровательно в своем красном костюме. Полковнику это не понравилось, и он поднялся в свой номер.

Релонен опрокинул еще стаканчик и поехал домой на такси. Жена уже спала, только пробурчала что-то во сне, когда Релонен улегся на свою законную половину двуспальной кровати. Он с жалостью смотрел на спящую супругу. Рядом с ним похрапывала несчастная женщина, которую он когда-то страстно любил, и она, разумеется, тоже сначала была к нему равнодушна. Теперь же от любви и от прочих чувств не осталось и следа. Когда в двери входит банкротство, любовь вылетает в окно. А если банкротств четыре, в окно выбрасывать уже больше нечего.

Релонен втянул ноздрями воздух и уловил характерный запах, исходящий от жены. Она пахла как старая сытая самка. Такой запах не смывается водой.

Релонен завернулся в одеяло и пожелал себе, чтобы эта ночь оказалась последней, которую он проведет в этой кровати. Релонен пробормотал: «Иду на отдых, Создатель, помоги, милостивый, защити меня...»

Один из кавалеров Хелены Пуусари, тот, который чаще всех приглашал ее танцевать, признался ей, что днем работал в «Певчих» официантом.

— Да уж, тяжелый был денек! Заказывали больше, чем на поминках...

Официант окинул восхищенным взглядом шикарную огненно-рыжую проректоршу и признался, что ему сегодня тоже несколько раз приходила в голову мысль о самоубийстве. Он даже поклялся, что размышлял о самоубийстве годами. Может, ему тоже можно попасть в эту компанию? Официант представился — его звали Сеппо Сорьонен. Он уверял, что с удовольствием совершил бы самоубийство, но только непременно вместе с Хеленой Пуусари. Может, им стоит где-нибудь уединиться, чтобы обсудить это дело? Полковник и Релонен, похоже, уже ушли.

Проректор Пуусари предупредила Сорьонена, чтобы он никому не рассказывал о семинаре самоубийц. Это собрание было тайным, и о нем не должны знать в ночном клубе. Мужчина был уже здорово пьян, и скоро выяснилось почему.

Сорьонен признался, что весь день на кухне тайком допивал спиртное из рюмок клиентов, а поесть не успел. Но причина его словоохотливости в другом. Просто по натуре он человек открытый и живой, поэтому незнакомые люди часто думают, что он пьян сильнее, чем на самом деле. Чтобы продемонстрировать свою искренность, Сорьонен поведал историю своей жизни: родом он был из Северной Карелии, поступил в университет, дважды был помолвлен, но до свадьбы дело так и не дошло. Почти год он изучал в университете гуманитарные науки, но школа жизни показалась ему более интересной. Он

устроился редактором в «Новую Финляндию», работал в нескольких других газетах, потом несколько раз менял сферу деятельности и теперь трудился то там, то тут, но чаще всего — официантом на побегушках в «Певчих».

Сеппо Сорьонен признался проректору Пуусари, что он никогда не думал о самоубийстве и сказал это только для того, чтобы завести с мадам разговор.

Проректор Пуусари оценила честность Сорьонена, но попросила его покинуть ее и вернуться к своему столику. Самоубийство — серьезное дело, а не игрушка.

Сеппо Сорьонен уступил, но тут же пообещал проректору Пуусари свою моральную поддержку. Она ведь тоже думает о самоубийстве, как раз об этом шла речь в «Певчих». Сорьонен считал себя хорошим слушателем, и мадам могла бы открыться ему... Можно пойти куда-нибудь поговорить, а потом вернуться.

Хелена Пуусари сказала, что, если Сорьонен хочет помочь потенциальным самоубийцам, ему следует в 11 часов утра явиться на Сенатскую площадь. Там соберется много людей, нуждающихся в утешении. На этом она распрощалась с незадачливым ухажером и пошла спать.

После завтрака в отеле проректор Пуусари и полковник Кемпайнен отправились на прогулку по пустынным улицам июльского Хельсинки. Небо было безоблачно. Полковник предложил Хелене руку. Они прошли мимо вокзала к Круунухака, оттуда по берегу моря в направлении Катаянокка и около одиннадцати вышли на Сенатскую площадь. Там их уже ждали Релонен и несколько вчерашних знакомых.

К одиннадцати часам у памятника Александру II собралось больше двадцати участников семинара. Женщины и мужчины, молодые и старые. Но вчерашний азарт иссяк. У самоубийц были опухшие лица, у некоторых — черно-серого цвета, как будто они всю ночь работали в смолочурильне или участвовали в пожарных учениях. Глаза потухли. Группа молча обступила тройку организаторов. Атмосфера была гнетущая.

Ну, как дела? Не правда ли, прекрасное воскресное утро? — попытался завести разговор полковник.

Мы всю ночь не спали, — начал пятидесятилетний мужчина, который на семинаре представился Ханнесом Йокиненом, маляром из Пори. На его шее сидели большой водянойкой мальчик и сумасшедшая жена, потерявшая память. Прискорбный случай.

Начали наперебой рассказывать, что случилось прошлой ночью. После приема в «Певчих» всех выставили на улицу, и большинство участников отправилось бродить по городу в направлении Хиетаниеми. Заодно решили совершить самоубийство, обдумывали способ. Нетвердой походкой добрались они до кладбища Хиетаниеми, но там наткнулись на двадцать бритоголовых парней, которые с криками носились по могилам и опрокидывали надгробия. Такого грязного кощунства самоубийцы не могли перенести. В бешенстве бросились они на толпу молодых вандалов. Завязалась драка, в которой бритоголовые сразу же потерпели поражение. А все потому, что самоубийцы сражались как камикадзе. Парни дали стрекача, но победителям тоже пришлось покинуть кладбище, ко-]гда прибежали встревоженные охранники с собаками.

Толпу разогнали, но пара десятков наиболее упорных отправились дальше вдоль берега моря.

Полные грустных мыслей, они слонялись по улице Пациуса, добрались до Мейлахти, а оттуда — на остров Сеурасаари. На берегу наткнулись на старое кострище и развели костер. Они долго сидели, глядя на языки пламени и распевая печальные песни. Наступила полночь.

Из Сеурасаари отправились на побережье Рам-саю и далее на остров Куусисаари. Кто-то предложил сходить в «Отаниемский Диполь». Ночной клуб, решили они, должен быть еще открыт, и там наверняка можно опрокинуть рюмочку. Вдобавок от «Диполя» рукой подать до Кейлалахти, где можно захватить главный офис нефтяной компании Neste, подняться на лифте на крышу и спрыгнуть в море. Ночью группой руководил молодой человек, тот, что предлагал вчера план с воздушными шарами.

В полночный час группа выказала решимость, достойную финских воинов, которые в шестидесятых задались целью положить конец сталинской и мировой революции. Правда, они не пели пролетарских песен, у самоубийц не было даже собственного флага. Но в остальном то, что произошло, было не менее мрачно...

План с захватом башни Neste мог бы и удался, если бы по дороге в Куусисаари не подвернулся более заманчивый вариант. На Куусисарентие, 33 в гараже роскошного дома была приоткрыта дверь. Они заглянули внутрь. В просторном гараже стоял белый «Ягуар». Самоубийцы увидели в этом знак судьбы: можно закончить свои дни прямо здесь, в гараже! Только бы удалось завести «Ягуар»: выхлопных газов от его мощного мотора хватит на всех.

Решение приняли немедленно. Все двадцать человек втиснулись в гараж. Заперли двери, перекрыли вентиляцию. Молодежь во главе с идиотом из Котки, любителем воздушных шаров, стала ощупывать шикарный автомобиль, пытаясь его завести. Это оказалось нетрудно — в замке торчал ключ. «Ягуар» завелся с первой попытки. Звук был низкий, так урчат только Дорогие машины.

Тут парень из Котки предложил перед смертью сделать на шикарном автомобиле круг почета по городу. Но идею отклонили: прощальное катание могло привлечь внимание, а кроме того, в такой маленький автомобиль все желающие все равно не поместятся. И вообще, кража машины в качестве последнего земного деяния вызывала сильные сомнения, особенно у стариков и женщин.

Парень из Котки уселся за баранку и включил музыку. Это была печальная арабская мелодия, навевающая мысли об одинокой жизни в пустыне. Заунывный женский голос пропел одиннадцать песен. Музыка как нельзя лучше подходила к ситуации.

Выхлопные газы начали заполнять гараж. Свет выключили. Рокот мотора и арабские стоны смешались с тихими финскими молитвами.

Теперь никто не мог вспомнить, как долго они дышали газом, когда кто-то снаружи вдруг рванул двери, и в гараж ввалился охранник с овчаркой. Собака начала чихать и убежала. Охранник зажег свет и выругался...

Хелена Пуусари, Онни Релонен и полковник Кемпайнен в ужасе слушали рассказ о головокружительных ночных приключениях. Полковник не выдержал и закричал:

— Несчастные! Дураки набитые!

Он крепко отругал самоубийц за самонадеянность и спросил, чей это был гараж.

Один молодой человек, фельдфебель в отставке, Ярмо Корванен из Ватса сказал, что попал в полицию. Там в ходе допроса выяснилось, что гараж принадлежит частной резиденции посла Южного Йемена. Через час Корванена отпустили с условием, что он явится на более детальный допрос завтра в девять утра.

Лицо полковника еще больше помрачнело. Мало того что неудачливые самоубийцы влезли в чужой гараж, чтобы надышаться выхлопным газом, так еще по глупости угодили в резиденцию иностранного посла, опозорили нацию. Полковник схватился за голову и застонал.

Тут слово взял Ярл Хаутала, пенсионер из Турку, бывший инженер. Он рассказал, что после отравления газом попал в центральную больницу Хельсинкского университета в Мейлахти. Ему удалось оттуда сбежать во время завтрака. По коридорам снова полиция, поэтому Хаутала счел за лучшее смыться, тем более что чувствовал он себя вполне здоровым.

Из-под поплинового пальто Хауталы выглядывала больничная пижама. Пальто было ему велико — он снял его с гвоздя в больничной рекреации.

— Я уверен, что, если бы мы еще минут десять подышали газом, мы бы благополучно умерли. И вы не должны нас винить, просто условия нашей жизни невыносимы. А кое-кому все-таки повезло. Я узнал, что тому молодому человеку из Котки, что говорил про воздушные шары, удалось отравиться. Его труп привезли в ту же больницу, что и меня. В приемном отделении врачи обсуждали его смерть. Его нашли мертвым за рулем, нога на педали газа.

Во время этого рассказа к памятнику Александру II подошел Сеппо Сорьонен. Вид у него был веселый. Полковник бросил на него угрюмый взгляд, но Сорьонен не позволил испортить себе настроение.

Глава 10

Памятник Александру II был свидетелем многих бурных исторических событий, которые происходили на главной площади Финляндии — Сенатской. Бронзовый царь видел полчища лихих казаков, парад победы белогвардейских мясников, марш крестьян-лапуасцев,^[5] величественные послевоенные демонстрации красных, новогодние праздники жителей Хельсинки. Он был свидетелем того, как безутешных пленников свозили в Суоменлинну^[6] и как буйствовал народ на Ваппу,^[7] но еще никогда Александр не оказывался в окружении самоубийц.

Памятник Александру II видел, как царские казаки расправлялись с простолюдинами, беспощадно убивая недовольных. И вот сегодня здесь собрались люди, готовые лишиться себя жизни своими собственными руками.

Вокруг памятника стояло двадцать самоубийц, страдающих от похмелья. Бледные люди требовали от полковника Кемпайнена, чтобы тот нашел выход из запутанной ситуации.

Нам надо немедленно покинуть город, — решил полковник. Он приказал Релонену заказать автобус и проследить, чтобы уже через час все было готово. Релонен ушел искать

автобус, а полковник вместе с проректором Пуусари повели толпу несчастных через Рыночную площадь к часовне на Эспланаде завтракать.

Поешьте хорошенько, вам это необходимо, — подбадривала несчастных проректор Пуусари.

Среди них был и Сеппо Сорьонен. Когда полковник спросил, что делает в группе самоубийц не к месту веселый официант, Сорьонен ответил, что просто хотел помочь. Он рассказал, что в свое время пару лет состоял в гражданском браке с психологом и за это время успел основательно освоиться в лабиринтах человеческого сознания. Сорьонен верил, что сможет утешить несчастных воинов полковника.

Проректор Пуусари решила, что луч света этой мрачной компании не повредит. Пусть Сорьонен идет с ними, лишь бы не добавил хлопот. Полковник согласился.

Не прошло и часа, когда вернулся Релонен и объявил, что автобус ждет на площади. Можно отправляться. Те, кто вчера сняли номера в отеле, пошли оплачивать счета и забирать чемоданы. Жители Хельсинки отправились за вещами домой.

В компании оказалось два человека, у которых, по их собственным словам, не было ничего, за чем стоило бы идти. Одним из них был официант Сорьонен.

В Тиккуриле заехали в бассейн. Полковник предложил желающим сходить в сауну и искупаться. Автобус будет ждать их сорок пять минут. Все участники ночной газовой экспедиции с удовольствием воспользовались возможностью «очиститься». Тройка руководителей осталась в автобусе. Полковник устало произнес:

— Ну вот, у меня под командованием самая настоящая армия... Зря я не повесился тогда на Ивана Купала.

Релонен, однако, видел и положительные стороны предприятия:

— Не беспокойся, Герман. Они очень милые люди, и цель у них та же, что была у нас. У нас тоже в первый раз не получилось. А теперь нас много, и деньги есть, больше 120 000 марок. Теперь мы справимся.

Проректор Пуусари поинтересовалась, куда они держат путь. Водитель автобуса уже пару раз спрашивал об этом. Полковник ответил, что для начала они поедут по третьему шоссе в северном направлении. Более точного адреса он пока дать не мог.

Самоубийцы вернулись из бассейна. От них веяло свежестью, они были бодры и выглядели совсем другими людьми. Кто-то даже попытался пошутить, пока не вспомнил о событиях прошлой ночи.

Снова пустились в путь.

Пару часов ехали наобум в северном направлении. Проехали Ярвенпээ, Керава, Хювинкээ и Риихи-мяки. В Хямеенлинна сделали привал.

Выкурив за автобусом сигарету, полковник подозвал водителя, который снова стал выпытывать, куда они едут. Полковник проворчал, что и сам не знает. Он считал, что сейчас важно само движение, а не его цель, и шоферу пришлось этим удовольствоваться.

Из Хямеенлинна путешествие без цели продолжалось далее на север. Проректор Пуусари решила заскочить домой, ведь они ехали в направлении Тояла. Это же не займет много времени? Пуусари хотела взять в дорогу кое-что из вещей.

В Тояла Хелену Пуусари высадили у дверей ее дома. Пока она собиралась, полковник отвел остальных на ланч в местную забегаловку. В меню были мясо с укропом и свиные котлеты, но, так как народу было больше двадцати человек, мяса с укропом на всех желающих не хватило. Что поделаешь? Съели поросенка. Народ пил воду и кефир, только полковник заказал себе пиво. Еду для проректора Пуусари взяли с собой в автобус.

Снова двинулись в путь. На сей раз взяли курс на запад, и автобус поехал в сторону города Урьяла. Некоторым путешественникам не очень понравилось, что автобус изменил курс, но полковник ответил, что ему надоело весь день ехать в одном направлении. А Урьяла-хорошее место, ничем не хуже любого другого. Кто-то предложил сразу отправиться в Северную Норвегию, на Нордкап.^[8] Такое прекрасное лето, хорошо было бы немного развлечься и попутешествовать. Стали всерьез обсуждать эту идею. Отличная возможность как следует повеселиться! Хватит пережевывать печальные события и скорбеть о своей жалкой судьбе...

Оленевод Уула Лисманки горячо поддержал идею поехать в самый северный уголок Европы. Он расхваливал природу Нордкапа, где был летом 1972 года с саамской делегацией Северного калотта.^[9] С ними был и губернатор шведского Норрботтена-Рангар Лассинанти. Приятный человек, хотя барин и швед. Ночью в отеле Оассинантти он вызвал Уулу на ковер, и они два часа боролись прямо в холле. Лассинанти победил.

Уула хвастался, что, насколько он знает, Нордкап один из самых известных мысов в мире, не менее знаменитый, чем мыс Кейп Хорн где-то на юге американского материка.

Завязалась дискуссия. Всем захотелось отправиться на север, особенно после того, как кто-то предложил броситься на автобусе прямо в море. Если верить словам Уулы Лисманки, на Нордкапе легко совершить самоубийство: там высокие и крутые прибрежные скалы, а дорога идет по самому краю. Можно будет разогнать автобус и с треском вылететь за ограждения в пустоту!

Уула Лисманки предупредил, что сам он вряд ли примет участие в последнем пике, потому что, честно говоря, он никогда не думал о самоубийстве и попал сюда совершенно случайно.

Все удивились: почему же тогда Уула поехал с ними? Неужели его не тяготит их мрачное общество? И как вообще можно было участвовать в семинаре самоубийц, если всем сердцем не поддерживаешь эту идею? Уули-но желание жить начинало раздражать путешественников. Взгляды официанта Сеппо Сорьонена тоже не вызывали доверия. Его считали легкомысленным.

Уула Лисманки признался, что на объявление в газете ответил от его имени старик-сосед, контрабандист и оленекрад Овла Ахтунги, известный своим дурацким чувством юмора. Может быть, Овла мстил Уу-ле за какую-то старую шутку. Разозлившись, Уула нашептал матери Ахтунги про общесеверный конкурс «Мисс саамской области», который проходит в Тронхейме, в Норвегии. Она уже стала собираться в дорогу, но как раз перед самым отъездом, к несчастью, заболела сапом, и участие в конкурсе пришлось отложить.

Когда же сразу после этого Ууле пришло от полковника приглашение на собрание, Уула подумал: почему бы, собственно, и не отправиться в путешествие? Последний раз Уула был в Хельсинки в 1959 году, а с тех пор прошло уже три десятка лет. Он давно искал подходящий повод для поездки в город, и вот он тут как тут. Уула взял с собой немного денег, около сотни тысяч, и вылетел из Ивало в Хельсинки.

— Послушал я ваши разговоры в «Певчих». Дай, думаю, погляжу, как это у вас выйдет-то. Чертовски весело, поди. И впрямь большая затея, я не пожалел, что приехал.

А с собственной смертью Уула все-таки хотел разобраться самостоятельно. Об этом можно, конечно, и всерьез поразмыслить. Забавно было бы убить себя, ведь этот мир — не самое приятное место.

Уула начал вспоминать пейзажи Нордкапа, которые, по его словам, очень подходят для запланированного самоубийства. Оленевод клялся, что если их «лайнер» на скорости сто километров в час рухнет с края скалы в волны Северного Ледовитого океана, то пролетит еще, по крайней мере, полкилометра — такие высокие там скалы. При этом Уула не видел для путешественников ни малейшей возможности спасения. Все решили, что это хорошие новости.

В Урьяла шофер заехал на заправку и залил в бак пару сотен литров дизельного топлива. Потом он зашел в кафе, куда-то позвонил, выпил кофе и расплатился за бензин. Вернувшись в автобус, он взял микрофон и безапелляционно заявил, что ни в какую Северную Норвегию не поедет.

— Вы — чокнутые. Я возвращаюсь в Хельсинки и уже сообщил об этом хозяину. Он велел мне ехать домой. Ни один финский водитель не обязан возить сумасшедших.

Шофер стоял на своем, не обращая внимания на приказы полковника. Он больше ни на метр не сдвинется в сторону севера. Зря они рассчитывали на поездку к морю. У него семья, да и строительство дома в самом разгаре. Завтра начнут отливать цоколь. Ни о каком Нордкапе и речи быть не может.

Оставалось одно — менять маршрут. Решили повернуть на восток, к Хумалаярви. Лишь тогда с большим трудом удалось уговорить шофера, и они поехали к дому Релонена. Шофер подробно расспросил, насколько высоки берега у Хумалаярви и как далеко от берега проходит дорога. Он же отвечает за автобус — машина-то дорогая...

Глава 11

В Урьяла закупили еды на несколько дней. Проректор Пуусари приобрела большие кастрюли и сковородки, ведь у Релонена нет вместительной посуды, чтобы можно было накормить всю ораву. Еще купили одноразовые стаканчики, тарелки и бумажные скатерти.

Усталые самоубийцы покачивались в автобусе, который вел ворчливый и злой шофер. Официант на побегушках Сеппо Сорьонен, напротив, был весел и бодр — все предлагал попутчикам взглянуть на летние пейзажи Хяме, особенно прекрасные в лучах вечернего солнца. Сорьонен превозносил красоты природы: поля, тянувшиеся вдоль дороги, сосняки, темные еловые леса; то тут, то там мелькали озера и плесы и так заманчиво переливались темно-синим, словно зазывали пловцов в свои нежные объятия. Официант считал, что думать о самоубийстве, живя в такой прекрасной стране, — большой грех.

Но даже красота природы не пробудила в угрюмых путешественниках жажду жизни, и Сорьонена вскоре попросили закрыть рот.

В Хумалаярви приехали только под вечер. Группа самоубийц разбрелась по берегу и прибрежным зарослям, чтобы получше ознакомиться с местом. Кто-то нашел в озере початую бутылку водки.

Женщины расположились в доме, мужчины — во дворе. Уула Лисманки взял на себя заботы о лагере: с помощью других мужчин принес из сарая дрова и разжег во дворе костер. Из ближайшего лесочка по указанию Уулы притащили ветки, чтобы повесить тент. Лагерь получился очень уютный, сразу было видно, что строительством руководил профессионал. Уула очень жалел, что ему не разрешили свалить сухую сосну во дворе, — славный бы получился костер. Но он понимал, что в южных землях, где одни дачи, не больно-то заночуешь у костра, как в свободной северной глуши. Уула подвесил над огнем кофейник, устроил в прибрежном холме «земляную печь», а вместо крышки приспособил вырытую во дворе сланцевую плиту. Сверху поставили десятилитровую кастрюлю, в которой женщины сварили суп из сосисок. Пару корзинок с пивом опустили в колодец, чтобы охладить.

Минувшие сутки были тяжелы и богаты событиями, поэтому, наладившись супом, группа отправилась спать. Полковник Кемпайнен поехал с непокорным шофером в Хельсинки за своей машиной, наказав всем слушаться Релонена и Пуусари. Он взял с собой пожертвования, оставив часть денег на покупку продуктов, и сказал, что положит их в банк.

Перед отъездом полковник еще раз предупредил, чтобы никто и не пытался совершить самоубийство в его отсутствие. Запрещено было также самостоятельно отправляться на Нордкап. Полковнику надоело самоуправство.

— Если явится полиция и будет спрашивать о происшествии в Куусисаари — вы тут ни при чем. А я выясню в Хельсинки, какой оборот приняло дело, — пообещал полковник и влез в пустой автобус, который тут же дал задний ход и зашуршал по гравийной дороге.

Полковник Кемпайнен провел в Хельсинки три дня. Ему надо было сделать несколько дел: поместить деньги в банк, заняться своей машиной и сходить к госпоже Релонен — Онни просил забрать кое-какие вещи и передать ей, что она может распоряжаться его машиной. Судебный пристав оказался в отпуске, так что тут ничего нового слышно не было. Затем полковник направился в главный штаб, чтобы повидаться с сослуживцами, но большинство из них тоже были в отпуске. Кемпайнен узнал, что на Ивана Купала умер Лаури Хейкурайнен, лейтенант-полковник, с которым они в свое время учились на одном курсе в кадетском корпусе. Вряд ли это самоубийство: Лаури был страшный пьяница и на Ивана Купала утонул в озере Пэлкане. Так финская армия потеряла своего лучшего пловца.^[10]

— Да, вот так и рдеют ряды старых офицеров, хотя войны и в помине нет, — как о чем-то само собой разумеющемся, говорили об этой смерти за столиком в штабном кафе.

С большим трудом полковнику Кемпайнену удалось достать на складе батальона противовоздушной обороны армейскую палатку и обогреватель, которые он погрузил в багажник машины.

Заодно Кемпайнен выяснил последствия случая на Кууситие. Притворившись обычным прохожим, полковник отправился посмотреть на гараж посольства Южного Йемена. Дверь гаража и железные ворота резиденции были закрыты. Представившись инспектором отдела страхования жизни из страховой компании «Похьола», он позвонил в посольство и спросил про инцидент, который произошел в прошлые выходные. Что же все-таки произошло в гараже посольства? Ему объяснили, что какие-то сумасшедшие влезли в гараж, чтобы украсть спортивный автомобиль дочери посла. Но, к счастью, у хулиганов ничего не вышло. Эти придурки завели машину, но сами остались в гараже под замком. Один умер, другие убежали, третьих отправили в больницу с газовым отравлением. Кемпайнен сказал, что этих сведений страховой фирме достаточно, и попросил прощения за вред, причиненный его соотечественниками.

В газетах об этом деле не было ни слова. Пришлось полковнику звонить в полицию, представившись на сей раз атташе по связям с общественностью посольства Южного Йемена. Он говорил на ломаном арабо-английском, что у него неплохо получалось. Комиссар, который вел это дело, сказал, что обстоятельства дела уже почти выяснены.

— Как вы знаете, один несчастный погиб в гараже вашего посольства... Яри Калеви Косунен, 1959 года, родился в Котке... ранее не судим... безработный... Как показало вскрытие, умер он от отравления угарным газом. Мы допросили нескольких человек, бывших на месте происшествия. Часть из них отправили под надзор в больницу, остальных арестовали.

Комиссар также сообщил, что при проверке ни в больнице, ни в полиции участников происшествия не обнаружили. Он не сказал, что подследственные сбежали, но это полковник знал и без него. Фельдфебель в отставке Ярмо Корванен и бывший инженер Ярл Хау-тала ускользнули от допроса на следующее же утро.

Полковник поблагодарил комиссара за толковое ведение дела и на ломаном арабо-английском пожелал ему хорошего лета. С чувством облегчения поехал он в Хяме.

А в Хумалаярви самоубийцы отлично проводили время в отсутствие полковника. Они разбили во дворе лагерь и смастерили рядом хорошенькую беседку. У крестьян купили тушу бычка и зажарили целиком на гриле перед беседкой. За день до этого устроили субботник по покраске, и свежевыкрашенный дом Ре-лонена теперь радовал глаз. Накололи дров, побросали в озеро недопитые бутылки водки, которые накопились за время душещепательных вечерних посиделок.

Были и другие развлечения: вечерами сидели возле телефона и названивали коллегам-самоубийцам. Особенно активен был Сорьонен. Да и в телефонных номерах недостатка не было-их брали из той самой папки. Радостные, они сообщили полковнику, что их будет тридцать человек, если собрать товарищей по несчастью со всей Финляндии. Те, кто пришел тогда в «Певчие», разбежались кто куда, зато теперь они снова на правильном пути. Убежденных самоубийц в Финляндии предостаточно.

Полковник сомневался в том, что удастся собрать самоубийц со всей Финляндии. Конечно, у него есть машина, но в нее не влезет много народу. Да он и не очень-то хотел, чтобы участников стало больше. Ему и так хватало подопечных.

Проректор Пуусари упрекнула полковника в равнодушии. Ему следовало бы подумать о том, чтобы включить в их группу еще нескольких участников. Многие, отбившиеся от

стада, могут совершить самоубийство, как только снова окажутся наедине со своими проблемами.

Самоубийцы сообщили еще одну радостную новость. У них теперь есть свой собственный автобус! По крайней мере, им его обещали.

Полковник закричал, что пожертвований на покупку автобуса не хватит. Они что, совсем с ума сошли?

Полковника успокоили. Пока его не было, Сорь-онен изучил письма: а вдруг среди шестисот товарищей по несчастью найдется тот, кто поможет им достать автобус или хотя бы речной трамвайчик? Его труд увенчался успехом: оказалось, что в Сайма можно достать целое судно для плавания во внутренних водах! Корабль был построен в 1912 году судоходной компанией Варистайпале и в свое время курсировал между городами Куопио и Лаппеенранта. Но потом его хозяин разочаровался в корабельном бизнесе и собрался покончить жизнь самоубийством. Он готов отдать судно бесплатно, с условием, что будущие владельцы приведут его в порядок. Работы там много: корабль несколько лет простоял в доке в Савонлинне, и корпус сильно заржавел. Он вряд ли долго продержится на плаву. Но самоубийца это не испугало. Ну и пусть затонет где-нибудь осенью и унесет на дно все их заботы.

Полковник наотрез отказался покупать эту развалюху и посоветовал остальным тоже забыть о ней.

Тут же ему предложили другой, еще более заманчивый вариант. В Пори нашли склонного к самоубийству автовладельца Рауно Корпелу, хозяина и директора АО «Скоростные линии». Он тоже ответил на объявление в газете, но не успел на собрание в «Певчих», потому что именно в те выходные должен был забрать для фирмы новый туристический автобус с корзиночной фабрики в Лието. Господин Корпела очень обрадовался, услышав об их планах. Он сказал, что в последнее время никак не мог решить: то ли покончить с жизнью, то ли начать внутренние перевозки на новом туристическом автобусе. Тут-то ему и позвонили сторонники идеи самоубийства.

Корпела пообещал приехать в Хяме на новом автобусе, как только полковник Кемпайнен закончит дела в Хельсинки и вернется. Он будет ждать их окончательного решения. Терять ему нечего, он готов ко всему.

Полковнику ничего не оставалось, как только позвонить Корпеле. Автовладелец обрадовался и пообещал пулей примчаться в Хяме через всю Финляндию.

— Открывайте ворота пошире. Поедем так, как будто это наш последний день! — воскликнул Корпела.

Глава 12

Под утро, в пять часов, лагерь у домика в Хумалаярви проснулся оттого, что во двор въехал гигантских размеров экспресс-автобус. Прибыл автовладелец Корпела и припарковал свою двадцатитонную махину между тентом и шалашом, откуда слышались звонкие голоса.

Из автобуса выпрыгнул шустрый мужчина лет шестидесяти. На нем был синий костюм, как у летчика, а на голове — военная фуражка с блестящим козырьком. На боку

новехонького автобуса серебристыми красками был выведен логотип владельца: «Скоростные линии Корпелы». Корпела крикнул спящим в шалаше:

— А вот и мы! Здесь живут себяубийцы?

Самоубийцы вылезли поздороваться с новым членом группы, а заодно и полюбоваться на его замечательный автобус.

Корпела пожал руку полковнику, потом — остальным. Общество ему понравилось, он стал всем показывать свой автобус: первыми пригласил в салон женщин, затем — мужчин.

— Это самая дорогая машина, какую в Скандинавии можно купить за деньги. Стоила два миллиона марок, — хвастался Корпела. Он сказал, что автобус совсем новый. В нем сорок сидячих мест, жесткая трех-осевая подвеска. В задней части гудел самоохлаждающийся мотор мощностью в 400 лошадиных сил. Автобус был двухэтажный: кабина водителя на первом, а пассажирские места — на втором этаже. Внизу располагались кухня с микроволновой печью и холодильником, биотуалет и встроенный шкаф. В задней части второго этажа была комната для совещаний, рассчитанная на десять человек. Машина была оборудована видеоаппаратурой, радио и кондиционером. Сидения шире, чем в бизнес-классе реактивного самолета. Словом, великолепное транспортное средство!

Во дворе развели костер, повесили над ним большой чайник. Женщины накрыли на террасе завтрак. На стол выставили все лучшее, что нашлось в лагере: холодные закуски, вареные яйца, только что испеченные сайки, свежавыжатый сок и кофе. Проректор Пуусари проводила автовладельца Рауно Корпелу к столу.

Это был бодрый, подвижный мужчина, он совсем не казался усталым, хотя всю ночь провел в пути. Он так превозносил свой автобус, — как хорошо он оборудован, как на нем можно ехать неделю без остановок, — что ему было не до кофе, не говоря уже о сне.

Полковник достал папку, в которой в числе прочих бумаг лежал и ответ Корпелы на объявление в газете. Там оказалась только визитная карточка «Скоростных линий», на обратной стороне которой Корпела написал: «Очень заинтересован в самоубийстве, но сейчас нет времени писать подробнее. Свяжитесь со мной, тогда все и обсудим».

Полковник захлопнул папку и перешел к рассказу о клубе самоубийц. Он рассказал новоприбывшему, что в его распоряжении оказались письма и адреса более шестисот финнов, на основании которых в Хельсинки было решено провести семинар. Рассказав о семинаре и его последствиях, полковник спросил Корпелу, правильно ли тот понял их идею. Речь идет не об увеселительной туристической поездке, а о беде людей, доведенных жизненными неурядицами до полного отчаяния, и с этой бедой они совместными усилиями пытаются справиться. Полковник спросил и самого Корпелу, в чем его беда и хочет ли он поговорить об этом.

Корпела ответил, что по телефону он уже получил представление о группе самоубийц и прекрасно понял, какова их главная цель — общая счастливая смерть.

— Я, без сомнения, с вами заодно.

Корпела рассказал, что он вдовец, но дело не в этом, а как раз наоборот. У него есть свои причины для самоубийства, и достаточно серьезные. Но распространяться о них прямо

сейчас, на публике, он не хочет. Зато готов безвозмездно предоставить в общественное пользование себя и свой автобус. Поедем хоть на край света. Он уже знал, что группа собралась на Нордкап, и считал эту идею замечательной. Он назвал себя человеком большой дороги, который никогда не совершит самоубийства у домашнего очага. Корпела, конечно, подумывал наложить на себя руки в одиночестве, но идея сделать это в хорошей компании привлекала его куда больше.

Что касается автобусной фирмы, то ее он мог бросить в любой момент. Наследников у него не было, только дальние родственники, которых он и в глаза не видел. Сама работа — заказные перевозки по Финляндии — ему до крайности опротивела. Особенно осточертели ревушие команды хоккеистов, которые, напившись пива, пачкают салон и издеваются над водителем. Хороши и банды ветеранов войны, которые едут в Ленинград и по дороге облеивают все сиденья. А как-то раз набился полный автобус паломников из Христианского союза молодежи. Эти религиозные страстотерпцы тоже не подарок: все время жаловались то на сквозняк, то на жару. А один старик попытался справить нужду прямо в автобусе. На каждой остановке приходилось силой вытаскивать старух из кафе и загонять обратно в автобус. В награду за это он вынужден был часами внимать их нестройным песнопениям, от которых голова раскалывалась.

И Корпела поклялся, что больше не позволит заблевать свой новый автобус «Дельта Джамбо Стариа» и никогда в его вентиляционных отверстиях не будут забывать молитвенники.

— И еще я решил больше никогда не ездить по расписанию. Ну, что думаете: вписывается такой старик в вашу компанию?

Полковник Кемпайнен пожал автовладельцу руку и пригласил его вступить в их группу. В честь новичка прокричали такое громкое ура, что даже гагары, которые плавали по глади утреннего Хумалаярви, испуганно нырнули на дно и несколько минут не решались всплыть на поверхность.

После завтрака, часов в семь утра, отправились в пробную поездку. На огромной скорости проехали по всему Хяме: через Туренки, Наттула, Хаухо, Пэлкане и Луопиойсте. В Ламе остановились перекусить. Было уже десять часов утра, как раз открылся винный магазин. Они купили пару десятков бутылок шампанского и повернули обратно в Хумалаярви — обмывать флагман «Скоростные линии Корпелы».

Когда веселье было в самом разгаре, во двор въехал черный автомобиль, из него вышли деловые мужчины, явно с серьезными намерениями. Они удивились большому количеству людей, которые что-то весело праздновали на террасе и во дворе. Деловито кашлянув, попросили позвать хозяина.

Мрачные гости представились Релонену: это были местный судебный пристав и юрист из Хельсинки. Юрист сказал, что ему поручено ведение дел по имуществу Релонена в связи с банкротством. Релонен попробовал предложить гостям шампанского, но те пребывали не в праздничном настроении. Было у них и еще одно, совсем уж неприятное дело.

Юрист показал все бумаги и объявил, что на дом Релонена в Хумалаярви наложен запрет на продажу и, принимая во внимание эти обстоятельства, его следует опечатать согласно решению Хельсинкского городского суда по истечении года со дня банкротства, то есть марта 21 дня. Иными словами, Релонен должен передать ему ключи от этого дома и сегодня до 24 часов покинуть его вместе со всеми присутствующими.

Судебный пристав добавил, что ему даны полномочия в случае сопротивления помочь хозяину с переездом, чем и займутся находящиеся в его подчинении полицейские.

Релонен попытался возразить, что он все-таки пока еще владелец своего дома и участка земли. Он угрожал, что будет жаловаться на поведение юриста и пристава в судебный департамент парламента и, если возникнет такая необходимость, дойдет до президента. Но его протесты не возымели действия.

Им разрешили забрать все из холодильника, достать из колодца охлаждавшуюся там корзину с пивом, согласились даже с тем, что посуда, купленная в Урья-ла, тоже собственность гостей Релонена. Бывшему директору даже позволили взять из дома брюки и рубашку, а из сауны — бритвенные принадлежности и шампунь с полотенцем. Все остальное движимое имущество опечатали. Релонен отдал ключи, и после этого от него еще потребовали расписаться в протоколе о конфискации имущества.

Дело было сделано быстро и без эмоций, после чего пристав и юрист сели в машину и уехали.

Поверенный возмущенно сказал приставу:

— Да, знатный у них был праздник... неудивительно, что этот парень обанкротился. Тут разорился бы даже Банк Финляндии, не то что какая-то прачечная.

Пристав был полностью согласен. Он считал, что мир бизнеса насквозь прогнил. На шампанское у бывшего директора денег хватало, хотя конфискованное имущество было, мягко говоря, бедненькое. Пристав, пока был в доме, насчитал человек двадцать гостей, и все пьяные, как свиньи. Банкротство их явно не смущает.

— Вот гады, черт возьми! А платит-то за все народ...

— Зло берет смотреть, как эти скоты засоряют озеро недопитыми бутылками шампанского! Вот так: пробку воткнули и с размаху — на середину озера. Просто свинство! Но теперь ему конец.

Пристав добавил:

— А как тебе этот полковник, который больше всех выступал? Военный, а туда же. Не стая воронов слеталась. Именно так.

Юрист признался, что и он иногда выпивает шампанское, даже с удовольствием, но обычно на собственные деньги. А такое широкое гулянье на развалинах опечатанного имущества — это же просто неслыханно! В Финляндии еще полным-полно материально и духовно обездоленных, так что противно смотреть на такие загулы. Сотни людей в этой стране кончают с жизнью от невыносимых тягот бытия, а эти банкроты-аферисты считают себя вправе жить так, будто это их последний день.

Глава 13

После того как пристав и юрист ушли, Релонен собрал всех за столом на террасе. Он ругал давешних чиновников и жаловался, что всю сознательную жизнь ему приходилось бороться с такими грабителями-бюрократами. Не удивительно, что в результате он оказался на пороге самоубийства. Его поддержали.

— Не дадим этому отвратительному инциденту испортить нам день, который так хорошо начался, — произнес Релонен, поднимая бумажный стаканчик с шампанским. — Выпьем же за наше очаровательное самоубийство!

Шампанское пили весь день. Когда оно закончилось, Корпела и Лисманки поехали на автобусе в Ламе за добавкой.

— На обратном пути чуть в кювет не угодили, — хвалился Уула.

На это полковник Кемпайнен заметил, что нужно знать меру. Алкоголь вреден для здоровья, почки и печень плохо его переносят. Кто-то ответил, что ему совершенно все равно, в каком состоянии его печень будет в момент самоубийства. Все равно всем одна дорога — в могилу. Полковник не нашел, что возразить.

Поздно вечером в багажник автобуса загрузили армейскую палатку и другие вещи, сами сели в салон. Настроение было буйное, злились на управление по делам банкротств, так что даже сожгли построенные во дворе тент и шалаш, чтобы не достались врагу. Уула Лисманки напомнил, что эти сооружения не входят в опечатанное имущество Онни Релонена. В списке был только дом. Шалаш и тент красиво горели, зарево отражалось на гладкой поверхности озера Хумала. Как раз и солнце уже зашло.

Автовладелец Рауно Корпела уселся за руль своего блестящего автобуса, и они отправились в путь. Решили ехать на отвратительный восток, по крайней мере до тех пор, пока шофер не захочет спать и не сможет больше вести машину. Полковник Кемпайнен вместе с проректором Пуусари уселись в машину и поехали за автобусом, который слишком уж залихватски раскачивался на узкой деревенской дороге. Выехав на трассу, прибавили скорость, и началось настоящее путешествие.

Потом вдруг свернули на боковую дорогу — Корпела объяснил, что предпочитает ехать окольными путями, особенно после шампанского.

Лесные опушки и деревенские дороги радовали глаз.

Час или два ехали из Вяксю в Хейнола, а потом никто уже не обращал внимания на дорогу.

У официанта на побегушках Сеппо Сорьонена прорезался поэтический дар, и он завел общую песню. Под его руководством самоубийцы пели удивительно вдохновенно. В песне говорилось о кратковременности жизни:

Жизнь с людскими заботами и убийствами,
Она лишь временна...

Корпела ехал быстро, и полковнику Кемпайнену стало трудно за ним поспевать. Не дай бог какая авария или дорожный патруль... Проректор Пуусари пыталась его успокоить. Ну и что, если машина влетит в кювет: они ведь искали смерти. Хелена Пуусари захватила с собой в машину полбутылки шампанского. Облокотившись на плечо полковника, она мягким пьяным голосом замурлыкала арию из оперетты Кальмана «Марица». Машину наполнял дурманящий запах ее духов, пленительная женственность путала мысли полковника. Кемпайнен вдруг подумал, что во всей этой авантюре с самоубийством определенно есть смысл.

Они уже были где-то в районе Саво, когда Корпела заснул за баранкой. Неудивительно, ведь он уже почти двое суток не спал: сначала ехал из Пори в Хя-ме, потом со всей компанией кружил по Хяме с пробным рейсом. Когда в полночь все-таки добрались до Саво, в это трудно было поверить.

Корпела был профессионалом в своей области. Засыпая за рулем, он успел свернуть на обочину и выключить мотор. После чего отключился сам.

Из водительской кабины раздавался богатырский храп. Корпелу перенесли на скамью в комнате для переговоров. Фельдфебель в отставке Ярмо Кор-ванен заменил спящего водителя (у него были права) и повел автобус в новом направлении. Он проехал еще километр-там нашлось подходящее место для стоянки на дне какого-то оврага с гравием. Автобус оставили там, но ставить палатку в холодном овраге не хотелось. В сумерках летней ночи блуждали путешественники по окрестностям и набрели на огромное поле. Там и решили разбить лагерь. Уула Лисманки взял руководство в свои руки, и скоро палатка уже была поставлена. На пол постелили листья, чтобы удобнее было спать. Перед сном допили оставшееся шампанское. Уула развел перед палаткой костер. При свете пламени разговаривали о том, о сем. Поездка всем понравилась. Прекрасное вышло начало. Если так пойдет и дальше, все будут только рады. Когда последняя бутылка опустела, самоубийцы безмятежно заснули, вперемешку, мужчины и женщины.

В летней тишине кричал коростель, в молодой траве скакали лягушата, а откуда-то издали слышался слабый гул реактивного самолета, совершающего свой ночной полет. Костер самоубийц догорал. Маленький лисенок ходил вокруг, с любопытством нюхая воздух. Он ловко вылизал оставшиеся в бумажном стакане капли шампанского, а на закуску поймал себе лягушонка. Из палатки слышалось дыхание спящих, кто-то кашлял, кто-то разговаривал во сне.

Полковник Кемпайнен смотрел из машины на поле: ночная мгла покровительственно окутала серую палатку и несчастных, спавших внутри. Кемпайнен подумал, что это, наверное, самый подвижный лагерь в Финляндии и самая мрачная рота солдат.

— Отдыхайте с миром, — тихо произнес полковник.

Пожелание вполне годилось и для проректора Хелены Пуусари — крупная рыжеволосая мадам тоже заснула глубоким сном на переднем сиденье. Полковник перенес проректора в автобус — там удобнее. Ноша была тяжелой, но приятной. Полковнику пришла в голову забавная мысль: на его руках покоится пыш-нотелая красавица, с которой он мог бы счастливо жить в браке до конца своих дней. Но эта женщина тоже скоро умрет — такова цель их путешествия. Полковник снова останется вдовцом, если сам не наложит на себя руки. Это их общее решение. Грустно...

Полковник накрыл проректора дорожным одеялом. Автовладелец Корпела мирно похрапывал.

Кемпайнен, пошатываясь, пошел к окутанному туманом полю, по дороге наступил в какую-то канаву, но, в конце концов, нашел среди травы палатку, заполз туда и отключился.

Выставлять ночной караул самоубийцы не захотели. В этом лагере не боялись смерти.

Была полночь. Птицы на ветвях спали. Только откуда-то доносились заунывные крики козодоя.

Глава 14

Сонный крестьянин Урхо Яаскеляйнен вошел в сарай. Было только шесть утра, но уже пора приступать к работе в коровнике. Коров надо накормить, подоить, навоз вывезти, потом отправить рогатых на выгон.

Урхо Яаскеляйнен, тридцатилетний житель Са-во, был искренне предан земле и жил в захолустной деревеньке Рёнттейккёсалми. Урхо унаследовал от родителей довольно богатую ферму с двадцатью гектарами земли, на большей части которой росли трава, кормовое зерно и сахарная свекла. Коров было двенадцать. Можно бы держать и больше, коровник-то новый, да и корма участок давал в избытке, но что делать с таким количеством молока? Двенадцать коров требовали ухода, а рабочую силу взять неоткуда. В газетах теперь редко писали о безработице. Разве что батраку платить, а то все безработные так и пропадают без вести в архивах биржи труда. Хорошо, если летом приедет на недельку ревизор-замерщик. Пока он замеряет землю, можно наскоро смотаться на Тенерифе. Но и такая скромная помощь предлагалась отнюдь не каждый год.

Урхо вымыл всем коровам вымя и установил доильные аппараты. Молоко заструилось в цистерну. Вообще-то эта работа была обязанностью жены, Кати, но от этой бабы в фермерских делах никакого проку. Девушки на выданье сразу после школы уезжали из деревни Рёнттейккёсалми, да и сам Урхо жену взял не из села, а то так бобылем и остался бы. Несколько лет назад на сельскохозяйственной выставке в Пиексамя-ки ему повезло. Но это как посмотреть... В компьютерной базе нашлась горбатая городская девушка Кати, родом из Хельсинки. Кати хотела переехать в деревню, ей нравилось ездить на лошади и заниматься натуральным хозяйством. Раньше она работала помощницей в баре на улице Пенгеркату.

Но сельскохозяйственным работам Кати так и не выучилась. Дойка вызывала у молодичи стойкое отвращение. Коров она боялась, свиней терпеть не могла, потому что отвратительно воняют. С мая до поздней осени из носа у Кати текли сопли. У нее была аллергия почти на все: на шерсть коров, на полевую траву сурепку. Она так боялась цветочной пыльцы, что к сену даже близко не подходила. От резиновых сапог у нее потели ноги, это тоже мешало работе. Зато ребеночка, который все время требовал молока, Кати состряпать сумела, дело-то нехитрое. Из бывшей помощницы в баре вышла отличная повариха: она баловала Урхо сосисками с пюре и фрикадельками с французской картошкой. Иногда по воскресеньям Кати удивляла Урхо, подавая на стол бифштекс по-барски!

В это утро Урхо Яаскеляйнен был не в лучшем настроении. Кати, как всегда, еще спала. Она любила говорить, что в баре ей не нужно было вставать ни свет ни заря. И если она хотя бы час работала сверхурочно, ей это компенсировали. А разве Урхо платит ей за то, что она посреди ночи встает готовить ему завтрак? В общем, язык у Кати — что помело.

Как-то раз представитель сельской общины предложил Урхо купить компьютер для обработки фермерской документации, но Урхо эта идея не воодушевила. Он потерял доверие к компьютерам уже тогда, на выставке в Пиексамяки.

Урхо вывел свое стадо на улицу и отправился с ним на пастбище через поле к дальнему выгону.

Печальный Урхо гнал свое двенадцатиголовое стадо по грязной дороге. От травы, покрытой утренней росой, шел пьянящий аромат, но настроение Урхо от этого не улучшалось. В глубине его сердца засело отвращение к жизни. Иногда Урхо даже подумывал наложить на себя руки. А может, сперва застрелить Кати и дочку, а потом и себе пулю в лоб? Если всю неделю водку в себя вливать, потом что угодно сделаешь.

Урхо Яаскеляйнен настолько погрузился в мрачные мысли, что не заметил, как наткнулся на армейскую палатку, стоявшую прямо посреди поля. Он удивился: что бы это значило? Неужели в Юва начались военные учения? Только этого не хватало! Какая-то армия будет топтать его поле и квартировать на свежей кормовой траве, которая как раз в самом соку!

Урхо отдернул дверь палатки и рявкнул: «Подъем!» Голос у Урхо был поставленный, командный, ведь когда-то он служил в Векараярви и даже получил звание младшего сержанта.

Младший сержант Яаскеляйнен удивился пуще прежнего, когда из палатки вместо солдата выполз ворчащий с похмелья офицер. Урхо не на шутку испугался: и впрямь полковник в полном обмундировании, на воротнике по три золотые звездочки, да еще в сопровождении шумной толпы. Урхо Яаскеляйнен инстинктивно вытянулся по стойке «смирно» и отрекомендовался:

— Господин полковник! Младший сержант Яаскеляйнен, дивизия один плюс двенадцать...

Урхо выпалил все это и смутился. Черт возьми, он же давно гражданский, хозяин этого поля и всей фермы. С чего это он расшаркивается перед каким-то незнакомым солдафоном? Покраснев, Урхо Яаске-лайннен отступил к стаду. Какого черта, он бы еще и о коровах доложил. ^[11]

Полковник Кемпайнен протянул ему руку и спросил, что это за деревня.

Урхо ответил, что полковник и его компания в Рёнттейккёсалми, на земле Яаскеляйнена. Хороши путешественники! Даже не знают, куда пришли.

Самоубийцы постепенно проснулись и собрались вокруг полковника и фермера.

«Гражданские», — определил Урхо. Женщины и мужчины. Большая компания. Урхо подсчитал: из палатки вылезло по крайней мере человек двадцать. Делать этим городским нечего, кроме как вытаптывать поля порядочных людей!

Полковник спросил, как далеко отсюда до ближайшей деревни или города, Хейнолы или Лаhti.

Урхо Яаскеляйнен ответил, что это провинция Юва. Хейнола далеко, Лаhti еще дальше. Ближайший город — Миккели, недалеко и до Савонлинны и Вар-кауса. Да и до Пиексамяки тоже.

— Ага... это важно... я-то думал, что мы к западу от Миккели. Вот куда дорога вывела. Никогда не знаешь, где окажешься. Значит, мы расположились на вашем поле?

Про что я и говорю. Без спросу, да еще посередь лучшего травостоя.

Не волнуйтесь, мы возместим ущерб, — щедро пообещал полковник.

Урхо Яаскеляйнен проворчал, мол, деньгами утоптанное поле не поправишь. А что, если приспособить народ к работе? Ее на ферме навалом.

— Шут с ними, с деньгами! А вот если свеклу проредите... Глянь, как все поле истоптали.

Самоубийцы сказали, что с удовольствием возьмутся за полевые работы, если хозяину нужна подмога.

Работа на земле — весьма эффективная терапия. Но сперва надо позавтракать и где-нибудь помыться. Есть ли здесь поблизости озеро, где можно искупаться?

— Да воды-то в Саво хватает, — обрадовался Урхо, который уже подсчитывал пользу от прореживания свеклы силами неожиданно появившихся помощников. В его распоряжении оказалось больше двадцати праздных туристов, некоторые из которых, правда, уже немолоды, но ничего... будут работать в меру своих сил, потихоньку-полегоньку...

Компания отправилась купаться на пруд в Рёнт-тейккёсалми. Потом съели походный завтрак на поле перед палаткой. Проректор Пуусари и автовладелец Корпела тоже явились к завтраку. Проректор выглядела немного вялой и избегала взгляда полковника. Для нее, как и для Корпелы, оказалось сюрпризом, что они добрались до самой Ювы. Корпела спросил, проезжал ли он через Миккели. Никто, даже полковник, этого не помнил. Может, они попали в Юву по какой-то объездной дороге через Ристиину и Анттолу? Бог знает...

Когда все отправились на свекольное поле, Хелена Пуусари спросила полковника, что случилось ночью. Ей полегчало, когда она услышала, что полковник отнес ее в автобус и положил на сиденье.

— Я совсем ничего не помню... не надо было столько пить. Скажите, ночью я вела себя нескромно?

Полковник уверил Хелену, что она вела себя вполне корректно, предложил ей руку и проводил на утреннее купание к заросшему кувшинками пруду Рёнттейккё.

Самоубийцы прожили в деревне Рёнттейккёсал-ми три дня.

Днем прореживали сахарную свеклу и ели приготовленное хозяйкой Кати Яаскеляйнен пюре с сосисочным соусом. Вечерами сидели у костра на берегу пруда Рёнттейккё и вели душевительные беседы.

Здоровая сельская жизнь пришлась им по душе. Они остались бы на ферме у Яаскиляйнена и дольше, но свеклы хватило только на три дня.

Когда они собирались уезжать, Урхо Яаскеляйнен, который уже знал о главной цели их путешествия и успел подружиться со своими помощниками, произнес с тоской:

— Я б тоже с радостью туда поехал, на Нордкап-то, чтоб себя убить... да ведь лето у крестьян — это самое страдное время. Не успеваю в дорогу. А чё, ежели возьмете с собой хозяйку мою? Кати, она ж свободна... поехала б... Я в этом смысле не прочь мелкого жениного туризма.

Но полковник его не поддержал. Как он успел заметить, госпожа Яаскеляйнен не страдала жадной самоуничтожения в такой степени, чтобы отправиться с ними в северную экспедицию.

— Ну, нет так нет... я токмо предложил, — разочарованно протянул Урхо Яаскеляйнен.

Компания забралась в автобус, и Корпела повел его в направлении Савонлинны. Там можно будет прихватить с собой хозяина и служителя судна внутренних вод, если его все еще интересует самоубийство. И коль скоро они будут в Саво, надо заглянуть и в пару других мест, адреса которых нашли в папке. В автобусе еще много свободных сидений.

Проректор Пуусари предложила зайти в цветочный магазин, заказать надгробный венок и отправить в город Котка на могилу покойного Яри Косунена. Ведь первого покойника из их группы уже, наверное, похоронили.

Стали это выяснять, благо в автобусе был радиотелефон. Релонен позвонил по нескольким номерам в Котку и узнал, что Яри Косунена будут хоронить во вторник, то есть послезавтра. Погребение пройдет тихо, на новом кладбище. У матери Яри случился нервный срыв, когда она услышала о смерти сына, и ее отвезли в больницу для душевнобольных. Но на похороны сына ее, может быть, отпустят. Эти сведения дал регистратор Евангельско-лютеранского общества Котки. Яри похоронят на собранные пожертвования, так как у его матери нет ни имущества, ни близких родственников. Регистратор рассказал, что Яри жил с матерью в съемной двухкомнатной квартире на окраине города. Все, что ему удавалось заработать, он тратил на авиамodelи и воздушных змеев. Его даже прозвали дурачком-воздухоплателем.

Полковник предложил поехать на похороны. Было решено проводить товарища в последний путь.

В архивной папке вычитали, что в Кюменлааксо живут только два потенциальных самоубийцы. Но все равно туда тоже постановили заехать и познакомиться с ними. А может, и взять их с собой на север.

Глава 15

В домике на окраине Саво муж бил преподавателя домоводства Эльзу Таавитсайнен. Электрик Пааво Таа-витсайнен был до крайности ревнив и страдал манией преследования. Эльза была вся в синяках, на голове у нее торчала огромная шишка. Женщина лежала на полу и горько плакала. В семье было два ребенка-подростка, мальчик и девочка. Дочка сидела на кровати в спальне, оцепенев от страха, и вздрагивала каждый раз, когда мать в коридоре вскрикивала от ударов. Сын нервно хихикал в гостиной. Он втихую успел глотнуть пива из отцовской бутылки.

Насилие входило в еженедельную семейную рутину. Его мишенью всегда была мать, обвиняемая в греховодничестве. По словам Пааво, она была дурой, вечно ничего не помнила, транжирила деньги, бегала по мужикам, не умела готовить, хоть и преподавала домоводство. Отличалась ленью и неопрятностью. Плохо воспитывала детей. На супружеском ложе была холодна и вообще испортила всю жизнь мужу и детям.

Если Эльза пыталась защищаться, это вызывало у мужа припадок бешенства и еще большую агрессию. Если смирялась с семейным рабством, это тоже не помогало. Старайся не старайся, наказание было неотвратимо.

Эльзе Таавитсайнен было всего тридцать лет, но выглядела она как старуха. Она была вконец сломлена и измождена, ни на что уже не надеялась. Будущее рисовалось ей ужасным. Ночью она не могла спать, даже если днем ее не били.

После Ивана Купала Эльза увидела в газете то самое объявление. Оно ее тронуло до глубины души. «Думаешь о самоубийстве?» — спрашивалось в газете. Эльза, как никто другой, могла утвердительно ответить на этот вопрос. Вскоре она получила письмо с приглашением на семинар в Хельсинки. Рискнула и поехала. Соврала, что отправляется в столицу на недельную конференцию преподавателей домоводства.

Встреча в «Певчих» дала Эльзе Таавитсайнен утешение и такую поддержку, на которую она уже и не рассчитывала. Она прослушала доклад о самоубийствах и способах их предотвращения, смогла спокойно поесть и поговорить о деле с понимающими людьми.

После семинара Эльза Таавитсайнен присоединилась к ядру группы самоубийц. Они сходили на кладбище и в Сеурасаари. Ночью забрели на остров где-то в районе Ееспоо, где жили богатые люди. Ее спутники забрались в какой-то гараж и заперлись там. Эльза не решилась идти с ними.

Потом появился злой охранник с овчаркой. Эльза в ужасе убежала. Тут подоспели полиция и «скорая помощь». Эльза не знала, что там произошло. На следующее утро она вернулась домой. Больше ей никто не звонил и не писал. Недоверчивый муж выяснил, что в это время в Хельсинки не было никакой конференции по домоводству. Его чудовищная ревность обернулась настоящей бурей. Остатки ее человеческого достоинства были растоптаны.

Эльза Таавитсайнен лежала на полу в коридоре, свернувшись комочком, и страстно желала только одного — смерти. Тогда Эльза обрела бы долгожданный покой.

В этот момент с улицы послышался автомобильный гудок. Потом раздался звонок в дверь. Муж крикнул из комнаты:

— Иди, шлюха, умой свою морду перед тем, как открыть дверь!

Эльза была не силах встать, лишь приподнялась настолько, чтобы открыть дверной замок.

В дверях стоял полковник Кемпайнен. Он помог несчастной женщине подняться с пола. Лицо Эльзы было в крови, одежда разорвана, чулки разодраны. Одной туфли не было.

— Полковник Кемпайнен! Помогите мне... Эльза Таавитсайнен зарыдала и бросилась к полковнику.

Полковник отвел Эльзу в автобус. Проректор Хелена Пуусари взяла заботу о ней на себя. Из автобуса вышли мужчины: Корпела, Сорьонен, Лисманки, Корванен. Муж Эльзы выбежал во двор, начал буйствовать и попытался ударить полковника, но его быстро успокоили. Он обвинял спасителей Эльзы в том, что они нарушили их домашний покой. Мальчик и девочка равнодушно, словно посторонние, следили за происходящим с лестницы. Обезумевшая от страха Эльза пряталась за спинками сидений. Хелена Пуусари сидела рядом и успокаивала ее.

Полковник Кемпайнен и фельдфебель в отставке Корванен что-то внушали электрику Таавитсайнену, при этом Корванен сидел у него на груди, а электрик под ним извивался.

На шум сбегались соседи и стали кричать, что такой жизни никто не выдержит и Таавитсайнена давно пора сдать в полицию. Кто-то даже пошел звонить.

Полковник попросил соседских мужиков подержать Таавитсайнена до приезда полиции. Они пообещали и поблагодарили полковника за то, что он вмешался в это дело.

Хелена Пуусари спросила Эльзу, не хочет ли та взять из дома какие-нибудь вещи. Эльза сначала не решалась, но при поддержке проректора и полковника в конце концов отважилась войти в дом. Она взяла с собой сумочку, кое-что из одежды, паспорт и деньги. Больше у нее ничего не осталось. Все было разбито вдребезги за годы семейной жизни. Уходя, Эльза не обняла детей, да и они на нее даже не смотрели. Во двор въехала полицейская машина.

Так распалась семья Таавитсайненов. Полиция взяла на свое попечение мужа, клуб самоубийц — жену. Первого ждала тюрьма, вторую — смерть. Дома остались двое детей-подростков: бесчувственный мальчик и жестокая девочка.

Автобус въезжал в центр города Савонлинна. Эльза Таавитсайнен заснула на заднем сиденье.

Проректор Пуусари попросила заехать в аптеку и цветочный магазин. Для Эльзы она пожертвовала аптеке свой рецепт на успокоительное, а в цветочном заказала венки. На шелковой ленточке она попросила написать текст: «Памяти пионера. Его последователи». Потом позвонили Микко Хейкинену, попечителю судна, и договорились встретиться в доке.

Глава 16

Автобус ехал по восточному мосту Савонлинны. Док для сломанных кораблей нашли быстро. Ржавое судно стояло на сваях. Самоубийцы осмотрели корабль и пришли к выводу, что оно ни за что на свете не поплывет. Удивительно, что судно вообще вернулось из последнего плавания. Оно погубит всю компанию в первом же рейсе. Но такая скорая смерть почему-то уже никого не радовала.

В док въехал дребезжащий пикап, и из него вышел Микко Хейкинен, 45 лет, учитель информатики в техникуме города Савонлинна. Хейкинен поставил свой драндулет в тени шикарного автобуса Корпелы и подошел поприветствовать самоубийц, столпившихся вокруг его прогулочного судна. Он был экипирован в грязный комбинезон, на голове — фуражка, на ее козырьке большими буквами написано: WARTSILA.^[12] Лицо загорелое от солнца, огрубевшее от холодных ветров. Очевидно, Хейкинен был с похмелья — от него несло прокисшим вином. Руки слегка дрожали, когда он приветствовал полковника.

Кемпайнен объяснил Хейкинену, что они — то самое общество самоубийц, откуда звонили ему и спрашивали про корабль. Сейчас они держат путь на север, но сперва хотели бы посмотреть летнюю Финляндию и уладить кое-какие дела.

Хейкинен рассказал, что судно имеет 26 метров в длину и 6 в ширину, выдерживает 145 пассажиров, а места хватает на сто пятьдесят, во всяком случае, раньше хватало. Двигатель мощностью 68 лошадиных сил. Судно ходило из Саймы в Петербург еще до Первой мировой войны. В 1973 году Хейкинен купил его на аукционе за смешную цену и

думал, что это выгодное приобретение. Но время показало, что корабль только усложнил жизнь Хейкинена.

Хейкинен приставил к кораблю стремянку и залез на борт. Полковник и еще несколько мужчин последовали за ним. Хозяин показал пассажирские каюты. Они были в плачевном состоянии: лак на панелях давно облупился, а кое-где они вовсе прогнили и едва держались. Прислоняться к ним не хотелось. Капитанскую рубку Хейкинен когда-то привел в порядок. Руль был начищен до блеска, а рупор для отдачи приказов в машинное отделение сиял, как солнце. Корабельный колокол мелодично зазвенел, стоило Хейкинену дернуть за шнурок. Но на этом ремонт верхней палубы и закончился. Кричать в этот рупор не имеет смысла, снизу все равно никто никогда не отвечает, — уныло заметил капитан.

По чугунным ступенькам компания спустилась в машинное отделение. Там повсюду валялись части старого парового механизма. Хейкинен зажег светильник и рассказал, как он потел над этой машиной в общей сложности тринадцать лет. Он отлил новые подшипники, вычистил все части и изготовил новые.

Как-то раз он опробовал машину и попытался ее завести, было это в 1982 году. В котле образовалось небольшое давление, золотник лениво задвигался, из трубы на верхней палубе пошел дым. Но что-то было не так. Машина затряслась, сделала несколько оборотов и заглохла. Хорошо еще, что корабль не загорелся во время испытания. Хейкинен разобрал механизм и начал искать поломку. И их нашлось предостаточно. Еще один двигатель в разобранном виде лежал в трюме. Микко Хейкинен пошарил руками в ржавом корыте в носовой части. За годы там набралось целое озеро конденсата. В воде плавало несколько бутылок пива. Хейкинен выудил бутылки из черного масляного бульона и попросил полковника и других самоубийц вернуться на палубу, в капитанскую рубку. Там хозяин предложил гостям пиво. Сам тут же жадно глотнул из горлышка: его кадык сделал несколько скупых движений туда-обратно, глаза на мгновение закрылись. Потом Хейкинен рыгнул и сознался, что из-за этой дырявой посуды стал алкоголиком.

— Я сам превратился в развалину из-за этой посуды. Скоро буду в таком же плачевном состоянии, как и это корыто.

Капитан продолжал свою трогательную историю. Когда семнадцать лет назад Микко Хейкинен купил этот корабль, он был молодым и нетерпеливым романтиком-мореплавателем. Он мечтал привести старое судно в порядок и возобновить пароводные перевозки в Сайма. В самых смелых фантазиях Хейкинен видел себя за штурвалом корабля. Вот он прибывает по Неве в Ленинград и швартует свое великолепное судно рядом с историческим крейсером «Аврора»...

Первое лето Хейкинен с воодушевлением стучал молотком в темном трюме, не видя солнечного света.

Он изготавливал заклепки, сваривал детали, выпрямлял старые и ржавые стальные диски, и так до бесконечности. Но судно было слишком велико, а рабочей силы слишком мало. Все было безнадежно. Корабль ржавел быстрее, чем один человек успевал его ремонтировать.

Все заработки Микко шли на ремонт. Работу учителя информатики Хейкинен совсем запустил. Он чувствовал, что теряет чувство реальности, и начал пить. Дом превратился в мастерскую. Повсюду валялись чертежи и масляные тряпки. Семья начала сторониться

сумасшедшего судовладельца. В конце концов, жена подала на развод, забрала детей и ушла. Дом он потерял. Родственники избегали Хейкинена. На работе над ним зло подтрунивали и спрашивали, когда состоится спуск судна на воду. На маленькое Рождество^[13] Хейкинену дарили бутылочки шампанского, чтобы обмыть судно. Это стало ежегодной традицией — он каждый год получал по пятнадцать бутылок шампанского. С горя он в одиночку выпивал их в темном и сыром трюме своего корабля, а пустые бутылки в гневе разбивал о ржавый борт.

В городе над Хейкиненом смеялись, о нем ходили злые анекдоты, его называли сухопутным капитаном пароходно-корабельной фирмы «Варистайпале». На сорокалетие ему подарили компас, который Хейкинен тут же продал, а деньги пропил.

Короче говоря, эта развалина приносила одни убытки. Надо было покупать инструменты, новые запчасти, платить за док и электричество. Хейкинен был гол как сокол. Вот-вот останется без работы, техникум уже ищет нового преподавателя информатики. Хейкинен признался, что сошел с ума из-за своего корабля. Весной он попытался спустить судно на воду и понял, что гораздо разумнее будет самому утопиться вместе с этой развалиной. Но и это не вышло. Судно намертво прижавело к кронштейну и не двигалось с места, как ни пытался Хейкинен сдвинуть его с помощью гидравлического пресса. Корабль — его проклятие.

Микко Хейкинен допил пиво, сгорбился, закрыл лицо черными от масла руками и не смог сдержать слез. Они стекали по его темным морщинистым щекам на замусоленный комбинезон.

— Я больше не могу, — всхлипывал несчастный — Возьмите меня с собой! Мне все равно, куда вы едете, только возьмите! — умолял он.

Полковник Кемпайнен положил руки на сильные плечи опытного судовладельца и пригласил его в автобус.

Глава 17

На ночь группа самоубийц остановилась в Савонлинне. Был разгар туристического сезона, и для такой огромной компании в отеле не нашлось свободных номеров. Пришлось заночевать на «турбазе». Уула привычно развернул огромную палатку, в ней спали мужчины. Женщинам разрешили снять на сутки три домика.

Вечером компания заказала сауну. Помылись; сухопутный капитан Хейкинен соскреб с кожи семнадцатилетнюю ржавчину и прогорклое масло.

После сауны побежали купаться в Линнанвирта, а потом жарили на костре сочные колбаски. Темный замок Олавинлинна отражался в быстрой реке. Все вспомнили легенду о девушке из замка, которую замуровали в старую стену вместо ее возлюбленного, предателя. Кто-то высказал предположение, что за сто лет многие совершили самоубийство, прыгнув в темную реку с самых высоких башен этой мрачной крепости.

Все хотели погостить в Савонлинне подольше, но надо было успеть в Котку на похороны Яри Косунена. Особенно торопились в дорогу новички — преподаватель домоводства Эльза Таавитсайнен и сухопутный капитан Микко Хейкинен. Они уже достаточно рассмотрели и на саму Савонлинну, и на ее жителей.

Снова отправились в дорогу. Путь шикарного автобуса Корпелы лежал через Париккалу, Иматру, Леп-пеенранту и Коуволу в Котку. В Париккале выбрали еще одного самоубийцу, деревенского кузнеца Тайсто Лааманена семидесяти четырех лет, жизнь которого была раздавлена техническим прогрессом.

По дороге заехали полюбоваться на водопад Иматры и оставили на мосту автографы. Плотины были открыты. На мосту стояли и другие туристы. Могучие волны с грохотом бились в скалистом каньоне. Яри Хаутала рассказал историю о том, как в этом водопаде утонули сотни петербургских аристократов. В прошлом веке это было самое модное в Северной Европе место самоубийств.

Бурные волны Иматры своим грозным видом приковали к себе внимание всех членов группы. Но прыгать в водопад полковник запретил.

— Возьмите себя в руки! Не делайте глупостей у всех на виду, — предостерег Кемпайнен свою паству, с любопытством глядевшую вниз.

К востоку от моста виднелся блестящий памятник — бронзовая дева Иматры, созданная скульптором Тайсто Мартискайненем. Она изображала тонущую в реке девушку с распущенными волосами. Позже сам скульптор тоже утонул в каком-то местном озере.

На деревообрабатывающем комбинате «Энсо» к ним присоединился чиновник Энсио Хякинен, тридцати пяти лет, бывший главный поверенный и сталинист. Его желание жить иссякло по многим причинам, не только из-за переворота в Балтийских странах и Восточной Европе. Всю жизнь он свято верил в принципы Советского Союза, но теперь эта вера умерла. Ему казалось, что Советский Союз обманул его, самоотверженного соратника и помощника, и лишил жизнь смысла. После того как социализм рухнул, все в мире пошло к черту: сначала сам мир, а потом и мировоззрение Хякинена.

В Лаппеенранте собирались взять с собой тридцатилетнюю кондитершу Эмми Ланкинен, но опоздали. Эмми уже успела совершить самоубийство. Ее похоронили в прошлое воскресенье на Лаппеенрант-ском кладбище. Эту ужасную новость поведал им муж, которого поступок жены глубоко потряс. Он нашел супругу мертвой на качелях в саду. Она сидела, закрыв глаза, — приняла яд. Голос мужчины дрогнул, когда он рассказывал о смерти жены.

В последние годы Эмми страдала глубокой депрессией, два раза лежала в больнице для душевнобольных. После Ивана Купала Эмми на какое-то время ожила, даже ездила на какой-то семинар в Хельсинки, но не выдержала сильных впечатлений от далекой поездки.

Супруг не мог понять, как это могло произойти. Он глубоко страдал и винил в случившемся себя. Если бы он знал, что Эмми думала о самоубийстве... Он бы что-нибудь предпринял. Но ему все время было некогда, да и желания не было говорить с женой по душам.

Ланкинен предложил проводить всю компанию на кладбище Лаппеенранты, где покоилась его жена. Проектор Пуусари возложила на могилу Эмми Ланкинен венок, предназначавшийся Яри Косунену.

— Памяти пионера. Его последователи, — строгим офицерским голосом прочитал полковник.

На могиле выдержали минуту молчания, потом полковник на своей машине отвез вдовца домой.

Путешествие продолжалось. Путешественники приуныли. Они опоздали... Релонен вспомнил Эмми Ланкинен. Это была та самая темноволосая, крепкого сложения женщина, что сидела в кабинетной части ресторана, но не выступала. В папке нашли письмо покойной, но и оно ничего не прояснило. Эмми просто писала, что стоит на пороге самоубийства, ничего больше. Почерк был своеобразный, как будто каждая буква давалась с трудом.

Проректор Пуусари серьезно заметила полковнику, что впредь им не стоит мешкать. Обществу предстояло объехать еще много городов и сел в разных концах страны и собрать последних пациентов-самоубийц. Пуусари просмотрела папку и сообщила, что в серьезной опасности находятся еще человек десять. Полковнику пришлось признать, что смерть Эмми Ланкинен стала сигналом тревоги — надо спешить.

Пуусари взяла папку и направилась в конференц-зал автобуса, чтобы составить «горячий список». До прибытия в Котку у нее уже был готов примерный маршрут. Хельсинки, Хяме, Турку, Пори, Саво и Карелия были к тому времени уже прочесаны; предстояло съездить в Похьянмаа, Центральную Финляндию, Кайну, Куусамо и Лапландию. Пуусари подсчитала: в автобус поместятся только те, у кого самые серьезные случаи.

Полковник согласился: они возьмут с собой в автобус только самых трудных пациентов, чтобы те не покончили с собой самостоятельно. Теперь их путь лежал на север; всех ждала смерть. Они все в одной лодке, то есть в автобусе. Какая разница?

В Котку прибыли в пятом часу вечера. Похороны Яри Косунена должны были начаться через два часа. Корпела остановил автобус перед рестораном Илвес. Там и пообедали. После обеда полковник с проректором пошли к Косунену домой. Там, разумеется, никого не было: мать — в психиатрической больнице, а сын — в морге. На обратном пути зашли в цветочный магазин, потом поехали на кладбище. Поскольку венок уже возложили на могилу Эмми, проректор купила вместо него огромный букет цветов. Всех немного смущал тот факт, что они явятся на похороны незваными гостями, да еще и не в трауре, потому что подходящей к случаю одежды ни у кого из путешественников с собой не было.

Похороны Яри Косунена прошли бедно и незамысловато. Гроб, самый дешевый, из морга выносили пастор, пономарь и пара помощников. Очевидно, у жителей Котки были более важные расходы, чем похороны дурачка-воздухоплатателя. Один из несущих гроб задыхался, а другой расцарапал спину, когда спускал тело Яри Косунена в могилу. Даже на пасторе сэкономили: обряд совершал самый молодой и нерадивый помощник священника, которого только смогли найти в евангельско-лютеранском приходе Котки. Учился он из рук вон плохо, и его даже не приняли в церковное общество.

Социальный работник и медсестра из психбольницы успокаивали мать Яри.

Но когда к каменной ограде кладбища подъехал великолепный автобус Корпелы и из него высыпали двадцать с лишним человек, похороны сразу приобрели солидность и размах. Самоубийцы выстроились в два ряда и под командованием полковника промаршировали к могиле. Гроб Яри Косунена ждал, готовый к спуску в землю. Мать Яри плакала навзрыд у гроба сына, и соцработник совал ей носовой платок.

Священник был уже готов приступить к отпеванию покойника, когда траурная процессия во главе с полковником и проректором (у Хелены в руках был огромный букет цветов) подошла к могиле. Пастор поспешил им навстречу, поприветствовал полковника и спросил, кто они такие. Полковник сказал, что они друзья покойного, а официант на побегушках Сеппо Сорьонен добавил, что это делегация от клуба воздухоплавания северных стран, получившая почетное задание отдать последний долг члену клуба Яри Косунену. Тут пастор вспомнил, что покойный и правда увлекался авиацией. Кто бы мог подумать, что он такая значительная фигура в этой области! Даже траурную делегацию прислали.

Возглавляемая полковником группа обступила могилу. Церемонию благословения можно было начинать.

Священник мысленно ругал себя за легкомыслие, за то, что не подготовил подобающую случаю речь. Он-то думал, что этот покойник — обычный рабочий из Котки и жалкий дурачок. Но оказалось, что у него солидные связи за рубежом. Не к каждому на могилу приходят десятки скорбящих во главе с высокопоставленным штаб-офицером, полковником. Пастор припомнил, что поговаривали о необычных обстоятельствах смерти Косунена в каком-то арабском посольстве. В такое место кого попало умирать не пустят. Теперь надо быстро что-то сымпровизировать. Этому покойнику необходима более длинная и достойная речь, чем та, которую подготовил священник.

Редко случается, чтобы церковный служащий потерял дар речи. Помощник священника громко откашлялся и хорошо поставленным голосом начал перечислять достижения покойного. Он кратко изложил жизненный путь Яри Косунена и остановился на его многочисленных заслугах. Косунен еще в детстве выказал такую широту взглядов, которой ближним стоило бы поучиться. Его земное странствие во многих отношениях показательно: он был человеком без предрассудков, обладал душой, стремящейся ввысь, его природная неприхотливость, самопожертвование и богатое воображение произвели на современников неизгладимое впечатление. Жизнь Косунена, которая закончилась, по человеческим меркам, слишком рано, была осложнена многими тревогами и неудачами, но покойный с непримиримой настойчивостью преодолевал на своем пути нечеловеческие препятствия и занял важное место в международных авиационных кругах. Материальные затруднения не смогли помешать боевому энтузиазму его горячего сердца. Косунен самостоятельно справлялся с возникавшими на его пути трудностями.

Помощник священника говорил долго и с чувством. Слушая его речь, мать Яри Косунена подняла к небу заплаканное лицо. Тщедушная старушка приосанилась, возвышенная печаль жгла ей грудь. Даже медсестры стали всхлипывать, чего с ними не случалось годами.

Помощник священника проводил замечательного человека на вечный покой.

Под торжественные песнопения гроб опустили в могилу. Вслед за материнским букетом полковник Кемпайнен и проректор Пуусари положили на могилу погибшего роскошный букет из красных роз и ярко-желтых фрезий. Полковник отдал честь и громким командирским голосом произнес:

— Памяти пионера. Его последователи.

После благословения медсестры отвели мать покойного к машине, которая ждала за оградой кладбища, но старушка захотела поздороваться с полковником. Она протянула ему руку и произнесла дрожащим голосом:

— Господин офицер, спасибо вам от имени Яри. И передайте привет военно-воздушным силам. Хорошо, что вы приехали. Яри так мечтал стать летчиком-истребителем.

К дверям автобуса подошел и пастор, чтоб поговорить с полковником. Он тоже поблагодарил всех за участие в церемонии. По его мнению, неожиданная смерть Косунена — ужасная трагедия. Особенно печально, что покойный был молод и его ждало большое будущее в авиационном клубе. Пастор припомнил и прощальные слова полковника. Да, Финляндия нуждается в воздушных первопроходцах, в отважных пионерах. Смерть Косунена — огромная потеря для гражданской авиации всей страны. Маленькая Финляндия не имеет права разбрасываться талантами, которым удалось подняться над толпой. Помощник священника особо отметил интернационализм усопшего: в его родном городе люди и не слышали ни о чем подобном. Священнику говорили, что у Яри Косунена хорошие связи за границей, в последние дни своей жизни он даже переписывался с какими-то йеменскими дипломатами. Но воздушных подвигов, совершенных им на арабском полуострове, покойному уже не повторить.

Глава 18

Визит был недолгим. Корпела даже не вышел из автобуса. Владелец транспортных средств бросил прощальный взгляд на свои машины, невесело усмехнулся, развернул автобус и снова выехал на дорогу.

В Пори полковник Кемпайнен и Хелена Пуусари отделились от компании — Герман сказал, что заедет домой в Ювяскюля. Договорились встретиться послезавтра в Куусамо.

Официант на побегушках Сорьонен нашел в папке самоубийц любопытную открытку, на которой были изображены играющие норки. Ее отправил некий Сакари Пииппо из Нярпио. Угловатым почерком Пи-иппо писал: «Вот проклятие, как ни бьюсь, ничего не выходит, черт возьми. Свяжитесь со мной, ежели это того стоит. Сакари Пииппо, Нярпио».

В Нярпио все знали Сакари Пииппо, неудачливого директора цирка. Он жил на окраине деревушки в почти новом деревенском доме. Рядом располагалась огромная звероферма, в стороне стоял старый коровник, а за ним — такая же старая молотильня. Догадаться, что Пииппо устроил там цирк, было совершенно невозможно.

Автовладелец Рауно Корпела торопил компанию, повторяя с похоронной серьезностью:

— Ну, поехали. Смерть ждет. Вместительный автобус Корпелы наполнился людьми, ожил, помыкался немного на узкой кладбищенской парковке и пустился в путь. Полковник Герман Кемпайнен ехал за автобусом на своей машине через весь город, по мостам Котки, по дороге Порвоо. Автобус оставил позади Ловиису, Порвоо, Хельсинки. В столицу заезжать не стали — нечего было там делать. Миновав город, выехали на внешнюю кольцевую дорогу, затем на дорогу Пори. Оттуда двинулись напрямик до Хуйтти, где Корпела залил в бак еще полтонны топлива. В кафе у бензоколонки выпили кофе с булочками.

Около десяти часов вечера прибыли в город Пори.

Автобус въехал во двор транспортной компании, расположенной в промышленной зоне города. Во дворе не было ни души. Корпела завел машину в гараж, где уже стояли остальные шесть автобусов, принадлежавших ему.

— На них я зарабатывал свой хлеб на дорогах Финляндии, — доложил Корпела в микрофон.

Уже стемнело, но Сорьонен и Релонен все-таки решили зайти к Сакари. Их встретил угрюмый хозяин, мужчина средних лет в шерстяном свитере и брюках-галифе. Он сидел в кресле-качалке и читал «Народ Похьянмаа».^[14] Выражение лица у него было серьезное. Меньше всего он походил на директора цирка.

Представившись, Пииппо предложил гостям кофе. Он вымыл чашки, жалуясь, что в последнее время руки не доходили убираться: он теперь остался совсем один.

Сорьонен не смог удержаться от вопроса, почему жители Нярпио зовут его директором цирка. Может, хозяин когда-то в цирке работал? Иначе откуда такое прозвище?

Сакари Пииппо стал монотонно рассказывать о своей жизни и злоключениях. Он — обычный фермер, выращивает норок и лисиц. Точнее, когда-то был фермером. Пару лет назад, когда его промысел подвергся нападкам со стороны защитников животных, Пииппо стал подумывать о новых возможностях. Он признавал, что животные содержались на ферме не в самых лучших условиях. Норок выращивали в тесных клетках, ветер продувал их насквозь. Они — премилые зверьки, хотя и диковатые. Особенно неприятно было сдирать с них шкуру, со своих-то питомцев!

Сакари Пииппо тогда съездил с женой в Амстердам. Эту поездку организовали главы сельской общины. В программу входило и знакомство с голландскими животноводческими фермами. Им показывали маленьких обезьянок, кажется, они назывались «лори» или что-то вроде этого. Однако норки, по мнению Пииппо, были все-таки гораздо симпатичнее обезьян, которые все время охотятся за своими блохами. Норки очень грациозны, к тому же у них мягкая и блестящая шерстка. Внезапно ему в голову пришла замечательная мысль: если люди толпами идут смотреть на обезьян, то норки наверняка привлекут еще больше публики, ведь они красивее.

Пииппо стал развивать эту идею. Он побывал в зоопарке Яхтари, изучая поведение диких животных, и пришел к выводу, что одной только внешностью норки достаточное количество публики не привлекут.

Нужно что-то большее. А что, если научить норок делать различные трюки? И тут Пииппо понял, что ему в голову пришла совершенно оригинальная идея но-рочьего цирка. У него на ферме было полным-полно норок, пригодных для дрессировки. Но предстояло серьезно поработать.

Пииппо переселил полсотни норок с фермы на молотильню, где смастерил для них домики и кормушку и закрыл все проходы, чтобы норки не сбежали. Теперь зверьки могли свободно бегать по огромному залу, чем они сразу же и занялись. Они явно радовались свободе, играли, бегали вдоль стен молотильни и по балкам крыши. И выглядели гораздо забавнее, чем голландские обезьяны.

Потом Сакари Пииппо начал обучать животных цирковым трюкам: прыгать через кольца, танцевать под музыку и тому подобное. Пииппо за свою жизнь выдрессировал нескольких

овчарок и знал, что дрессировка-дело нелегкое, требующее ангельского терпения. Но собаки все-таки многому научились.

Пииппо просмотрел литературу, связанную с цирком, и убедился, что у бродячего норочьего цирка есть будущее: это будет успешный бизнес. В Финляндии все время проводились выставки змей, которые, вероятно, приносили владельцам большие доходы. Пииппо тоже случалось видеть этих омерзительных пресмыкающихся. А норки куда симпатичнее ленивых змей, которые вечно лежат, свернувшись клубком, на дне своей корзинки. Не то что подвижные норки: змеи никогда не смогут научиться таким затейливым трюкам. Фермер уже предвкушал успех, воображая себя директором норочьего цирка.

Пииппо планировал так: он будет ездить со своим цирком из города в город на обычном фермерском грузовике. Это обойдется недорого. Большим звериным циркам, например, приходится вкладывать огромные суммы в необходимое оборудование для перевозки слонов. Кроме того, корм для норок дешевле. Они за всю жизнь не съедят и сотой доли того, что ест слон. Да и мыть их не надо, как тех же слонов, — норки сами вылизут свою шерстку до блеска. Но на первом месте, конечно, был вопрос гуманности: зверьки не должны жить в тесных клетках. Путешествие даст им много возможностей, они увидят мир.

У защитников животных не могло быть претензий к новому способу использования милых пушных зверьков.

Пииппо уговорил жену стать норочьим импресарио. Он заказал ей в меховом ателье костюм для выступления: белые высокие сапожки, трусики танга, бюстгальтер и норковую мантию. На голову — отделанную мехом ковбойскую шляпу. Когда жена нарядилась в обновку, она сперва засмушалась. Наряд был, бесспорно, очень откровенный. Крестьянка превратилась в роскошную красавицу.

Сорьонен и Релонен попросили Пииппо показать им результаты работы, но директор цирка отказался. Он стал жаловаться: дрессировать норок оказалась гораздо труднее, чем собак. Норки — упрямые животные, не слушаются приказов дрессировщика и быстро забывают все, чему научились. Они — равнодушные существа; из-за этого и провалился его замечательный план.

Всё же Пииппо уговорили, и он повел самоубийц на молотильню, где почти полтора года дрессировал цирковых норок.

Директор цирка зажег свет в просторном помещении, которое казалось пустым. На полу у стены стояли клетки со спальными местами для непокорных циркачей. Кормушка располагалась в задней части молотильни. Сильно пахло мочой.

Пииппо скомандовал норкам выйти из убежища:

— В ряд становись!

Из-за клеток, сверху, кто откуда стали появляться недоверчивые мордочки. Пииппо продолжал командовать, и норки нехотя вылезли из убежищ. Они выстроились в круг, начали лениво кувыркаться, некоторые, более проворные, взбегали рысцой на верхний ярус и спускались оттуда, подражая танцорам. Пииппо взял камеру от старого велосипеда и приказал норкам прыгать через нее. Норки показывали дрессировщику острые зубки и

ни в какую не хотели исполнять приказ. Пииппо прикрикнул на них и стал уговаривать. С большой неохотой норки подошли к кольцу. В конце концов, штук пять послушались хозяина, разбежались и прыгнули. Причем некоторые — в другую сторону. Завязалась драка. Норки успокоились только тогда, когда Пииппо дал им рыбы. Еда им понравилась, все тут же подбежали к Пииппо, даже те, кто не сделал ни одного трюка.

Пииппо сокрушался, что ничего у него не вышло. Особенно плохо стало после ухода жены — тогда норки совсем заупрямились. Жена теперь выступала с двумя самыми способными зверьками в Пори и соседних городах — на базарах и торжественных открытиях магазинов. Она стала очень популярной. Успех приносили не столько норки, сколько очаровательный концертный костюм. Мужчины Похьялы толпами приходили посмотреть на госпожу Пииппо и ее норок. В конце концов жена нашла себе другого мужчину, дело шло к разводу. Она бросила норок и молотильню Пииппо и теперь жила в Лайтила с каким-то птицеводом. Говорят, что иногда она выступает перед лайтильским мужем в своих меховых танга. Вот такие слухи дошли до Пииппо.

Неудачливый директор цирка, наконец, понял, что зверьки никогда не станут цирковыми актерами. За полтора года усердной работы он погряз в долгах, заложил ферму, а результатов не было. На прошлой неделе он продал своих твердолобых учеников на соседскую ферму, но вскоре их и оттуда выгнали. Пииппо был гол как сокол, тосковал по пушистым зверькам и боялся ходить в деревню, потому что там всегда находились любители потреть языком о трудностях цирковой жизни.

Официант Сорьонен и Онни Релонен предложили Пииппо присоединиться к группе самоубийц. Их путь лежал на север, и Пииппо мог бы ненадолго забыть о неблагодарных зверьках. С легким сердцем Са-кари Пииппо собрал свои пожитки и сел в автобус.

Глава 19

Рано утром полковник Кемпайнен и проректор Пуу-сари прибыли в Ювяскюля. Полковник показал Хелене свое жилище — просторную квартиру в многоэтажке, в самом центре города. На полу в прихожей стояла сумка, набитая газетами и письмами. Кемпайнен отложил газеты в сторону, собрал письма, отнес их в гостиную и задумался: что с ними делать? Это были служебные письма, счета и реклама. Он, не распечатывая, выбросил письма в мусорное ведро.

Большая комната была обставлена в традиционном стиле: старомодная мебель, на стенах — картины с реалистическими пейзажами, повсюду маленькие статуэтки. В библиотеке много книг по военной истории, классической литературы гораздо меньше. На одной из стен — коллекция старых мечей. Полковник немного смутился и объяснил Хелене Пуусари, что он не сторонник войны и не испытывает страсти к холодному оружию, просто ему все время его дарили, вот и накопилось на целую стену.

Спальня полковника была окутана мраком: он не спал здесь с тех пор, как умерла жена. Он приготовил постель для гостя, а сам лег в большой комнате. Оба так устали, что сразу же заснули, ведь за сутки они проехали из Савонлинны через Карьялу в Котку, оттуда в Пори, а потом сюда, да еще по дороге два раза попали на похороны.

На следующий день полковник сообщил в службу энергоснабжения, что в его квартире можно отключать электричество. Позвонил в банк и сказал, что отправляется в долгое путешествие. Потом выключил телефон из розетки. Цветов в доме полковника не было,

поливать нечего. С собой он взял паспорт, сберкнижку, бинокль, парадную форму и блестящие кожаные офицерские сапоги.

Окна зашторили. Вот как легко человек покидает дом, в котором жил многие годы. К многоэтажке не привыкают, тем более офицеры. Квартире в каменном доме нужна хозяйка, только тогда она станет настоящим домом. Если женщина уходит или умирает, дом становится просто жилищем, дырой в никуда, о чем полковник и сказал Хелене.

— Ты все еще скучаешь по жене? — спросила проректор, пока они спускались в лифте.

— Конечно. Тююне умерла от рака три года назад. Первый год был самым тяжелым. Я даже завел собаку, но никакая собака, даже породистая, не заменит жену.

Когда они покидали Ювяскюля, было облачно. В Куопио уже шел дождь, а в Иисалми началась гроза. Там в автобус взяли еще одного местного самоубийцу — сорокалетнего Тенхо Утриайнена, железнодорожного служащего. В начале июня он вышел из тюрьмы, куда попал по обвинению в избиении начальника и поджоге. Утриайнен не хотел вдаваться в детали, жаловался, что стал жертвой судебной расправы. Его несправедливо обвинили в том, чего он не делал. Сговорились и взвалили на него чужие грехи.

Да, он не раз дрался с начальником и даже побеждал, но это была бессмысленная борьба: босс очень хитер. Он поджег собственный дом и обвинил в этом Утриайнена. Все имущество Утриайнена пошло на возмещение ущерба, и его приговорили к полутора годам тюремного заключения без права на обжалование. Желание жить понемногу пропадало.

Ночь провели в Кайаани. На следующий день прибыли в Куусамо. Госпожа Пуусари и полковник Кемпайнен растрогались, увидев во дворе отеля Куусамо знакомый автобус Корпелы. Им показалось, что они вернулись домой.

Встреча была радостной. Релонен рассказал, что в Похьянмаа и Оулу подобрали еще пятерых потенциальных самоубийц. Их представили полковнику и проректору. Трое мужчин и две женщины; Сакари Пи-иппо из Нярпио, остальные из Вааса, Сейнайоки, Оулу и Хаукипутаа. Жизнь для каждого из них потеряла смысл. Самая грустная история была у рабочего с завода в Оулу Веса Хейкуры. В тридцать пять лет он был уже стопроцентным инвалидом. Его легкие превратились в лохмотья из-за того, что прошлой зимой он надышался ядовитым газом во время ремонта. Врач сказал, что в лучшем случае Веса доживет до осени, а в худшем — умрет через несколько недель.

— Одному Богу известно, когда это случится. Поживем — увидим.

Представили и Утриайнена. Его кандидатуру одобрили единогласно. Если у кого и были основания покончить с собой, так это у несправедливо осужденного «поджигателя», оставшегося без копейки.

В Куусамо группа самоубийц пополнилась еще одним членом, продавцом машин Якко Лямся двадцати восьми лет. Его вышвырнули из общины староверов за связь с продавщицей из отдела одежды в кооперативе Куусамо. Она, видишь ли, разведенная, да еще и неверующая. После всего этого у автоторговца угасло и желание жить. С тех пор он не продал ни одной машины.

В городе Кемиярви к ним подсел пограничник Тайсто Рясейккойнен двадцати пяти лет. Он уже несколько лет страдал галлюцинациями и манией преследования, причем подозревал в шпионаже иностранные государства и страшно мучился.

В городке Киттиля автобус Корпелы остановился в местечке Алакюля, чтобы взять на борт последнего самоубийцу, крестьянина Алвари Курккиовуопио. Это был сорокалетний холостяк, всю жизнь проживший вместе со своей тетей Лемпи. Тетушка воспитывала мальчика в диктаторском режиме. Результат — взрослый мужчина, до сих пор плясавший под тетину дудку. Мятежные настроения, равно как и личное мнение, не допускались, не говоря уже о самостоятельных поступках. Тетя взвалила на Алвари всю тяжелую работу, и благодаря этому их ферма стала самой зажиточной в деревне. Лишь дважды Алвари удалось отдохнуть от теткиной тирании. В первый раз-двадцать лет назад, когда Алвари служил в армии в Оулу. Во второй раз — этим летом, когда он посетил семинар в «Певчих».

Такому человеку обязательно надо было помочь.

Когда Корпела спросил дорогу к Алвари, деревенские жители рассказали, что в доме Курккиовуопио на прошлой неделе были пышные похороны... Самоубийцы с тяжелым сердцем поехали туда — и к всеобщему удивлению обнаружили живого и здорового Алвари. Оказалась, что умерла его жестокосердная тетя Лемпи.

Алвари не был похож на человека, убитого горем. Лицо его сияло, он казался спокойным и уравновешенным. Он теперь свободен, и денег предостаточно. Будущее рисовалось ему обеспеченным и манящим. Мыслей о самоубийстве больше не возникало. В данном случае смерть одного человека означала жизнь для другого.

Ему пожелали удачи и оставили в Алакюля наслаждаться трауром.

Полковник Кемпайнен попросил Релонена немного повести машину. Он хотел проехать в автобусе вместе с остальной компанией. Проректор Пуусари тоже пересела в автобус, а Релонену составил компанию автоторговец Якко Лямся. Они оба — бизнесмены, им будет о чем поговорить.

Корпела прикинул, что, если отправиться в путь немедленно, заночевать можно будет уже в Норвегии. Так и сделали. Серая мгlistая Лапландия пролетала за окнами автобуса. Олени стояли у дороги, равнодушно глядя на проезжавших. На полях попадались избитые дождем сушилки для сена.

Проректор Пуусари задумчиво сказала, что их поездка напоминает роман Пенти Хаанпээ «Зимний турист». Там тоже большая компания едет на машинах на север.

— То путешествие было ужасно мрачным. Может быть, из-за страшного мороза. Впрочем, Хаанпээ вообще пишет довольно мрачно, — говорила проректор.

С задней площадки автобуса кто-то крикнул, что «Зимний турист» написал вовсе не Хаанпээ, а Илмари Кианто.

Разгорелся спор, но к единому мнению так и не пришли. Зато все были согласны с тем, что «Зимний турист» не реалистический роман. В такой ужасный мороз (в книге он очень выразительно описан) ни один дурак не поехал бы на север.^[15]

В мотеле города Палластунтури перекусили жареной олениной и заодно пересчитали членов группы. Их оказалось 33 человека. Заплатив по счету, полковник вздохнул: вот и съедено последнее жаркое. Скоро членам этой экспедиции уже не понадобится ни жарить оленину, ни собирать морошку.

Когда уезжали из Палластунтури, небо затянули тяжелые тучи. Внизу, в лесу, переждали страшную грозу. На подъезде к деревушке Рааттама гроза разразилась пуще прежнего. Корпеле пришлось остановиться: дождь лил стеной, и дворники не успевали очищать стекло.

На дорогу им навстречу выскочил огромный, насквозь промокший олень. Он налетел на автобус, не заметив его за стеной дождя. Олень испуганно замычал и исчез, помахивая мокрым хвостиком.

Гроза преследовала путешественников. С неумолимым неистовством она гремела над ними от Палластунтури до Эннонттекио и до самой норвежской границы. Грозовой фронт двигался вместе с самоубийцами. Всем стало не по себе. Казалось, сама природа решила проводить компанию в последний путь. Недалеко от пограничной станции молния сверкнула так близко, что в автобусе на мгновение погас свет и умолкло радио.

Корпела сменил предохранители и двинулся к границе. Дорога была вся в лужах, сверху лежал белый слой градин.

Уула Лисманки сказал, что у него на границе работает знакомый, некий Топи Олликайнен. Именно он и стоял под дождем у шлагбаума и делал туристическому автобусу знаки проезжать. Уула попросил Кор-пелу подъехать к главному входу, вышел на ступеньки и весело помахал Олликайнену:

— Топи! Внимательно читай газеты и слушай новости по радио, скоро рванет! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Глава 20

Наступил вечер. Гроза осталась за спиной, в Финляндии. Автобус ехал мимо Каутокейно в направлении Северного Ледовитого океана. Здесь, в Норвегии, светило солнце и, хотя была уже почти полночь, оно не заходило. Сорьонен объяснил это так: в Лапландии солнце не заходит, потому что ему некуда заходить-у лапландцев нет своей территории. Зимой, конечно, солнце уходит за горизонт, но тогда земля покрыта снегом и льдом.

Корпела спросил у пассажиров, торопится ли кто-нибудь умереть настолько, чтобы прямо сейчас ехать к назначенному месту. Водитель устал, он без остановки проехал сотни километров от самого Куусамо и хотел бы проспать последнюю светлую ночь на этом пустынном взгорье.

Никто из самоубийц не возражал. Смерть никуда не уйдет.

Автобус остановился на высоком берегу озера.

Уула развел костер, приготовили вечерний кофе. На пустынном берегу поставили палатку. Из озера выпрыгнул таймень, по спокойной воде мирно разошлись круги.

При свете раскаленного докрасна ночного солнца завязался разговор об отечестве, которое они оставили позади. По Финляндии скучали несильно, больше вспоминали детство.

Поговорив, пришли к выводу, что финское общество крепко как железо, а Финляндия — слишком холодное государство, чтобы там жить. Финны относятся друг к другу жестоко и завистливо. Скупость — их общая черта, деньги безнадежно и страстно влекут их к себе. Финны недоброжелательны и мрачны. Если они и смеются, то их веселье имеет характер злорадства. Много в Финляндии предателей, шулеров, обманщиков. Богатые притесняют бедных, заставляют их платить целое состояние за аренду, душат огромными процентами. Бедняки бунтуют и ломают имущество, да и детей воспитывают не лучшим образом: они гроза всей страны, портят дома и вещи, поезда и машины. Бьют вдребезги окна, блюют и справляют нужду в лифтах.

В отместку за это господа из государственных органов Финляндии придумали новые законы для воспитания народа, заставляя людей бегать из одной инстанции в другую. Предприниматели и оптовики обдирают бедных как липку. Спекулянты строят самые дорогие в мире дома. Если ты болеешь, надменные врачи относятся к тебе как к старой кляче, которую пора вести на убой. Если не выдержишь всего этого и получаешь нервный срыв, медсестры психиатрической больницы принудительно облачают тебя в смирительную рубашку и накачивают твои вены лекарствами, которые затуманивают мозги.

На их бедной родине промышленность и лесовладельцы безжалостно губят природу. С небес льется терпкая кислота, которая становится для земли смертельным ядом. Фермеры так обильно посыпают свои поля удобрениями, что реки, озера и проливы зарастают ядовитыми водорослями. Грязь из заводских труб и мусоропроводов попадает в организмы людей и в сточные воды. Рыба умирает, из яиц вылупляются жалкие, не сформировавшиеся птенцы. По дорогам как сумасшедшие гоняют дети богатеньких родителей, после чего кладбища и реанимационные отделения больниц пополняются несчастными жертвами.

На заводах и в офисах людей заставляют работать наравне с машинами, а когда человек устает, его просто выбрасывают на улицу. Начальство требует от служащих полной отдачи, унижает и оскорбляет своих подчиненных. Над женщинами издеваются еще хуже: всегда найдется озорник, считающий себя вправе ущипнуть их за зад, который и без того страдает от целлюлита. На мужчин взваливают постоянный груз ответственности, от которого не удастся избавиться даже на время короткого отпуска. Жестокие коллеги следят друг за другом и готовы заклевать слабого, довести до нервного срыва и даже до самоубийства.

Если пьешь, начинают отказывать печень и поджелудочная. Если хорошо поел, уровень холестерина в крови повышается. Курение провоцирует рак легких.

Кто-то бегал трусцой и от перенапряжения упал парализованный прямо на дорожке. А если не бегать-растолстеешь, станут болеть суставы и начнутся проблемы со спиной, а закончится все смертью от сердечной недостаточности.

Во время этого разговора самоубийцам стало казаться, что им все-таки больше повезло, чем другим финнам, которые вынуждены влачить жалкое существование на своей несчастной родине. Это наблюдение развеселило их, впервые за долгое время.

В каждой компании найдется тот, кто испортит другим все веселье. В данном случае это оказался официант Сеппо Сорьонен. Его воспоминания о родине оказались исключительно позитивными. Он привел в пример финскую сауну. По мнению Сорьонена, само существование сауны предполагало, что ни один финн не вправе ни при каких обстоятельствах совершать самоубийство, по крайней мере, хорошенько не попарившись.

Нежным вкрадчивым голосом Сорьонен стал рассказывать о севернокарельской сауне «по-черному». Там он провел самые прекрасные мгновения своей жизни. Та сауна была обычной маленькой постройкой из струганых бревен. Он парился там с отцом и матерью: сауну топили всей семьей, отец наколот дров из ольшаника, который срубили прошлым летом, мать смела пыль с полок, испекла пирожки, а Сеппо поручили таскать воду. Отец был слегка выпивши, и мать, как обычно, ворчала. Сороки из-за мусорной кучи смотрели, склонив головы, на крышу сауны, откуда валил густой ольховый дым и превращался в облака. Его аромат Сорьонен помнил до сих пор.

На полке в темной комнате между отцом и матерью сидел, задрав голову высоко вверх, маленький мальчик. Он сидел молча, горячий пар ласкал его тело. Мальчику разрешалось самому плеснуть воды на камни. Отец сказал, что уже хватит, и мать его поддержала-мол, не переусердствуй, Сеппо...

Отец смотрел на большие отвисшие груди матери с каким-то застывшим выражением, и Сеппо смутно догадывался о некоей тайне, существующей между ними, которую ему пока не дано понять. Мать дала Сеппо веник и попросила, чтобы он немного похлестал ей спину, только не очень сильно.

— Да не бей так, сынка!

Мать была родом из Уура, отец-водитель из По-хьянмаа.

После первого пара Сеппо выбежал на берег озера и нырнул, хотя еще не умел плавать. Отец дрессировал собаку, мать на мостках полоскала розовое белье. После этого надо было сразу же возвращаться в парилку, и теперь уж отец начал париться по-настоящему. Горячий воздух проникал во все уголки сауны, но Сеппо не спешил спускаться, хотя мать уже приготовила таз с водой для мытья.

— Не забудь вымыть свой краник, — говорила мать, уходя.

Вместе с отцом они еще несколько раз поддавали пару и только после этого, как взрослые мужчины, пошли по лужайке через двор к избе, где разливался аромат только что испеченных пирогов.

Мать налила Сеппо полный стакан молока, а перед отцом стоял пустой стакан. Запах льняных полотенец витал над отцом и сыном, мальчик завернулся в полотенце с головой, а из-под отцовского мать вытащила бутылку водки, ту самую, из которой он уже отхлебнул в дровяном сарае. Мать налила ему немного в стакан и унесла бутылку. Посмеялись, и Сеппо все понял.

Сеппо со стаканом молока и пирогом вышел на улицу. Стоя на лестнице, он пил молоко, закусывал пирогом и смотрел на озеро.

Разбередив всем душу воспоминаниями о сауне, официант Сорьонен признался, что в жизни ему доводилось еще и стихи писать. Он прочел несколько строк. Они тоже звучали вполне жизнерадостно.

— Испортил нам все грустное настроение, — решили все.

Разговор понемногу угас. Каждый думал о своей судьбе, о будущем. Полковник задернул дверь в палатку и улегся спать головой к выходу. Солдаты как собаки: они охраняют по привычке, даже если в этом нет необходимости. В полусне полковник все-таки заметил, что проректор Пуусари устроилась рядом с ним.

Глава 21

Старший сыщик охранной полиции Эрмей Ранккала нехотя листал альбом, в который старательно заносил сведения о самом значительном происшествии за все лето. Из-за этого запутанного дела ему пришлось отложить отпуск. И сейчас, знойным вечером, он сидел в старенькой канцелярии на улице Ратакату и думал о том, что работа не приносит ему радости. Это дело тоже было неприятное, мрачное, таинственное, трудное. Эрмею Ранккале было почти шестьдесят. Он был сыт по горло неблагодарной работой в тайной полиции. Эта организация не пользовалась уважением. Враждебно настроенный народ и особенно СМИ делали все, чтобы обесценить важную и необходимую работу детективов. Кто угодно мог тиснуть в газете бесстыжие байки, а разбираться со всем этим мусором в обязанности секретной полиции не входило. Когда работа секретная, о ней распространяется ложная информация, и из-за того, что она секретная, ошибки устранить нельзя. Этот парадокс не укладывался в голове у сыщика Эрмея Ранккалы. Сам себе он казался невидимой рукой-защитницей, простирающейся над всей нацией, но неблагодарный народ кусает эту руку, не зная своего благодетеля.

Эрмей Ранккала цинично рассмеялся. Народ публично делает глупости, пагубные последствия которых приходится скрывать. Секретная полиция может быть общественной, но не публичной.

То, чем он сейчас занимался, поначалу казалось обычной сплетней. На рабочем столе Эрмея Ранккалы оказалась вырезка из газеты, в которой речь шла о людях, замышляющих самоубийство. Он начал выяснять подробности дела. Вообще-то самоубийства не входили в сферу деятельности секретной полиции, но подобная массовая акция требовала внимания. Старший сыщик без труда выяснил, что за объявлением в газете стоит известный своими банкротствами бизнесмен Онни Релонен. За ним следили от почтового отделения до домика в Хяме. Выяснилось, что он намеревался организовать в Хельсинки тайное собрание. К делу подключился еще какой-то полковник.

Ранккала послал своих людей на собрание в «Певчих». Ожидали, что оно выльется в более масштабное событие, но случилось странное: главным итогом оказался терапевтический эффект. Безопасности нации семинар самоубийц, стало быть, напрямую не угрожал. Дело застопорилось, когда после собрания никто не умер. У сыщика возникли смутные подозрения. Потом произошел несчастный случай в резиденции посла Южного Йемена, и Эрмею стало еще интереснее. Дело явно было связано с отношениями между Финляндией и иностранными государствами, а это уже сфера интересов секретной полиции. Кто знает, может эта толпа не так уж безобидна, как кажется.

Секретная полиция выяснила, что группой руководят полковник Кемпайнен и вышеупомянутый бизнесмен Релонен, в руководящую группу завербовали также некую

молодую женщину, проректора Хелену Пуусари из Тояла. Деятельность группы быстро распространялась на все государство. Они собрали с самоубийц значительную сумму денег и заполучили новый дорогой автобус. Ясно, что группа скоро оторвется от преследователей и ее след затеряется. Главной их целью, очевидно, было совершение массового самоубийства.

Секретная полиция потеряла след в доме Релонена, когда был наложен запрет на продажу имущества. На следующий день старший сыщик Ранккала посетил дом в Хумалаярви вместе с инспектором по делу, чтобы арестовать Релонена. Но дом был пуст, лишь во дворе дымился пепел от сожженного шалаша.

След мог бы оборваться, если бы некий электрик из Савонлинны по фамилии Таавитсайнен не заявил в полицию о похищении жены.

Таавитсайнен сперва пытался ограничиться местной полицией, но те утверждали, что его жена совершенно правильно сделала, уехав от него. После проверки выяснилось, что упомянутая госпожа Таавитсайнен принимала участие в семинаре самоубийц в Хельсинки. Прежде чем секретная полиция успела напасть на след группы кочевников-самоубийц, те уже сбежали из Савонлинны.

В следующий раз автобус видели в Котке. Самоубийцы оказались настолько дерзкими, что даже появились на похоронах своего погибшего товарища. Старший сыщик Ранккала ругал себя за то, что тогда же не установил за ними слежку. Но теперь было поздно, автобус снова ехал своей дорогой.

У Ранккалы возникли серьезные опасения, что подозрительная организация собирается покинуть страну. Каковы их подлинные цели, оставалось только гадать. Если группа планирует массовое самоубийство, тогда дело плохо. В законе, конечно, нет пока статьи, предусматривающей наказание за самоубийство или попытку самоубийства, но за масштабной деятельностью этой группы могло стоять что-то более серьезное. После совещания с начальником Ранккала и инспектор Хунттинен попросили содействия у таможи. На все пункты пересечения границы направили просьбу проверять новые автобусы, выезжающие из страны, особенно те, пассажиры которых кажутся более мрачными, чем обычно.

Получили новые данные о полковнике Кемпай-нене. После собрания в «Певчих» он посетил главный штаб и повидался с друзьями. Это весьма подозрительно. Кроме того, готовясь к отпуску, он приказал отключить в своем доме в Ювяскюля электричество. Здесь явно замышлялось нечто грандиозное. А вот что именно, Ранккале предстояло выяснить.

Для начала сыщику пришлось попотеть, устанавливая владельца и номер автобуса. По словам очевидцев, это был совсем новенький автобус, какие обычно используют для заказных поездок класса люкс. На корзиночной фабрике ему помогли выйти на жителя Пори, автовладельца Корпелу, который несколько дней назад исчез вместе со своим автобусом. Ранккала послал детектива в Пори, чтобы тот следил за депо Корпелы, и не зря: автобус ненадолго заскочил в родные пенаты, но даже не остановился, продолжил путь на север. В распоряжении сыщика секретной полиции была только старенькая «Лада». Автобус Корпелы оставил преследователя далеко позади, как только съехал с главной трассы. В Нярпио автобус окончательно исчез из вида.

А тем временем в разных частях страны пропадали люди. Последним пришло сообщение о некоем пограничнике, офицере Рясейкконене из Кемиярви. Ранккала задумался: неужели кроме иностранных и военно-политических элементов здесь замешаны и пограничные службы?

Старший сыщик Эрмей Ранккала начинал все больше ненавидеть эту путаницу и жалел, что в свое время не выбросил газетное объявление, из-за которого все и завертелось. Он уже стар, и ему трудно разбираться в таких сложных делах. Но в секретной полиции не хватало служащих, молодые детективы чаще всего невнимательны. Зарплаты низкие, снаряжение старое и негодное.

Одним из самых грустных в истории секретной полиции было так называемое дело о тайном складе оружия. Сначала казалось, что это пустяк, но мало-помалу дело коснулось национальной независимости и осложнилось чередой трагических событий. На расследование этого дела на политическом и юридическом уровнях ушли годы. И теперь старший сыщик Эрмей Ранккала боялся, что в его руки снова попало дело такого же масштаба, но еще более запутанное.

Сыщик взглянул на часы. Уже начался обеденный перерыв. Ранккалу мучила изжога, наверное, выпил слишком много кофе. Он отложил альбом в сторону и вышел. Солнце все еще пекло по-летнему. Старший сыщик шел по улице Ратакату к торговой площади. Он купил помидор, протер его подолом куртки от пыли и откусил большой кусок. Мякоть брызнула на галстук. Как всегда! Ничего не выходит, как ни старайся. Старший сыщик Ранккала растоптал красную массу о камни мостовой и подошел к берегу грязного пруда. Ему пришла в голову мысль прыгнуть в эту воду и утопиться.

Глава 22

Утром самоубийцы прибыли в Алаттио. Сухопутный капитан Микко Хейкинен был твердо уверен, что такое важное и необратимое решение, как самоубийство, не следовало принимать на трезвую голову, без лучшей советчицы — водки. Полковник не возражал: один день уже ничего не решает. Жить им оставалось лишь короткий отрезок времени длиной в сутки.

Капитан Хейкинен нашел за углом какого-то здания лоток Винмонополии и занялся покупками. Он попросил продать ему 33 бутылки водки. Продавцы удалились в заднюю комнату. Они, конечно, привыкли к тому, что финские туристы падки на спиртное, но этот старик, конечно, вне конкуренции. Спросили у директора магазина, можно ли выдать одному алкоголику 33 бутылки водки. Директор сам пошел взглянуть на сухопутного капитана Хейкинена. Увидев, что финн — профессиональный пьяница, он дал разрешение на покупку и даже порекомендовал кое-какие норвежские ликеры.

Хейкинен взял и их. Всего получилось 45 бутылок. Полковник Кемпайнен пришел, чтобы заплатить и помочь отнести бутылки в автобус. Он полагал, что хватило бы и меньшего количества, но Хейкинен обосновал свою позицию тем, что человек умирает лишь раз в жизни.

Раздобыли и провизию, но только на один раз. Решили, что больше не нужно, ведь они уже приближались к концу своего путешествия.

Уула Лисманки захотел еще купить полкубометра сухих березовых поленьев. Странная покупка вызвала недоумение, но Уула объяснил, что сам-то он не собирается

сопровождать самоубийц до конца. Он лучше останется здесь вместе с агрессивным оптимистом Сеппо Сорьоненом и будет смотреть, как автобус сорвется с обрыва Нордкап и полетит в волны Северного Ледовитого океана. А дрова Ууле нужны для того, чтобы не замерзнуть на ветреных скалах. Местность настолько пустынна, что здесь не растут даже карликовые березы.

Уула спросил у местных жителей, где можно купить дрова, желательно уже распиленные. Ему посоветовали сходить в один домик на краю города — там обычно торгуют сухими дровами для камина. Уула купил поленья и сложил их в багажное отделение автобуса Корпелы.

Из Алаттио поехали на северо-восток, к горному кряжу. Впереди мчался автобус, местная развалюха, которую флагман Корпелы без труда обогнал. В зеркало Корпела увидел, что автобус движется по маршруту между Алаттио и Хаммерфестом. Корпела вдруг подумал, что новехонький «Джамбо Стар» — слишком дорогая игрушка для гибели в волнах Северного Ледовитого океана. Им вполне сгодилась бы и машина похуже, вроде той, которую Корпела только что обогнал. Может, сделать последнее доброе дело и обменять свой автобус-люкс на местную развалюху, чтобы принести огромную пользу норвежской экономике? Корпела в микрофон спросил совета у самоубийц. Они тоже считали, что совершать массовое самоубийство на таком великолепном автобусе — непозволительная роскошь, и охотно согласились умереть на менее шикарной машине.

Корпела прижал к краю дороги трясущийся позади местный автобус, спросил, говорит ли кто-нибудь из самоубийц по-норвежски. Переводить вызвалась жительница Хельсинки госпожа Аулиikki Грандштедт пятидесяти пяти лет. Она считала себя великосветской дамой и всю дорогу провела в раздумьях, но сейчас, когда понадобилось ее знание языка, очнулась. Корпела и Грандштедт отправились заключать сделку с водителем хаммерфестского автобуса.

Норвежский шофер поначалу злился на Корпелу за то, что тот так дерзко прижал его к обочине, но прекратил упреки, услышав заманчивое предложение. Поменяться автобусами посреди дороги? Этот финский водитель совсем, что ли, с ума сошел? Норвежец заявил, что у него нет времени шутки шутить, по расписанию он должен попасть в Хаммерфест к вечеру. Пассажиров в автобусе было десятка полтора, и большинство боялось не успеть на паром в Хуртигрутен.

Корпела попытался объяснить шоферу, что сейчас тот может совершить самую выгодную сделку в его жизни. Он окажется за баранкой шикарного туристического автобуса без всякой доплаты. Документы на машину в порядке, автобус оплачен без кредита. Неужели он не понимает, что ему представляется уникальная возможность разбогатеть прямо здесь, на трассе?

Мысль о внезапном обогащении никак не укладывалась у шофера в голове. Корпела предложил норвежцу осмотреть автобус. Заинтересованные пассажиры тоже отправились на экскурсию, после чего сочли сделку выгодной и стали злиться на нелепую трусость своего водителя. В кои-то веки предлагают удачный обмен — лови момент! Но местные жители хорошо знали своего водителя и только проклинали его глупость и бюрократизм.

Норвежец разозлился и заупрямился пуще прежнего. Он говорил, что никто не заключает сделки посреди тундры, что автобус ему не принадлежит, он собственность государства, и передавать его кому-либо он не имеет права, даже в обмен на первоклассную машину.

Между водителем и пассажирами разгорелся спор. Норвежцы хотели получить новый автобус на маршруте Алаттио — Хаммерфест, но остолоп-водитель никак не соглашался на сделку. Он только твердил про жесткое расписание и государственную собственность. Полный болван, решили все. В конце концов Корпеле все это надоело, и он взял назад свое царское предложение.

Они с переводчицей сели в свой автобус и скрылись из виду. Упрямый водитель местного автобуса молча поплелся в Хаммерфест согласно расписанию. Пассажиры всю дорогу его ругали.

После неполного часа яростной езды дорога резко повернула к океану. Подъезжали к фьорду Порсан-гин. По мере того как автобус продвигался вперед, у пассажиров стало пропадать желание общаться. При виде темно-серой волнистой поверхности океана самоубийцы окончательно потеряли дар речи. Итак, эта мертвая зыбь, по которой друг за другом катятся волны, станет их могилой, как только они въедут в устье фьорда и оттуда через десять миль морского пути — на остров Магерёюн, в северной части которого голый мыс Нордкап выдается в холодный океан.

Последний путь обрывался слишком быстро. Казалось, Нордкап сам движется навстречу автобусу, короткий миг на пароме — и они снова очутились на твердой земле. Корпела не мешкал, гнал без остановки из Хённингсвога к Нордкапу. На самый северный скалистый обрыв прибыли поздно вечером.

Корпела остановил автобус в километре от острия мыса Нордкап и приказал Ууле Лисманки и Сеп-по Сорьонену забрать свои вещи, дрова и попрощаться со всеми. Это было подходящее место для лагеря. Можно подойти к краю обрыва и посмотреть, как Корпела разгонит автобус и поведет его через предохранительные перила прямо в море.

— Да, была бы сейчас видеочка, получился бы замечательный фильм! — сожалел Уула Лисманки, выбрасывая вместе с Сорьоненом дрова из автобуса на землю тундры. Провизии для двоих было достаточно.

— А водка? Может, ее не стоит топить в океане? — спросил Уула. И правда, из более чем сорока бутылок, которые добыл сухопутный капитан Хейкинен, почти ничего не выпили. Сам же он успел опустошить бутылочку и принял было за вторую. Полковник согласился, что не стоит выбрасывать все запасы вина, и выгрузил бутылки в вересковые заросли на попечение Уулы. Глаза оленевода одобрительно заблестели.

К месту стоянки подъехали Релонен и автоторговец Лямся на машине полковника. Кемпайнен попросил передать Сорьонену ключи от машины. Он считал, что глупо разбивать две машины, раз все смертники помещаются в одну. Он сказал Релонену и Лямсе, что пришло время садиться в автобус. Мужчины медленно поднялись в салон.

Корпела завел автобус. Мощный мотор судьбоносно заворчал. Впереди открывалась узкая дорожка, которая шла по плоскому скалистому нагорью к самому мысу Нордкап. Они находились на высоте трехсот метров над уровнем моря.

Самоубийцы сидели на своих местах в безмолвном оцепенении. Наступил решающий момент. Некоторые закрыли глаза, другие обхватили голову руками. Лишь Хейкиненпил водку.

Уула Лисманки и Сеппо Сорьонен пустились трусцой рядом с автобусом к острию мыса. Им не терпелось увидеть последний полет своих друзей. «Такое не каждый день увидишь», — пыхтел Уула на бегу.

Полковник подошел к Корпеле и спросил его, может ли он теперь, когда миг смерти близок, открыть причину своего самоубийства. Корпела внимательно посмотрел в глаза полковнику и произнес:

— Мы, жители Пори, не любим болтать о личных делах... так что оставим это.

Два героя, трусивших следом, уже порядочно отстали. Корпела повернулся, взглянул на своих спутников и объявил в микрофон, что пришло время отправляться.

— Ну, прощайте, и спасибо за все. Я выжму из машины столько оборотов, сколько нужно, чтобы оторваться от земли. Крепко держитесь за сиденья, на краю обрыва наверняка тряханет. А потом мы полминуты пролетим по воздуху. Конец знаете.

Потом микрофон взял полковник и поблагодарил самоубийцу за удачное путешествие. Ему захотелось процитировать известный приказ главнокомандующего Маннергейма: «Мы воевали на многих фронтах, но никогда раньше не видели таких борцов за жизнь, как самоубийцы». Но полковник промолчал. В минуту смерти не до красивых фраз.

— Напоследок я бы хотел еще раз подчеркнуть, что никто из вас не обязан идти с нами на смерть. Прошу каждого из вас, друзья, еще раз спокойно подумать о своей судьбе. Дверь автобуса открыта, и вы можете спокойно уйти. Снаружи жизнь продолжается.

Повисла напряженная тишина. Самоубийцы смущенно посматривали друг на друга. Кое-кому явно хотелось выйти из автобуса и остаться в живых. Но никто не встал со своего места, все остались сидеть.

Полковник сел рядом с госпожой Пуусари. Проректор сжала его руку. Она смотрела в окно на расстилающееся вдали море. На расстоянии километра от края обрыва под порывами ветра сгибались фигуры Уулы Лисманки и Сеппо Сорьонена. Уула махал рукой.

Автовладелец Корпела вдавил педаль газа и включил ручной тормоз. Он разогнался. Мотор набирал обороты, стрелка зашла на красное поле. Корпела медленно отпуская сцепление. Автобус задрожал, как тяжело нагруженный бомбардировщик, что разгоняется на взлетно-посадочной полосе, готовый к полету.

Корпела отпустил сцепление и тормоза. Закрутились колеса. Автобус-люкс отправлялся в последний путь.

Стрелка спидометра отклонилась вправо, обрыв приближался с ужасающей быстротой. Корпела просигнализировал, весь Нордкап загремел и загрохотал, черные клубы выхлопного газа разлетались по ветру. Машина мчалась быстро, как никогда. Ледяная могила океана ждала их.

И тут в верхней части кабины зажглась красная лампочка, раздались несколько тревожных сигналов. Жаждающие жизни руки потянулись к кнопке аварийной остановки. Корпела надавил на тормоза: автобус резко накренился, пассажиры слетели со своих сидений, колеса задымили. Океан приближался, изумленные фигуры Лисманки и Сорьонена

промчались мимо. Впереди были стальные перила. На краю обрыва Корпела изо всех сил вывернул баранку и в последнее мгновение развернул машину обратно на дорогу. Автобус угрожающе взвился, как корабль в борьбе против бурного моря, в окнах промелькнул поджидавший их убийца-океан. Еще сто метров автобус по инерции проковылял вдоль края обрыва, потом остановился. В нутре автобуса все шипело и бурлило. Из двигателя пошел пар — вода в машине закипела.

Корпела обернулся, чтобы посмотреть, что делается в салоне: тридцать человек сидели в оцепенении с белыми от ужаса лицами.

Глава 23

Самоубийцы выскочили из автобуса, вытирая со лба пот смертельного ужаса. Корпела выключил двигатель и вышел последним. Уула Лисманки и Сеппо Сорьонен устремились к автобусу. Уула не скрывал разочарования: так неистово начатое массовое самоубийство было так нелепо прервано. Весельчак Сорьонен, напротив, был глубоко растроган тем, что все обернулось столь жизнеутверждающим образом. Он поздравлял выживших, обнимал всех по очереди, хлопал по плечам и неподдельно плакал.

Уула Лисманки спросил, что там испортилось.

О том же спрашивал и Корпела. Кто нажал на кнопку аварийной остановки? Что все это значит? Ему пришлось в последний момент затормозить. Корпела сказал, что он уже достаточно стар и не понимает таких игр. Раз решили умирать, надо умирать. А если кто-то не хочет с ними ехать, пусть остается.

— Заставлять новый автобус так дергаться! — ворчал Корпела и раздраженно пинал переднее колесо.

Все молчали. С моря дул холодный ветер. Неутомимое солнце безлунной ночи красным шаром лежало на северном горизонте, окрашивая своим сиянием поверхность моря в кроваво-красный цвет. Тяжелые волны с жутким грохотом разбивались об отвесные скалы. Красноклювые птицы ссорились с наглыми морскими чайками. Изредка на толпу самоубийц сыпался птичий помет.

Корпела заявил, что не собирается всю ночь стоять на краю обрыва. Он сел в автобус и приказал пассажирам занять свои места. Попробуем еще раз.

Люди молча заходили в автобус. Уула Лисманки спросил, будет ли на этот раз все по-настоящему? Стоит ли опять идти на смотровую площадку, чтобы наблюдать за их падением в море?

Тут слово взял полковник. Он говорил в микрофон серьезно и рассудительно. Он сказал, что сам видел, как человек десять или пятнадцать нажали на кнопки аварийной остановки в самый ответственный момент. Более того, он и сам участвовал в этом.

Корпела спросил, какого дьявола тогда народ набивался в автобус, если о смерти речь не шла. Полковник объяснил, что пошел на риск исключительно из терапевтических соображений. Вкус смерти усиливает жажду жизни, это старая истина.

— А что бы ты сказал, если б я не успел затормозить? Лежали бы мы сейчас на дне океана, кормили бы треску, — проворчал Корпела.

— Иногда надо рисковать, — повторил полковник. Он предложил на этом самоубийственном пике и остановиться. Испытание было слишком серьезным. Всем надо отдохнуть, привести свои мысли в порядок. Он приказал группе возвратиться к палатке и вещам, которые оставили Ууле, и строить лагерь. Можно открыть какую-нибудь бутылочку из тех, что купили в Алаттио, и переждать ночь. Утром сделаем второй и последний бросок.

Предложение приняли единогласно. Вернулись на то место, откуда недавно уходили на смерть. Там из дров Уулы разожгли костер. Женщины сделали бутерброды. Решили не спать всю ночь. Бутылки, подаренные Лисманки и Сорьонену, отобрали и раздали всем. В лагере царило чувство облегчения. Люди были счастливы, как будто заново родились. Оптимист Сорьо-нен развлекал всех забавными историями, которые настраивали самоубийц на жизнеутверждающий лад.

Уула вспомнил, что на краю обрыва видел двух немцев и одного финна, которые в бинокль наблюдали за птицами как раз в тот момент, когда автобус Кор-пелы должен был броситься в море. Заинтригованные, они подошли послушать, о чем говорят самоубийцы. Финн переводил немцам, те молча кивали головами.

К всеобщей радости, больше к их делу интереса никто не проявил. А немцы и так всегда удивляются тому, что делают финны, Ууле не о чем беспокоиться.

Корпела проснулся рано утром и пошел заводить мотор. Пришло время совершить последнюю попытку.

Автобус смерти ревел на дороге рядом с палаткой. Корпела из открытого окна крикнул палаточни-кам, что пора вставать и садиться в автобус. На сей раз он не затормозит, даже если все нажмут на кнопки.

Из палатки не слышалось ни звука, наружу никто не вылезал. Наверное, спят крепко. Корпела выключил двигатель и пошел поднимать самоубийц в последний поход.

В палатке раздавался подозрительно сильный храп. Люди спали так крепко, как будто бодрствовали несколько недель напролет. Когда Корпела дернул за ногу одного из храпящих, тот лишь промычал что-то нечленораздельное, перевернулся на другой бок и продолжал крепко спать. Проректор Пуусари и госпожа Грандштедт храпели так, что дрожала палатка.

Корпела заорал: «Подъем!» Оказалось, что у него вполне командный голос. Самоубийцы аж подпрыгнули от испуга, но по лицам было видно, что они спали по-собачьи чутким сном. Им явно не хотелось лезть в автобус смерти. Страсть к самоуничтожению утихла еще вчера. Ей на смену пришла жажда жизни.

Самоубийцы неохотно выползали наружу, но никто не садился в автобус, поджидавший их на дороге. Вместо этого принялись готовить завтрак. Сухопутный капитан Микко Хейкинен вскрыл бутылочку вина и принял утреннюю дозу. Он жаловался на похмелье. Остальные страдали тем же недугом, но довольствовались утренним чаем.

После двух рюмочек Хейкинен снова повеселел и заговорил о самоубийстве. Он считал, что это дело можно пока отложить, чтобы успеть выпить еще порядочное количество вина. Хейкинен утверждал, что за время поездки забыл уже о своих печалях и о ржавом корабле. А покончить с собой он всегда успеет.

О том же думали и многие другие. Инженер Ярл Хаутала сказал, что поддерживал идею массового самоубийства потому, что ее решили осуществить тогда, на семинаре в «Певчих». Он добавил, что получил огромное удовольствие от путешествия: от поездки по родной стране и чувства сопричастности общей идее. Даже похороны, в которых им довелось участвовать, и те были прекрасны. А особенно воодушевляющей оказалась поездка на север.

— Но теперь, когда мы достигли своей главной цели, и особенно после вчерашней неудачной попытки, я пришел к выводу, что будет разумнее отложить самоубийство. В моем сердце уже давно теплится робкий огонек желания жить, а во время вчерашнего броска он разгорелся бурным пламенем. Проснувшись сегодня утром, я с тревогой думал о наступающей минуте смерти. А когда мой друг Корпела позвал нас садиться в автобус, я начал громко храпеть. И другие притворялись спящими. Стало быть, мы пока не созрели для смерти. Я очень хорошо понимаю позицию капитана Хейкинена, хотя сам плохо отношусь к спиртному.

Корпела с кислой миной слушал речь Хауталы. Он по доброте душевной потащился на дорожном автобусе в самую глушь Европы, а теперь оказалось, что это все зря. Счетчик автобуса намотал тысячи километров, пока собирали самоубийц по всей Финляндии. Конечно, Корпела — человек дела — разозлился.

— Ах, значит так?! Прекрасно! Мы носились на автобусе как в последний день, а теперь никому не хочется умирать. Вот что я вам скажу: я не повезу вас обратно в Финляндию. Можете возвращаться своим ходом, хватит с меня бесплатных катаний.

Все успокаивали Корпелу. Никто и не говорит о том, чтоб окончательно остаться в живых. Самоубийство просто откладывается... Корпела должен понять ход мыслей своих друзей. Холодный океан уже не пленяет их так, как когда они покидали Финляндию. Но идея массового самоубийства по-прежнему оставалась актуальной.

Госпожа Грандштедт вынесла на всеобщее обсуждение интересное предложение.

— А что, если мы поедem в Швейцарию? Я там училась когда-то. Это удивительно красивая страна! Дорогой Корпела, вот если бы ты отвез нас туда!

Госпожа Грандштедт рассказала, как красивы Швейцарские Альпы и как ужасно глубоки тамошние пропасти. В Альпах можно запросто совершить массовое самоубийство — просто упасть на автобусе в любую пропасть, и дело сделано.

Полковник Кемпайнен заинтересовался идеей. Он был в Швейцарии с одной офицерской делегацией и также припомнил, какие замечательные пропасти в Альпах. В этом смысле Швейцария, по мнению полковника, — лучшая страна в Европе — и он с энтузиазмом поддержал идею госпожи Грандштедт.

На том и порешили. У всех, кроме Уулы Лисман-ки, паспорта были в порядке. Уула расстроился. Он тоже хотел в Швейцарию.

Полковник позвонил по радиотелефону в полицию города Утсйоки. Дежурный констебль ответил, что в Утсйоки паспорта не выдают. Этим занимается поверенный округа Инари в городе Ивало. Еще констебль сказал, что дело, вероятно, займет неделю. Заодно по телефону составили для Уулы официальную бумагу, чтобы вопрос с его паспортом решился как можно скорее. Полковник пообещал съездить за паспортом вместе с Уулой.

Корпелу тем временем все уговаривали ехать в Швейцарию. Фельдфебель в отставке Корванен обещал в случае чего всегда подменить его у руля, чтобы Корпела меньше уставал.

Корпела задумался. Он видел на фотографии Швейцарские Альпы: бесспорно, прекрасное место. Если махнуть через Швецию, Данию, Германию, там как раз и будет эта самая Швейцария. Корпела несколько раз ездил с турами по Европе и неплохо знал тамошние магистрали. Можно, конечно, и в Швейцарию...

Так родилось единодушное решение отложить массовое самоубийство и перенести место действия в Швейцарские Альпы. Полковник Кемпайнен и оленевод Лис-манки сразу после завтрака отправились в Ивало за паспортом. Договорились через неделю встретиться или в отеле города Хаапаранта, или, на худой конец, в Мальмё.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Со смертью можно играть, с жизнью — нет.

Так будем жить!!!

Арто Паасилинна

Глава 24

Полковник Кемпайнен и оленевод Лисманки уехали в Ивало; остальные решили совершить круиз по Северной Норвегии. На сердце у всех было легко: в самый последний момент они отказались от самоубийства, единогласно приняв это жизнеутверждающее решение. Теперь им предстояло провести неделю в великолепных горах у Северного Ледовитого океана. Ведь на то, чтоб достать Ууле паспорт, наверняка уйдет какое-то время.

Чтобы сделать приятное автовладельцу Корпеле, решили проехать по самым красивым местам Северной Норвегии. Ночь провели на Нордкапе, но, когда закончилась провизия, пришлось вернуться на материк. В Порсангере у местного рыбака купили немного лососины, заехали в Свартвик и скупил в деревенском магазине все, что там было. Жили в палатке в Овре Молвикватни, на берегу горного озера, ездили в Сельенес, ловили рыбу в Синайокка-и поймали удивительно много тайменей!

Одну ночь провели в отеле в Лакселви: экзотика хороша, но надо же иногда и помыться, и поспать на простынях. Однако шум самолетов на военном аэродроме Бана заставил самоубийц снова пуститься в путь. Следующие два дня отдыхали в Гаккайокка, куда привела из Порсангера узкая десятикилометровая дорога.

Преподаватель домоводства Эльза Таавитсайнен взяла на себя заботу о провианте. Слава богу, в Норвегии лососей и тайменей предостаточно. Какими только рыбными деликатесами не баловали путешественников! Госпожа Таавитсайнен с помощницами готовили лосося каждый раз по-новому: его солили и тушили в кастрюле на огне, из самых маленьких тайменей делали тающее во рту филе, которое жарили, прибав к дощечке, на огне. Но рыба, даже самая вкусная, в конце концов надоедает. В горах нашли дикий лук, приправили его деревенским маслом и съели с картошкой. Таавитсайнен раздобыла у местных жителей козий сыр, баранину и вяленую свинину; все это она

превратила в бесподобную тушенку и супы. Козьим сыром приправляли бутерброды с олениной, а также подавали его в горячем виде, запеченным на камнях. По болотам собирали клюкву-она придавала тушеной оленине неповторимый пикантный вкус.

По вечерам в тишине норвежской тундры они отдыхали, делясь историями из прежней жизни. «Великий бросок смерти» с Нордкапа вспоминали с содроганием. Все были уверены, что поступили разумно, отложив на время самоубийство. Кто-то вспомнил, что где-то читал: страх смерти — это всего лишь детский страх окончательно исчезнуть с лица земли, выйдя из материнской утробы в бездонную пустоту Вселенной. Именно такой страх они испытали на Нордкапе.

Погоревали, что среди них нет ни одного настоящего героя, глубокого знатока человеческой природы, который раскрыл бы им все тайны жизни и смерти.

Может, такой человек и существовал, но в этом путешествии им оставалось только довольствоваться опытом друг друга да чувствительностью Сорьонена. И все равно эта поездка дала каждому множество поводов для раздумий о жизни и смерти.

После таких разговоров кто-то предложил основать ассоциацию самоубийц, а вернее — просто зарегистрировать эту, основанную проректором Пуусари, Релоненом и полковником Кемпайненом сразу после Ивана Купала. Впрочем, зачем ее регистрировать? Пусть это будет открытая ассоциация, деятельность которой все равно скоро завершится в Альпах, где Корпеле дадут последнюю возможность броситься в бездонное горное ущелье вместе со своим драгоценным автобусом и его пассажирами.

Клубу дали название — «Открытая Ассоциация Анонимных Смертников». Устав сочинять не стали, просто договорились, что члены клуба действуют в братском единстве и в общих целях. Вспомнили о трудностях Зимней войны и решили, что стоило бы поучиться у финских солдат «стоять до последней капли крови». Друга нельзя бросать одного и нельзя оставлять в живых. Герои Зимней войны в свое время умирали плечом к плечу. Так же поступят и Анонимные Смертники. Но у них враги страшнее, чем Советский Союз: это все остальные люди, мир, жизнь.

Общественные противоречия здесь уже не играют роли. Среди членов ассоциации есть и бедные, и богатые, и даже баснословно богатые, такие, как госпожа Грандштедт, Уула Лисманки и некоторые другие. Оказалось, что финны принимают решение о самоубийстве вне зависимости от своего материального положения. Для одних недостаток материальных средств — лишь одна из причин самоубийства, для других — самая главная, у третьих денег куры не клюют, и все равно жизнь им не в радость.

Проректор Пуусари улучила момент, чтобы осмотреть два норвежских кладбища. Релонен взялся ее сопровождать.

И вот наступило утро, когда автовладелец Корпела объявил, что хватит прохладиться тут, в Норвегии. Они уже целую неделю наслаждаются диким севером, пора и на юг, в Хаапаранта, туда скоро приедут и полковник Кемпайнен с Уулой Лисманки. Преподаватель домоводства Эльза Таавитсайнен засолила еще пару килограммов лососины, лагерь свернули, искупались напоследок и отправились в путь.

Полковник Кемпайнен и Уула Лисманки к тому времени уже добрались до Ивало. Уула остался в гостинице поболтать с каким-то приятелем, полковник же пошел напрямик к прокурору.

К удивлению полковника, прокурором полицейского округа Инари оказался его старый знакомый с курсов офицеров запаса в Хямина. В детстве худой и стеснительный, а ныне дородный пятидесятилетний мужчина, сын старого Сутелы по-прежнему увлекался орнитологией и все свободное время посвящал наблюдениям за птицами. Армас Сутела очень сокрушался, что Кемпайнен приехал ненадолго и им не удастся как следует пообщаться. В Утсйоки произошло дерзкое преступление, на расследование которого ушло пол-лета, но пока ничего не нашли. Сутела пообещал выдать Ууле паспорт, как только из Утсйоки поступит официальное письмо, а оленевод сфотографируется. Лисманки должен будет лично явиться для того чтобы подписать документы.

Полковник сказал, что они с Лисманки собирались половить корюшку в Инари. Неужели прокурор никак не может сорваться с ними на денек-другой? Понаблюдает там в бинокль за птицами, если не найдет себе другого занятия. А главное, можно будет вспомнить старые времена в Хяmine!

Прокурор посетовал, что вынужден отказаться от приглашения: дело в Утсйоки действительно серьезное и занимает все его свободное время. Скандальное преступление произошло в местности Писсутсуол-ламвярри в северо-восточной части заповедника Кепо, километрах в десяти от норвежской границы. В начале лета туда прибыла американская съемочная группа из десяти человек на съемки многосерийного фильма о сталинских лагерях на северо-западе России, в Воркуте. Когда, несмотря на гласность, их не пустили в Воркуту, сославшись на забастовку шахтеров, они решили построить такие же мрачные тюрьмы в похожей местности на финской территории. С помощью местного гида группа нашла подходящую натуру как раз в Писсутсуолламвярри — довольно мрачном месте посреди тундры. Туда на вертолетах привезли декорации, и началось строительство огромного концлагеря в русском стиле. Все было бы хорошо, если бы проклятый местный гид не обнаружил своей преступной сущности. Он опустошил кассу съемочной группы, а денег в ней было немало. Прокурор назвал примерную сумму в полмиллиона марок. На том строительство лагеря и остановилось: успели построить только пару сторожевых вышек и протянуть стометровую колючую проволоку. Американцы из-за этой кражи так расстроились, что, заявив о ней в полицию, немедленно покинули страну. В американской прессе тут же появились статьи о лицемерном лапландце, который обчистил доверчивых «строителей» концлагеря. Говорят, новым местом для съемок выбрали болота Мазурии в Польше. Там тоже довольно мрачно и для Воркуты подойдет не хуже, чем угрюмый Писсутсуолламвярри.

— Короче, получился международный фильм и внешнеполитический скандал. Воркута, Калифорния, Польша — а я задыхаюсь тут, в эпицентре конфликта! Так что, Герман, некогда мне рыбу ловить!

На следующий день, испытывая рыболовные сети в Весконниеме, полковник долго задумчиво посматривал на Уулу и наконец рассказал ему о нахальном преступлении в Утсйоке, которое совершил какой-то лапландец. У Уулы даже поплавок из рук выпал, он побледнел и нервно закашлялся.

В Инари поймали невероятное количество корюшки, поставили котелок на огонь и стали смотреть в летнее небо. Через неделю Уула сходил в офис прокурора и расписался в получении паспорта. Сам же прокурор, судя по всему, уехал по делам в округ Утса.

Итак, можно было отправляться в Хаапаранту. Напоследок засолили два бочонка жирных корюшек. Уула решил, что в Альпы их лучше везти в соленом виде, а там выставить на стол во время последней дружеской трапезы.

Глава 25

Приехав в отель Хаапаранты, полковник Кемпайнен спросил у портье, нет ли для него письма. Корпела, видимо, еще не приезжал. У полковника зародилось мрачное подозрение. Вдруг они уже лежат на дне океана, погребенные в дорогом туристическом автобусе? Полный мрачных мыслей, полковник заказал двухместный номер и попросил Уулу отнести туда багаж.

К вечеру выяснилось, что полковник волновался зря. Автобус Корпелы въехал во двор отеля, и нижнее фойе наполнилось веселой толпой. Встреча была радостной. Самоубийцы наперебой хвастались неделями норвежского отпуска. Они выглядели здоровыми и отдохнувшими, о смерти даже не упоминали. Проректор Пуусари крепко обняла полковника у всех на виду. Релонен отступил в тень, а Кемпайнен с Пуусари отправились в город на прогулку. Они ознакомились с невзрачным кладбищем Хаапаранты. От финских кладбищ оно отличалось тем, что здесь не было ни одной могилы героя.

На следующий день полковник по дешевке продал свою машину какому-то спекулянту из Торнио: он решил, что машина ему больше не понадобится и от нее пора избавиться.

В Хаапаранте закупили провизию и все необходимое, а именно: 33 полотенца, 33 расчески и 33 зеркала, 15 помазков, 200 пар колготок, 70 килограммов картофеля, килограмм крема для обуви и тысячу сосисок. Сухопутный капитан совершил набег на шведский винный магазин и купил 100 бутылок водки и двенадцать упаковок пива. Полковник все оплатил.

Во второй половине дня отправились дальше на юг. Начался дождь. Корпела и фельдфебель в отставке Корванен по очереди вели автобус по территории Швеции, ночью прибыли в Мальмё.

Агрессивный оптимист Сеппо Сорьонен взял на себя заботу о развлечениях. Он рассказывал в микрофон стихи и забавные истории. В южной части Стокгольма он признался, что написал книгу сказок, которую издатели не допустили к публикации, хотя, по мнению Сорьонена, тема была интересная и вообще это было великое творение.

Ему разрешили рассказать свою сказку. Одновременно включили шведское радио, но никто не захотел слушать тяжелый рок, как, впрочем, и спортивный репортаж по другому каналу.

Сорьонен сказал, что написал сказку пару лет назад. В какой-то газете ему попала статья о том, что за последнее время условия жизни белок в Финляндии резко ухудшились. Расплодившиеся стервятники уничтожали беличье племя. Шишек стало меньше. Есть, конечно, орехи, но лишайников в лесу уже не найти, а ведь это основной материал для строительства дупла. И все из-за плохой экологии: лишайники исчезли уже во всей Южной Финляндии! Еще большее беспокойство вызывала ситуация в Восточной Лапландии, в области Сала и на мысе Куола — все из-за промышленных отходов. Белкам с мыса Куола приходилось выкладывать свои дупла корой можжевельника; на окраинах крупных поселков белки догадались вместо лишайника использовать стекловату, которую находили на стройках. Но эти заменители по своему качеству уступали натуральному лишайнику: теперь бельчата дрожали от холода во влажном и вредном для здоровья дупле. К тому же стекловата могла вызвать у бельчат рак легких. Белки, к сожалению, пока не научились оклеивать стены обоями, хотя обойных обрезков могли найти сколько угодно.

Дядюшка Сорьонен начал серьезно обдумывать проблему беличьего жилища как тему художественного произведения. Внезапно ему в голову пришла блестящая мысль написать об этом детскую книжку. Он предположил, что ту же статью случайно мог прочитать и пятидесятилетний паромщик и рыболов Яакко Ланкинен, который в свое время женился, завел двоих детей и овдовел. Дети выросли, у Ланкинена теперь было достаточно денег и, вдобавок ко всему, много свободного времени, особенно длинными зимними вечерами. Ланкинен был человек доброй души, жил один на берегу большого озера и в меру сил занимался охраной окружающей среды.

Яакко Ланкинен забеспокоился о судьбе несчастных бельчат и стал думать, как улучшить условия их жизни. Он стал выяснять, можно ли заменить лишайник каким-нибудь другим материалом, но ученые ответили, что настоящий природный лишайник-единственный подходящий материал для строительства дупла. Вот только он перевелся в лесах Финляндии. Его, конечно, можно искусственно выращивать специально для белок.

Паромщик Яакко Ланкинен вспомнил, что лишайник в больших количествах растет в Сибири. Но не везде, а лишь там, куда еще не добралась промышленность, убивающая природу. Он поехал в экспедицию за Урал и лично в этом удостоверился. Заодно он подружился с местными жителями и поведал им о своей идее закупать в больших количествах лишайник. Он пытался их заинтересовать, обещая заплатить за мох вождельной западной валютой. В зимнее время в Сибири полным-полно празднующихся крестьян — почему бы не привлечь их для сбора лишайника? Но все оказалось гораздо сложнее: пришлось изобрести инструменты для сбора мха, выдержать продолжительную бумажную войну со всеми инстанциями и, наконец, раздобыть через отделение иностранной торговой комиссии разрешение на закупку мха. Потом Яакко Ланкинен возвратился в Финляндию, чтобы уладить денежный вопрос.

Ланкинен взялся за работу, договорился о спонсорстве, заключил необходимые соглашения, завязал отношения.

Наконец-то проект сдвинулся с места. В Сибири начали собирать лишайник: тысячи старушек лазили по деревьям. Пригласили и ветеранов войны в Афганистане, оставшихся без работы, — они тоже участвовали в выщипывании лишайника. Под аккомпанемент веселой болтовни росли горы мха. Добычу развешивали на высоких пряслах, потом везли на совхозную молотилку, где паковали в мешки. Тюки с лишайником отвозили на склад у Сибирской трассы. Оттуда, после проверки, тюки грузили в вагоны и отправляли на пограничный пункт Ваалимаа, где Ланкинен вместе с официальным представителем железных дорог принимал товар. Расплатившись с таможей, Ланкинен выгружал тюки и оставлял лишайник на хранение.

В ВВС Ланкинен взял в аренду вертолет средней тяжести, где установил механизмы для распыления и ворошения мха. Их для него спроектировал Государственный научно-технический центр. Паромщик стал с вертолета разбрасывать сибирский мох по всей Южной Финляндии и в Сале, там, где по данным ученых, были самые крупные поселения белок, страдающих от отсутствия необходимых материалов для строительства домов. Распылитель выдавал клочки мха нужного размера, и они плавно опускались с неба на леса. Белки, охваченные безнадежным пессимизмом, вдруг получили с небес необходимые стройматериалы и растащили их по дуплам. Проект удался на славу. В финских лесах появились тысячи новых гнезд, в которых самки вывели прелестных бельчат. Теперь у них были дома что надо, и бельчата росли здоровыми, с пушистой шерсткой.

По мнению Сорьонена, речь в его запутанной фантастической истории шла о том, как улучшились условия существования белок в Финляндии. Вместе со сказочным материалом дети получали обширные сведения о современном обществе: о законодательстве и изучении животных, Советском Союзе и торговой политике, поездах и банковском деле, вертолетах и даже картах, составленных по данным аэрофотосъемки, и т. д.

Сеппо Сорьонен предлагал рукопись нескольким издательствам, но ни в одном из них она не приглянулась.

Глава 26

Наутро подъехали к немецкой границе. Ууле в его первый в жизни загранпаспорт поставили первую в жизни печать. Таможня осмотрела весь автобус. Их очень удивили сухие березовые дрова — несколько вязанок из запасов Уулы. Обшарили и мешок с палаткой, даже дали понюхать собаке на предмет наркотиков. В конце концов, группа смогла продолжить свой путь. Теперь за баранкой сидел Корпела, он выбрал широкую дорогу, которая вела в Швейцарию. По Европе проехали по 45-й трассе. Корпела хорошо знал эту шестиполосную магистраль.

Между Гамбургом и Ганновером хлынул дождь как из ведра. На трассе образовался затор. Радио, настроенное на местную волну, сообщило, что на дороге произошла страшная цепная авария. Включив мигалку, Корпела свернул в сторону, к отелю «Фаллингс». Он сказал, что не хочет подвергать своих пассажиров опасности. Лучше подыскать какой-нибудь мотель и переждать грозу. Корпела устал; меняясь с Корване-ном, они проехали без остановки от северной Швеции до Германии. Да и пассажирам хотелось поспать на нормальных кроватях.

Километров через десять они въехали в городок Вальсроде. На краю города стоял мотель. Анонимные Смертники под проливным дождем побежали в укрытие. Усталые, мокрые, они заполнили документы. В мотеле едва хватило места на всю компанию.

Но как только группа заполнила гостевые карточки и собралась разойтись по номерам, во двор въехал другой автобус. Холл заполнили бритоголовые молодые люди в кожаных куртках-человек сорок. Они были совершенно пьяны и начали грубо требовать ночлега. Оказалось, что эта отвратительная толпа едет из Гамбурга, где состоялся футбольный матч местной команды и команды из родного города бритоголовых, Мюнхена. В Гамбурге они потерпели поражение и до сих пор не могли успокоиться. Весь день они потягивали пиво и теперь дошли до кондиции, так что еле держались на ногах.

Хозяева мотеля, пожилая пара, попытались объяснить им, что свободных комнат не осталось. Только что прибыла финская группа, и ей отдали последние места. Но парни никого не слушали и довольно нагло заявили, что их не радует перспектива ехать в такую погоду домой в Мюнхен. На дороге сплошные пробки. Они напомнили хозяевам, что и раньше останавливались в их мотеле. Короче говоря, они постоянные клиенты. Кроме того, они сейчас в таком состоянии, что никакие иностранцы не уведут комнаты у них из-под носа. Они ведь не кто-нибудь, а немцы, и немцы из Западной Германии (Западная Германия у финнов пользовалась большим авторитетом.).

Хозяин и сам хорошо помнил эту шайку. После них всегда оставалась грязь, поломанные вещи. Но теперь это не имело значения: свободных комнат нет.

«Футболисты» стали таскать из автобуса свои вещи. Часть осталась в холле допивать свое баночное пиво. Холл наполнился возбужденным гулом. Вновь прибывшие начали нагло оттеснять финских самоубийц от стойки портье. Уула Лисманки этого вынести не мог. Он набросился на ближайших нахалов и заорал:

— Sprehen das saami? Ahtung! Ausfart!^[16]

Получив за эти слова мощный удар в пах, оленивод шлепнулся на пол. К нему на помощь бросились сухопутный капитан Хейкинен и фельдфебель в отставке Корванен. Полковник Кемпайнен попросил хозяина вызвать полицию. Он ясно дал понять, что его группа уезжать не собирается. Они без остановки ехали сюда из северной части Скандинавии, устали и хотят провести эту ночь в полном покое. А воинственных нахалов нужно выдворить отсюда за драку в общественном месте.

Хозяин позвонил в Вальсроденскую полицию. Там ему сказали, что полицейских прислать не могут: все выехали по тревоге на трассу разбираться с аварией, которая там произошла. Оставалось самим как-то разруливать ситуацию. Полковник решительно заявил, что добровольно его группа здания не покинет. Футбольные хулиганы вошли в раж. Они вышвырнули вещи финнов на улицу, под проливной дождь, а потом стали выпихивать и самих финских самоубийц. В дело пошли кулаки, опрокинули какой-то стол, послышался звон разбившегося стакана. Женщины выбежали на улицу. Кто-то в кожанке схватил проректора Пууса-ри за волосы и дал ей пинок под зад.

Полковник со своим отрядом организованно отступал. Женщин отвели в безопасное место, в заднюю часть мотеля, где находились склад и какие-то подсобные помещения. Корпела подъехал туда на автобусе. Провели короткое совещание и решили, что Анонимные Смертники подверглись агрессивному нападению. Их честь и достоинство в опасности. Полковник объявил военное положение. Началась спешная подготовка к войне. Мужчин вооружили сухими дровами. Полковник призывал нещадно бить врага:

— Бейте лучше по плечам, да с такой силой, чтобы от дров искры летели.

Полковник разделил свой батальон на три группы, по пять человек в каждой. Первой группой взялся руководить фельдфебель в отставке Корванен, руководителем второй полковник назначил пограничника Тайсто Рясейкконена, третья группа досталась жителю Пори Корпеле. Сухопутного капитана Хейкинена назначили командиром отдела снабжения. Ууле Лисманки доверили ответственную задачу начинать битву. Он был обязан, да и сам того хотел, при необходимости включиться в бой. У автобуса женщины организовали перевязочную группу на случай, если мужчины проиграют сражение и появятся раненые. Это вполне возможно, ведь противник числом и силой превосходил их вдвое. К тому же враги моложе, а в отряде полковника Кемпайнена много стариков, которых оставили в резерве. Но с военной точки зрения финский отряд был лучше обучен: им командовал высокопоставленный офицер, да и у младшего состава был профессиональный опыт в этой области.

Само место наилучшим образом подходило для предстоящей схватки. Мотель располагался на равнине. Позади него находился жилой квартал — отличное место для эшелонов поддержки. С другой стороны простирались густые виноградники, куда при необходимости можно было отступить. Шоссе отделяло поле боя от леса, в котором тоже можно было укрыться.

В начале битвы погода благоприятствовала нападению. Все еще лил дождь, видимость была плохая, смеркалось. Полковник посмотрел на часы — они показывали 18.35. Он сгруппировал передовой отряд так, чтобы группа фельдфебеля Корванена расположилась на углу мотеля, рядом с главным входом. Группа пограничного егеря Рясейкконена расположилась у шоссе, в любую минуту готовая к нападению, как только отряд фельдфебеля расчистит им дорогу. Отряд автовладельца Корпелы остался в резерве возле виноградников. Сам полковник руководил боем из-за угла мотеля, там же находился военный связной Лисманки с охапкой дровяных боеприпасов.

По команде полковника отряд под предводительством Корванена с дровами в руках ворвался в мотель. Бойцы принялись колотить изумленных скинхедов по указанным полковником частям тела. Вскоре в мотель ворвался второй отряд под профессиональным руководством пограничника. Подкрепление посеяло панику в рядах противника. Люди валялись на пол, как подкошенные. Тела в кожаных куртках рушились от мощных ударов. В мотеле раздавались крики о помощи и ругательства на немецком. Хромая, все в синяках, хулиганы выпрыгивали из окон. Они пытались скрыться в виноградниках, но там на них обрушились новые удары финского отряда. Резервный полк под командованием Корпелы безжалостно уложил на землю больше двадцати беглецов.

Кое-кто из противников попытался спастись через служебный выход. Но там их ждал не менее теплый прием. Женский партизанский отряд под командованием проректора Пуусари до полусмерти отлупил как минимум полдюжины тевтонцев.

Парализованный неожиданным нападением, противник не смог оказать организованного сопротивления: не было ни опытного командира, ни какой-либо общей тактики. Так что исход битвы был предрешен. Немцев вздули всех до единого. Помятые, истекая кровью, поддерживая друг друга, отходили они к своему автобусу.

Немецкий автобус исчез за стеной проливного дождя, а вещи хулиганов остались в мотеле. Хозяин конфисковал их в качестве компенсации за разбитые окна.

Разгоряченный битвой Корпела предложил двинуться в погоню. Он был уверен, что без труда нагонит врагов на своем шикарном автобусе, оттеснит их развалюху на обочину и отдубасит бритоголовых до потери сознания, а если надо — вышибет из них дух.

Но полковник считал, что они уже достигли своей цели и запретил погоню. Пусть эту часть операции возьмет на себя немецкая полиция, если ее это заинтересует.

Полковник осмотрел поле боя. Несколько окон были разбиты, одна дверь слетела с петель, пол в холле запачкан кровью. В целом материальный ущерб все-таки был невелик, если принять во внимание масштаб сражения. Полковник договорился с хозяевами, что заплатит за разбитые окна, если половина его группы получит тридцатипроцентную скидку за комнаты. Он счел возможным поторговаться, поскольку условия заселения никак нельзя было назвать спокойными. Взаимопонимание было достигнуто.

Охрану у дверей мотеля решили не выставлять. Поздно вечером ганноверская полиция сообщила, что остановила на дороге автобус, набитый четырьмя десятками зверски избитых парней в кожаных куртках.

Их доставили в ганноверское отделение полиции и возбудили против них дело по скандалу в Вальсроде. Свидетелей не потребовалось: и так бышо заметно, что они

побывали в жестокой битве. Шестеро хулиганов были без сознания, их с шишками на лбу доставили в больницу.

Благодарные хозяева устроили в честь победившей армии праздничный ужин. Из города привезли поросенка, которого тут же и зарезали прямо под дождем. Ливень смыл с асфальта и кровь поросенка, и кровь хулиганов. Поросенка зажарили целиком в большой печи и подали на стол с яблоком во рту.

Хозяин сердечно поблагодарил полковника и остальных за победоносное сражение. Теперь эти террористы наконец-то оставят в покое его мотель. А финнов здесь всегда будут рады видеть.

К поросенку подали местное красное вино. Хозяин сказал, что оно лучшее в области. Эти виноградники его семья возделывала столетиями.

За едой довольный хозяин расспрашивал финнов, кто они такие и куда едут. Он отметил их неудержимую страсть к битве и поинтересовался, чем она вызвана.

Полковник поднял бокал и сказал, что он руководит группой Анонимных Смертников. Но вдаваться в подробности не стал.

— Да... все мы смертны, — согласился хозяин.

Глава 27

Анонимные Смертники лишь в полдень собрались за завтраком. Лица мужчин были в крови и синяках. У полковника в уголке глаза краснела царапина, сухопутный капитан хромал на одну ногу, Уула Лисманки жаловался на боль в паху, а Ярл Хаутала-в спине. Ему было стыдно, что он поддался искушению и принял участие в этой постыдной драке. Он всю жизнь ратовал за мир и сам удивился, когда вдруг с бревном в руке стал бесчинствовать наравне с молодежью. Хаутала сказал, что именно так и начинаются войны: за раздражением следует ненависть толпы, а потом — битва.

Шишки обработали спиртовым раствором борной кислоты, а царапины заклеили пластырем. Затем доели остатки поросенка, выпили по паре бокалов домашнего вина и отправились в дорогу. Корпела напомнил, что смерть не ждет.

Поехали на юг по прекрасным немецким долинам. В Вюртбюрге Корпела свернул с шоссе, решив проехать по известной во всем мире *Romantische Strasse*, дороге Романтики, по обеим сторонам которой то тут, то там виднелись замки. Самоубийцы с грустью глядели на аккуратные деревеньки и нарядные домики. Если бы сюда переехала хотя бы тысяча финнов, они бы за один день покрыли надписями все достопримечательности дороги Романтики, а прекрасные постройки — резные беседки, церковные ограды, виноградные прессы — разрушили до основания. Здорово досталось бы и бабусям-ветеранам.

Поздно вечером прибыли в еловый лес на холмах Шварцвальда. Темнело. Дикий лес и холмистые склоны в темноте выглядели негостеприимно. Однако финны чувствуют себя в лесу как дома. Здешние огромные столетние ели, казалось, с удовольствием брали под защиту народ из другой лесной страны. Узкие тропинки, извиваясь, тянулись вдоль лесистых склонов и спускались к полям. Там виднелись милые игрушечные деревеньки. Дальше шли постоянные дворы, но они были так малы, что вряд ли там нашлось бы место

для всей компании. Поэтому на постоялом дворе разместились только женщины, а мужчины подыскивали место для палатки — на пастбище, на окраине одной из деревень.

Утром их разбудил петушинный крик. Мужчины пошли умываться к горному ручью. Завтраком послужили засоленные Уулой корюшки с Инариярви — такие же чернобокие, как елки вокруг.

Синяки и кровоподтеки на опухших лицах мужчин потемнели и приобрели разнообразные цвета: у кого синий, у кого — зелено-желтый, у кого — красно-черный. Посмотрев друг на друга, они решили, что мужская часть группы больше похожа на банду опасных разбойников.

В таком виде нельзя было показываться на люди; воины решили подождать, пока дамы позавтракают и сами придут к ним.

Все суставы у бойцов болели, многие воины ходили прихрамывая.

Корпела, у которого была разбита губа, а под левым глазом красовался синяк, посмотрел на себя в зеркальце и заявил, что не осмелится показаться на люди всю неделю. Лучше он будет лежать в темной палатке, зализывая раны. Сухопутный капитан, который, вдобавок к шишкам, страдал еще и тяжелым похмельем, потребовал немедленно ехать в Альпы и броситься в ущелье. Этот мир — не место для настоящих мужчин, не стоит продолжать такое существование.

Предложение обсудили. Многие, особенно те, у кого голова была усеяна шишками, поддержали Хей-кинена. Зачем продлевать это жалкое мирское существование? Они держат путь к смерти. И разве не наступил самый подходящий момент для воплощения в жизнь идеи массового самоубийства?

Женщинам удалось избежать синяков, они провели ночь на уютном постоялом дворе и теперь были бодры и благоуханны. Их взгляд на жизнь оказался гораздо светлее. Они согласились с тем, что в таком виде мужчинам лучше на люди не показываться. Но выразили уверенность в том, что несколько случайных синяков не могут выбить финских мужчин из колеи настолько, что они начнут говорить о смерти. Время лечит любые раны, в том числе и синяки на физиономиях. К тому же, решили женщины, если совершить самоубийство прямо сейчас, на трупы страшно будет смотреть. Изуродованные трупы героев!

Короче говоря, решили еще на недельку задержаться в Шварцвальде: жить в палатке, вдали от людских глаз, и залечивать раны.

Через неделю женщины предложили поехать во Францию, ну хотя бы в Эльзас-до него недалеко. Из Эльзаса можно сразу отправиться в Альпы и закончить свой путь в каком-нибудь ущелье, как они решили еще в Норвегии.

Мужчины, ради сохранения «мира в семье», обещали подумать.

Итак, община самоубийц поселилась в палатке в темных лесах Шварцвальда, шум которых навевал мысли о смерти. На смерть шли те, кто спал под сенью умирающих елей и питался мертвой черной корюшкой.

У местного землевладельца за хорошую цену купили сухую ель для костра — финны не вырубают чужие леса. В деревенском магазинчике женщины раздобыли для своих раненых героев жирных колбасок, которые зажарили на костре. Удалось достать квашеную капусту и свиной шпик — «кашлер». Мужчины быстро набирались сил, отдыхая на холмах Шварцвальда, и также быстро дичали. Молодые мерились силами в рукопашном бою, а те, кто постарше, пели по ночам марши времен Тридцатилетней войны.

Зловредный оптимист Сеппо Сорьонен вечерами рассказывал у костра добрые истории, от которых в сердцах самоубийц просыпалась жажда жизни.

Однажды Сорьонен заставил своих слушателей мысленно перенестись на родину, в морозную зимнюю ночь, к ледяным озерам. Он рассказывал, как человек среди ночи мчится на лыжах по ледяному полю, просто так, ради забавы. Луна ярким светом освещает снежное поле, и кажется, будто это бескрайняя белая шелковая скатерть. Мороз под двадцать градусов, снег скрипит под лыжами, палки с хрустом протыкают верхний слой льда.

Полотно, расшитое тысячами звезд, висит над лыжником; и он смотрит в головокружительную высь. Светит Полярная звезда. Видны Плеяды, созвездие Ориона, Лев, Малая Медведица. Из космоса прилетела падающая звезда, и человек интуитивно, не задумываясь, желает своим близким и всему миру счастья и добра. Тут темный небосвод разрезает жгучий свет второй падающей звезды-свет надежды и любви. Это ответ на одинокую молитву и свидетельство того, что в жизни есть надежда, мечты, доброта.

Бледные вспышки северного сияния на севере гаснут. Мороз крепчает, снег под ногами скрипит, лед трещит так, как будто на поверхности ледяного озера вот-вот образуется километровая полынья. Но лед толстый, мороз надежно сковал озеро. Откуда-то с дальнего берега донесся дикий визг одинокой лисы: зверек почуял человека и не сумел справиться со страхом. Лыжник пересекает аккуратную цепочку лисьих следов.

Мысленно человек раскрывает объятия всему миру, жизни. Он с восторгом думает, что в Финляндии любому человеку, и богатому и бедному, доступно это счастье. Даже калека в кресле-каталке может холодной зимней ночью взглянуть на звезды и насладиться головокружительной красотой природы. Лиса залаяла ближе, в ее голосе теперь слышатся игривые нотки. Ее не видно, но она явно увидела человека.

Луна спряталась за облаками, темнота опустилась на озеро. Звезды исчезли, оставив лыжника одного на морозе, и он испугался, что заблудится. Жестокость природы и мира ужаснула его, страх сковал тело и мысли. Однако надо двигаться дальше. Жизнь дорога ему, а здесь можно и умереть, замерзнуть в одиночестве. Помощи ждать неоткуда. Лиса придет полакомиться его холодным мясом. Потом из леса прибегут другие хищники, спустятся с неба птицы, выключат заледеневшие глаза. Ворон полетит к гнезду, зажав в клюве его палец...

Палки, помогая лыжнику, скрипят по льду, он несется в темноте напролом так быстро, как только может, даже спина взмокла от страха. Мороз крепчает, поднимается ветер. Где сейчас сын человеческий? Сердце стучит так, что больно в груди.

Перед ним возникает скалистый берег, мыс или остров. Человек сбрасывает лыжи и, держа их под мышкой, карабкается вверх. Сначала не видно ничего, но вскоре глаз начинает различать лес, березы, ели, могучие сосны. Человек прислонился к сосне и

оглядывается. Вдалеке слышен лай лисицы. Лес глухо шумит над его головой. Теперь он в безопасности. Лыжник сломал несколько сухих сосновых веток и развел в расщелине скалы небольшой костер. Он греет над пламенем руки, оттирает со лба пот — и вот из-за туч снова выходит луна. Позади него — серебристая гладь озера. Звезды сияют ярче прежнего, страх отступил. Человек подбросил в костер еще веток, языки пламени задрожали в морозной ночи, искры разлетелись в разные стороны, словно маленькие метеоры. Он достает из кармана бутерброд, откусывает большой кусок и думает, что жизнь все-таки прекрасна, ослепительна, проста и что жить, безусловно, стоит. Он пристально смотрит на пламя, ласкает взглядом его языки. Так делают финны уже много тысяч лет. Совсем как эти самоубийцы здесь, у костра в Шварцвальде, далеко от дома. Эти люди много страдали и слишком рано утратили способность наслаждаться красотой жизни.

Глава 28

Полковник Кемпайнен и проректор Пуусари стояли рука об руку на самой высокой оружейной башне средневековой крепости в Кёнингсберге. Они слушали француженку-гида, которая на английском языке рассказывала о перестройках старой крепости за последнее тысячелетие. Группа финских самоубийц окружила ее. Релонен вполголоса переводил рассказ на финский для оленевода Лисманки, которому не представилось случая выучить английский, пока он пас оленей на сопках Утсйоки.

С башни крепости, стоящей на вершине горы, открывался потрясающий вид на эльзасскую долину. Протянувшиеся на сотни гектаров виноградники напоминали зеленое море во время штиля, на его волнах, словно острова-маячки, качались французские деревеньки и города. Легкий утренний ветерок нес тени облаков вдоль фруктовой равнины.

Спускаясь, полковник отметил, что одна такая богатая равнина дает в год столько белого вина, что этого урожая хватило бы каждой финской семье до конца тысячелетия, да еще миллионы бутылок остались бы для субботних застолий.

В этой долине, в ее городках и деревнях финны провели последнюю неделю, разъезжая на «Автобусе Смерти» по всему Эльзасу в поисках трех пропавших женщин.

В один прекрасный день в «оздоровительном лагере» в Шварцвальде ко всеобщему ужасу обнаружили, что три молодые женщины ушли за провизией и не вернулись. Пропали банковская служащая Хелена Никуда из Сейнайоки, фабричная работница Лена Мяки-Ваула из Хаукипутаала и парикмахерша из Еес-поо Лизабет Корхонен. Женщинами, очевидно, овладела жажда жизни. Все слышали, что они мечтали о путешествии во Францию, и их решили искать в Эльзасе. Корпела повел себя как настоящий патриот: финны товарищей в беде не бросают. Зловредный оптимист Сорьонен во всех деталях обрисовал Корпеле душераздирающую картину: три молоденькие женщины повесились на коньковом бруссе деревенской мельницы или колокольни, лица синие, чулки в гармошку...

С поисками не торопились: плотно покушали, выпили — в общем, наслаждались жизнью. Полковник вспоминал названия городов: Таненкирх, Рор-швир, Бергхайм, Миттельвир, Рибевилль, Гемар, Цел-ленберг. Они находились недалеко от немецкой границы, и у многих городов были немецкие названия. В последний раз они ночевали в городке Сан Гипполи. Он находился рядом с крепостью, откуда полковник смотрел на долину. Его

рука незаметно поглаживала ягодицы проректора Пуусари, которые напоминали ему Магдебургские полушария.

В самом большом городе этой области, Колмари, полковник обратился в полицию и заявил о пропаже трех финок, которые, как им кажется, должны быть где-то поблизости. Полиция вначале не очень-то заинтересовалась пропавшими — взрослые люди, как никак. Но когда полковник сообщил, что у всех троих-склонность к депрессии и еще на родине они пытались совершить самоубийство, полиция Колмари пообещала заняться поисками. Полковник каждый день звонил в полицию, но до сих пор никаких новостей не было. Да, многие видели трех свободных женщин указанного возраста, но они были шведками, и по их поведению нельзя было сказать, что они склонны к депрессии и тем более к самоубийству. За ними толпой ходили местные мужчины, работники виноградников и другой народ. Работа, которой занимается мужское население, страшно страдает там, где появляются шведки. Полиция Колмари не придумала ничего лучшего, чем задержать трех вышеназванных дам и посадить в камеру предварительного заключения. Остановив шведскую экспансию, полиция вновь занялась поисками финок.

Полковник очнулся — экскурсовод все еще рассказывала об истории крепости. Она говорила, что как раз с этой башни высотой в десять метров сотни лет самоубийцы прыгали на острые скалы, подстерегающие их внизу. Анонимные Смертники заинтересованно выглядывали из бойниц. Фельдфебель Корванен счел необходимым предостеречь их и рявкнул своим командным басом: «Иностранным туристам запрещено прыгать с башни!» Группа вновь окружила экскурсовода, и все стали внимательно слушать рассказ, теперь уже о том, как крепость захватили австрийцы.

Гид сообщила, что о жизни крепости Кёнингс-берг, начиная с XV века, имеются очень интересные сведения. Они дошли до нас благодаря тому, что местные владельцы крепости докладывали регентам о ведении хозяйства. По описям инвентаря, составляемым с 1527 года, известно, что люди жили богато: в крепости было много оружия, инструментов, мебели и прочей собственности. Но крепость большая, ее трудно содержать, и постепенно она пришла в упадок. Потолки в замке так сильно протекали, что кровати из комнат пришлось вынести.

Вода просочилась даже в погреба с порохом, и управляющие замком молили Бога о том, чтобы эта развалюха рухнула, превратившись в груды камней в два копья высотой.

Затем девушка-экскурсовод — ее голос зазвенел от волнения — рассказала о страшных для замка временах-о Тридцатилетней войне, в ходе которой шведы разграбили и погубили в Эльзасе все самое лучшее. В июне 1633 года эти варвары, вооруженные артиллерией, взяли Кёнингсбергский замок в осаду. Гарнизон замка, хоть и получил в помощь резервные полки, вынужден был в конце концов бежать. 7 сентября 1633 года крепость сдалась.

Полковник заметил, что оккупантами, скорее всего, были финны, хотя и находившиеся в подчинении у шведского военного руководства, ведь в то время Финляндия входила в состав Шведского королевства. От лица своих соотечественников он выразил сожаление по поводу событий XVII века. Но с другой стороны, как профессиональный военный, он понимал: захват крепости был неизбежен.

Француженка без особой радости поблагодарила полковника за интересную информацию и добавила:

— В сентябре 1633 года «финны» спалили замок Кёнингсберг дотла, убили последних его защитников и изнасиловали женщин, которые искали убежища в стенах замка.

На это полковник Кемпайнен не нашел ответа.

Из замка Кёнингсберг самоубийцы вернулись в Сан Гипполи. Оттуда полковник Кемпайнен и проректор Пуусари еще раз позвонили в полицию. Их попросили срочно явиться в Колмари. Три финки нашлись. Они живы, только немного устали. Их задержали еще два дня назад. Вначале думали, что это шведки-так они сами утверждали, но при более тщательном расследовании выяснилось, что это все-таки финки, те самые, которых разыскивали полковник и его группа.

Проректор Пуусари взяла трубку и спросила, не подозревают ли дам в каком-нибудь преступлении. Нет, их ни в чем не обвиняют, если не считать преступлением то, что они поставили на уши всю винную долину.

Пришлось Анонимным Смертникам вернуться в Колмари. Оставив часть группы знакомиться с городом, а другую — искать место для ночевки, полковник Кемпайнен и проректор Пуусари отправились в полицию. Начальник полиции принял их очень вежливо. Он предложил им по бокалу отличного местного вина и спросил, что нового в Финляндии. Оказалось, что он очень любит Финляндию: его отец еще до войны был в отпуске на Готланде. Это, кажется, в Финляндии... или где-то рядом.

Затем перешли к делу. Начальник полиции сказал, что дамы из группы полковника за неделю своего пребывания во Франции успели нанести стране большой моральный ущерб. Прогуливаясь по окрестностям без какой бы то ни было серьезной цели, они везде вызывали беспорядки. Начальник полиции не хотел подробно распространяться о действиях вышеназванных дам. Он надеялся, что полковник и проректор поймут всю щекотливость ситуации. Конечно, дамы не были замечены ни в чем противозаконном, но для спокойствия общества их все-таки придется выслать из страны. В течение 24 часов они должны покинуть Колмари.

Полковник Кемпайнен принес извинения, выразил готовность принять под свое крыло вышеупомянутых дам и пообещал в установленный срок переправить их в Швейцарию. Полковник дал понять, что у его группы есть важное дело в Швейцарских Альпах.

Падших женщин привели в кабинет начальника полиции. Они выглядели вконец измотанными и явно страдали от похмелья. Одежда мятая, колготки в дырах, макияж размазан. Багажа при них не было. Начальник полиции протянул проректору Пуусари паспорта беглянок, попросил женщин подписать бумаги о депортации и предупредил, что в течение следующих пяти лет они будут нежеланными гостями на территории Франции.

Неловкая ситуация кое-как разрешилась. Полковник Кемпайнен и проректор Пуусари отвели заблудших овечек в ближайший отель для очищения и отдыха. За обедом Лизабет Корхонен, Хелена Никула и Лена Мяки-Ваула рассказали о своих скитаниях.

Из Шварцвальда девушки легко добрались автостопом до Франции. В первом же городе, каком-то Остхайме, им оказали радушный прием. В местных барах они познакомились с мужчинами, пили шампанское. Завели дружбу с несколькими виноделами, которые относились к ним как к королевам. Девушки побывали во многих городах и селах. Кавалеры говорили им, что у них море свободного времени для развлечений, потому что как раз сейчас — праздник сбора урожая.

Северянок тут же избрали королевами виноделия, и праздник продолжался. Мужчины бегали вокруг них, вино лилось рекой. Все было великолепно, хотя и несколько утомительно. Однако через какое-то время финки вдруг заметили, что местные женщины относятся к ним холодно, чтобы не сказать враждебно. Странно, ведь все мужчины, с которыми общалась наша тройца, уверяли их, что не женаты. Казалось, окрестности Эльзаса буквально кишат холостыми французами.

Ситуация становилась щекотливой, поэтому дамы, как всегда в таких случаях, назвали шведками. Пришлось даже выдумать себе шведские имена: Лизабет назвалась Ингрид, ее подруги — Сюннёвения и Беа-тана. Все шло хорошо до тех пор, пока полиция не схватила бедных женщин в Рибевилле, «среди шумного бала». Шампанское допить не успели — их быстро посадили в отвратительную машину для преступников и повезли в Колмари.

В ходе допросов им сообщили, что праздник сбора урожая, согласно местному обычаю, проводится — что вполне естественно, — лишь после того, как урожай собран, а это произойдет не раньше, чем через два месяца. Дамы пожаловались, что им за время турне наврали и о многом другом. Выяснилось, что все их знакомые мужчины женаты. Более того, финок сочли «девушками легкого поведения», которые вешались на шею любому мужчине, независимо от возраста и внешности, и к тому же не требовали за свои услуги денег. Решили, что они сбивают цены. Во Франции еда и выпивка не считались платой за секс, разве что бонусом в дополнение к деньгам.

Поняв свои заблуждения, женщины глубоко раскаялись в содеянном и попросили разрешить им снова примкнуть к надежной группе соотечественников. Они сказали, что в бетонной камере полиции Колма-ри желание жить у них совершенно пропало. Теперь они покорно пойдут на массовое самоубийство, которое, как они надеются, произойдет очень скоро.

Проректор Пуусари утешила блудных сестер, говоря, что переживать больше не из-за чего. Не случилось ничего непоправимого, дамы просто получили удовольствие от недельного пребывания за границей. Этому можно только порадоваться. Обед затянулся на три часа...

Утром Корпела в холле отеля объявил, что он заправил и вымыл автобус и машина готова к отправлению. Он расстелил на столе карту и указал направление к границе и дальше — на Цюрих. Путешествие закончится часа через два-три.

Самоубийцы вышли во двор католического костела Колмари-там их ждал «автобус Смерти». Из храма доносилась покаянная песнь в исполнении мужского хора. Там шла утренняя месса. Полковник Кем-пайнен предложил проректору Пуусари отвести блудных сестер на богослужение. После всего того, что они натворили за последнее время, им это пойдет на пользу.

Женщины, опустив головы, вошли в двери храма, но через пару минут, красные от стыда, вылетели из них и бросились к автобусу.

Когда автобус тронулся, проректор Пуусари рассказала, что в церкви было полным-полно сердитых местных женщин и их сконфуженных мужей. Они коллективно замаливали грехи, которые мужчины совершили в долине Колмари на прошлой неделе, пьянствуя со шведскими шлюхами.

Глава 29

«Автобус Смерти» Корпелы прибыл в Цюрих утром 1 августа. В городе как раз праздновали окончание картофелеуборочной страды. На праздник прибыли крестьяне из всех картофельных кантонов Швейцарии. Урожай был собран отличный: лето выдалось солнечное и безветренное, мучнистая роса держалась подальше от картофельных полей, так что у всех было хорошее настроение. Некоторые считают швейцарцев самыми примитивными из всех жителей альпийского региона, но что ни говори, в картофеле-то они разбираются.

По случаю праздника город был полон веселых уборщиков картофеля; отели забронированы на неделю вперед; на обочинах дорог теснились машины; в барах и на тротуарах толкотня. Корпела припарковал автобус рядом с университетским холмом, на восточном берегу реки Лиммат, пересекающей весь город. Анонимные Смертники разделились на группы и отправились знакомиться с богатым и красивым городом, где под сводами швейцарских банков лежат на тайных счетах все деньги мира. Договорились встретиться у автобуса в семь часов вечера.

Полковник Кемпайнен вместе с проректором Пуусари препроводили трех буйствовавших в Эльзасе беглянок в венерический диспансер, который располагался в здании медицинского факультета. Дам оставили там для осмотра и посоветовали вовремя явиться к автобусу, чтобы ночевать вместе с остальными.

Группа, которой руководил полковник, отправилась знакомиться с Музеем изобразительных искусств, где в это время проходила выставка произведений Сальвадора Дали — сотни огромных картин. Они произвели на посетителей неизгладимое впечатление. Все согласилось с тем, что Дали еще в молодости сошел с ума, но это сделало его гениальным. И чем старше он становился, тем более усугублялось его помешательство.

Проректор Пуусари и полковник Кемпайнен провели остаток дня, гуляя по улицам Цюриха, сидя в кафе и дивясь бесконечному потоку картофелеводов. Спасаясь от толчеи, они проехали на такси несколько километров в сторону Флюнтерна, где находилось чистенькое городское кладбище. Проректор Пуусари сказала, что в своей жизни повидала много кладбищ, это ее хобби, но такого ухоженного не видела нигде. Кладбище было образцом швейцарского педантизма: дорожки чисто выметены — до последней иголки, цветы подрезаны ровнее, чем борода жиголо, надгробия и памятники выстроились в стройные ряды. Даже здешние белки были одеты как на праздник и вели себя сдержанно и уважительно.

В одном заросшем углу стоял памятник Джеймсу Джойсу — оказывается, именно здесь был похоронен этот известный писатель. Хелена Пуусари сказала, что читала одно произведение Джойса по-фински в переводе Пентти Саарикоски.

— Когда же у нас в Финляндии появятся такие замечательные писатели? — вздохнула она.

— Ну, у нас есть Алексис Киви,^[17] — попытался возразить полковник, но потом вспомнил, что Йоуко Турка^[18] сделал с «Семью братьями». Этот режиссер подбил семерых отъявленных мерзавцев из театрального училища дерзко надругаться над национальным достоянием.

Вечером они случайно наткнулись на группу Ре-лонена, которая восхищалась роскошью города и обилием уличной рекламы. В кафе глотнули пива, и завязался разговор о

мировых финансах и той же рекламе. Тайсто Лааманен, кузнец из Париккала, напомнил, что в прежние времена никто ничего не рекламировал, но тем не менее все работало. Ему бы и в голову не пришло написать в газету объявление, что он подковывает лошадей и отбивает косы. Тенхо Утриайнен, железнодорожный служащий из Исалме, объяснил, что тогдашняя бедность была относительной. У сегодняшнего бедняка денег больше, чем сто лет назад было у зажиточного горожанина.

Он страдал от нищеты потому, что постоянно видел вокруг себя богатых людей и, что еще хуже, рекламу, одна соблазнительнее другой. Утриайнен пришел к выводу, что именно реклама стала основной причиной самоубийств в Финляндии. Зачем жить, если все равно никаких средств не хватит на все соблазнительные товары, которые тебе каждую секунду навязчиво предлагают купить? Утриайнен предположил, что чрезмерная реклама ведет к депрессии и, как следствие, каждый год убивает в Финляндии, по крайней мере, человек пятьсот.

Утриайнен стоял на том, что рекламу надо запретить во всем мире, ведь она стоит гораздо дороже, чем оружие, и народу истребляет больше. По этому показателю Финляндия заняла бы первое место.

Полковник Кемпайнен и проректор Пуусари отправились обедать в старый город, в ресторанчик «Аффелькаммери», где подавали традиционные блюда. «В свое время здесь выпивал маршал Маннергейм по дороге в Цюрих», — рассказал хозяин кабака, услышав, что парочка приехала из Финляндии. Маннергейм, оказывается, был разбитной паренёк. Выпивши, любил показать свою мощь: он подпрыгивал и повисал на самой высокой балке. Но это было еще не все: потом он протискивался между балкой и крышей, в зазор каких-то полметра шириной, и спускался вниз с другой стороны. Редкий швейцарец мог повторить этот трюк: силы не хватало и живот застревал.

Полковник выпил несколько кружек отличного швейцарского пива «Фельдшлоссен» и, окрыленный, решил испытать свои силы на балке Маннергейма. Это и вправду оказалось серьезной «проверкой на вшивость», к тому же форма стесняла его движения. Он приложил все силы, чтобы протиснуться в лазейку Маннергейма. Помогло упрямство. Вернувшись к столу под общие аплодисменты, он испытывал чувство глубокого мужского счастья с примесью солдатской гордости. Хозяин «Аффелькаммери» преподнес герою кружку пива за счет ресторана.

В семь вечера самоубийцы снова были в сборе. Стали думать, где бы переночевать. Все отели и ночлежки в округе захватили покупатели картофеля, поэтому решили просто поставить палатку в парке Плацпроменад, где сходятся реки Лиммат и Сихль-в самом центре, за вокзалом и национальным музеем. Полковник предварительно поинтересовался у полицейского, можно ли поставить в парке палатку. Тот ответил, что не имеет ничего против, если только финны осмелятся войти ночью в парк. Его самовольно захватили сотни местных наркоманов, которые приходят туда после обеда и бесчинствуют всю ночь. Полицейский посоветовал полковнику подыскать другое место для ночлега.

Поскольку других вариантов не было, палатку, белье и трофейные дрова из Вальсроде потащили через мост в Плацпроменад, в его северную часть, где реки, сливаясь, образуют широкое устье.

Там и разбили лагерь. Перед палаткой развели маленький костер.

К самодельному лагерю тут же подтянулось человек сто мужчин и женщин — жалких, нетвердо стоящих на ногах наркоманов. Они кричали, что никто из простых смертных не имеет права ступить на их территорию, и грозились всех поубивать. А трупы утром уберут полиция и ассенизаторы, вместе с трупами не дотянувших до утра наркоманов.

Финны ответили, что проехали всю Европу, от самой северной точки, и не собираются ночевать на улице, тем более что в парке есть свободное место. Они пообещали не беспокоить наркоманов, но те уже не способны были внимать разумным доводам. Тогда полковник и его друзья разошлись и сказали, что все они родом из Финляндии. После этого толпа наркоманов заметно поредела, а остальным пришлось еще раз подумать, не уйти ли по-хорошему после рассказа о массовом избиении в Вальсроде. Для пущей убедительности Уула Лисманки раздал мужчинам окровавленные дрова.

Этот жест заставил наркоманских главарей сменить угрозы на извинения и позволить финнам ночевать здесь столько, сколько им заблагорассудится. Жертвы наркотиков объяснили свое враждебное поведение тем, что привыкли силой добывать деньги на «дурь», да и терять им уже нечего. Они обречены на смерть, у них нет будущего, одно лишь жалкое настоящее.

Финны в ответ сказали, что и у них дела обстоят не лучше. У них тоже нет будущего, поэтому они и решили совершить массовое самоубийство в Швейцарских Альпах. Так что наркоманы зря рассказывали им жалостливые истории о смерти. Они, финны, разбираются в этом лучше, чем кто-либо.

В результате переговоров посреди Плацпромена-да провели демократическую границу, на одну сторону отступили жертвы наркотиков, на другую — тридцать три финских Анонимных Смертника. Наркоманы пообещали не покидать южную часть парка, но полковник все-таки выставил караул. Вахту по собственному желанию приняли оленивод Уула Лисманки и сухопутный капитан Микко Хейкинен, который на ночь специально припас пару бутылочек белого вина. Уула, чтоб убить время, вытащил колоду карт и соленую корюшку на случай голода.

Ночью с реки поднялся влажный туман; его клочья красиво кружили и таяли в свете фонарей и костра. По ту сторону демократической границы стоял гул, но на территорию финского лагеря никто ступить не решался.

Уула Лисманки и Микко Хейкинен затеяли игру в покер и секу. Вначале играли на деньги. Когда сухопутный капитан проиграл все наличные, он предложил поднять ставки. Микко по обыкновению был пьян, да и Уула не то чтобы трезв, так что оба жаждали «продолжения банкета». Хейкинен хотел поставить на кон всю компанию, похрапывавшую в палатке, или по крайней мере наименее ценных членов группы. Игра перестала быть невинной забавой.

— Сыграем на их души!

Решили, что сухопутный капитан возьмет себе тех, кто родился южнее Исалме. Северяне принадлежали Ууле.

Всю ночь сухопутный капитан и оленивод бились в карты у костра, окутанного дымкой. Они, словно два черта, сидели на краю черной реки, глаза горели дьявольским огнем. Из палатки доносился храп ничего не подозревавших заложников игры. Издалека, со стороны

национального музея, слышались отголоски драки, рев несчастных, погруженных во власть видений, и предсмертные стоны.

Но игра продолжалась. Уула Лисманки проиграл сухопутному капитану сначала душу фабричной рабочей из Хаукипутаала, потом — душу пограничника Рясейкконена из Кемиярви и, наконец, — автоторговца Лямся и еще нескольких северян. Под утро счастье все-таки улыбнулось ему, и сухопутному капитану пришлось выкладывать одну душу за другой. Среди них был кузнец Лааманен из Париккала, фельдфебель в отставке Корванен, преподаватель домоводства Таа-витсайнен и инженер на пенсии Хаутала. Хейкинен вынудил противника поставить на кон Хауталу, но через час хитрый оленевод отыграл «свои» души.

Однако в последний момент Хейкинену все-таки повезло, он выложил подряд шестерку, восьмерку, девятку... и поставил на кон Релонена. А когда Уула выкинул на стол душу Лямся и ранее выигранной Аулик-ки Грандштедт, Хейкинен поднял ставки и бросил в огонь душу самого полковника Кемпайнена. Ууле время от времени везло-десять пар и один туз. Раздали предпоследние карты.

— Ты со мной не блефуй, оленекастратель,^[19] — злился сухопутный капитан, в мерцающем ночном свете вытаскивая решающую карту. Это была шестерка пик-то, что нужно! Хейкинен поставил на кон самую дорогую душу, проректора Пуусари, и победно уставился на противника.

Уула Лисманки тут же побил проректора Пуусари Релоненом и Тенхо Утриайненом, Тайсто Рясейкко-неном и парой южанок — их души он выиграл уже после полуночи.

У капитана души закончились, но он был уверен в победе и спросил Уулу, можно ли ему поставить свою собственную душу. Оленеводу идея понравилась: собственная душа, конечно, самая высокая ставка, и нет такой игры, чтобы была ее достойна.

Открыли последние карты. Потрясенный капитан увидел, что Лисманки досталась бубновая десятка, а на кону у них — пиковая десятка. Это судьбоносная карта, последняя в каре. Благодаря Ууле все души капитана угодили прямо в ад, включая и его собственную.

Когда нечего больше ставить на кон, игра кончается. Так и в жизни... Светало. Ночной туман рассеялся, из-за гор поднималось солнце, освещая парк бледным светом.

Полиция, ассенизаторы и представители здравоохранения города Цюриха приехали в парк на машинах. Даже тех наркоманов, что висели на столбах, силой разогнали, собрали в черные пластиковые пакеты окровавленные шприцы и прочий мусор, который успел появиться за ночь, а трупы двух несчастных, погибших от передозировки, на носилках отнесли в тру-повозку.

Победитель Уула Лисманки приготовил на тлеющих углях утренний кофе и разбудил женщин, чтобы те сделали бутерброды. К завтраку пригласили полицию, ассенизаторов и медсестер, которые уже успели вычистить и убрать парк. День будет хорошим, решили полицейские и похвалили вкусные бутерброды с соленой корюшкой.

Глава 30

Потерявшие за ночь души, но не ведавшие о том Анонимные Смертники перенесли свои вещи на борт «флагмана Смерти» и в то же утро снова отправились в путь, к последней точке своего путешествия — в Альпы.

После неполного часа езды они прибыли в Люцерн, красивый старый город на берегах реки Реусс в окружении гор. Через Реусс тянулись деревянные мосты XIV века, их стропила были расписаны фресками, изображающими картины жизни того времени. Анонимные Смертники молча ступили на старый мост и загляделись на бушевавший внизу бирюзово-зеленый водопад. Проректор поделилась с полковником своим наблюдением: чем ближе к Альпам, тем молчаливее становилась их компания. Каждый думал о своих тяжких проблемах, и приближающаяся смерть делала все более серьезными лица людей.

Полковник тоже заметил уныние в команде. Но, по его мнению, это было вполне естественно. Многих охватывает жажда жизни, когда с ней вот-вот предстоит расстаться.

— Я не об этом. Многие стали раскаиваться в своем решении. Я и сама уже не уверена, что хочу умереть, — призналась проректор Пуусари с тоской.

Полковник попросил проректора вспомнить о ее жизни в Тояла. Неужели эти воспоминания стали теплее?

Проректор ничего не ответила. Отсюда, из Люцерна, события в Тояла казались такими далекими, а проблемы — незначительными.

Корпела созвал народ.

— В путь, смертники!

Из окон автобуса открывался дикий швейцарский ландшафт: крутые зеленые склоны, по ним бродят крепконогие коровы; снежные вершины; синее августовское небо. Время от времени дорога исчезала в горных туннелях. В общей сложности автобус проехал уже больше десяти километров. Корпела гнал как черт, казалось, он больше других торопился покинуть сей бранный мир. Дорога пошла вверх, стала узкой и извилистой. Чем выше путники поднимались над уровнем моря, тем прекраснее казался ландшафт, расстилавшийся внизу. В конце концов, они забрались так высоко в горы, что пастбища и леса исчезли из виду.

На одном из склонов путь им преградил шлагбаум, который охраняли два солдата. Они сказали, что в Фуркапассе, на самой вершине, сейчас бушует снежная буря. Туристов туда не пускают. Корпела попросил полковника перевести им, что он поедет в Фуркапасс и дальше, так далеко, как нужно, несмотря на запреты. У него новый автобус, и он прекрасно водит в горах, а дождь и снег ему не помеха. Полковник перевел.

Солдаты ответили, что, согласно прогнозам, через полчаса дорогу все равно перекроют из соображений безопасности, и неохотно подняли шлагбаум. «Автобус Смерти» дал газу и двинулся еще выше в горы. Казалось, он скоро доедет до самого неба. Впрочем, если вспомнить о цели их путешествия, так и должно было произойти.

Наконец автобус с притихшими пассажирами прибыл в Фуркапасс. Холодные дома мужественно противостояли порывам ветра. В одном из них располагалось мрачное кафе, где сидели всего две туристки, старые морщинистые американки.

Вскоре, однако, в кафе ввалились двое запыхавшихся солдат и стали громко возмущаться тем, что водитель с риском для жизни сюда приехал. Дорога должна была быть перекрыта, почему же их не задержали внизу? Полковник объяснил, что он взял на себя всю ответственность. Зачем так кричать, если автобус все равно уже здесь?

Солдаты, однако, продолжали вразумлять упрямого водителя. Они сказали, что сила ветра достигает восемнадцати метров в секунду. На улице трудно удержаться на ногах, снег бьет в лицо, и мороз около десяти градусов. Они достаточно высоко, больше 2400 метров над уровнем моря. В такую дьявольскую погоду не видно даже долины. Здесь берет свое начало река Рён, ее потоки устремляются с ледников в пропасть с таким грохотом, что даже завывание снежной бури не может с ним сравниться.

— Мы приехали, — объявил Корпела. Он приказал Анонимным Смертникам садиться в автобус и попросил полковника перевести солдатам, что он проедет еще километр вверх. Солдаты решили, что Корпела сошел с ума. Он заявил, что он такой не один. Вся их финская группа — одни сумасшедшие. В это солдаты охотно поверили.

Когда все уже сидели в автобусе, инженер на пенсии Хаутала попросил слова. Он сказал, что неизлечимо болен раком, метастазы щупальцами обвили все его тело. Именно по этой причине в начале лета он решил участвовать в путешествии Анонимных Самоубийц. Но сейчас передумал. Ему очень понравились милые альпийские деревеньки. К тому же во время путешествия Хаутала подружился с девушкой из Еес-поо, Тарьей Халтунен, которая тоже была неизлечимо больна. Инженер объявил, что не пойдет на смерть вместе с остальными членами группы, — он хочет провести свои последние дни в каком-нибудь альпийском домике, любясь снежными вершинами гор.

Вся группа изумленно уставилась на Тарью, девушку, которая все время держалась в стороне и ни с кем не разговаривала. Теперь она, краснея, призналась, что больна СПИДом и болезнь зашла уже так далеко, что уже все равно: можно и остаться вместе с Хауталой где-нибудь в альпийской деревне и ждать смерти. Они будут поддерживать друг друга.

Неожиданное признание неизлечимо больных смутило остальных. Некоторые стали обвинять девушку в том, что она скрыла свою болезнь. Они же путешествовали вместе и спали в одной палатке бог знает сколько ночей. Девушка поступила безответственно, она ведь могла заразить кого-нибудь.

Тут проректор Пуусари повысила голос и напомнила остальным, что они все равно собирались умереть.

Эльзасские беглянки в ответ заявили, что тоже не хотят умирать. Они просто проводят друзей до края пропасти и вернутся в Финляндию. Но если Тарья их заразила...

На это полковник Кемпайнен довольно грубо возразил, что дамы своим поведением в Эльзасе подвергли себя большей опасности заразиться разнообразными болезнями, чем путешествуя с Тарьей, так что лучше им помолчать. Нет никаких причин для паники.

Пришел черед Уулы Лисманки вспомнить, что у него нет причин кончать с жизнью. А вслед за ними еще многие объявили, что они больше не хотят умирать. Пусть Корпела отвезет их в ближайшую деревню, потому что в этом богом забытом Фуркапассе даже негде переночевать.

Развернули карту: в тысяче метров вниз и неполных двадцати на юг обнаружили деревню. На бешеной скорости автобус несся по ледяному серпантину, пассажиры визжали от ужаса. Они умоляли Корпелу ехать осторожнее, но автовладелец не унимался. Он кричал в микрофон:

— Мы же сюда умирать приехали! Это был головокружительный пикирующий спуск, настоящий бобслей на автобусе. На одном из крутых поворотов нос мощной машины прочертил дугу над пустотой. Пропasti глубиной несколько километров, разинув рот, ждали своей добычи.

Чтобы разрядить обстановку, горе-оптимист Сеппо Сорьонен попытался рассказать товарищам что-нибудь веселое, но им было не до смеха. Им сейчас так хотелось жить! Сорьонен разозлился — его талант рассказчика в момент опасности грубо растоптали. Он схватил микрофон и обрушил на спутников жуткую страшилку. Она оказалась короткой. Длинную на той бешеной скорости, с которой ехал Корпела, не смог бы рассказать ни один оптимист.

Сорьонен рассказал историю о хорошенькой немецкой девочке, которую украли, когда ей было десять лет. Негодяи растили девочку в одинокой горной избушке, пока ей не исполнилось пятнадцать. Тогда они стали устраивать отвратительные оргии, которые фотографировали и снимали на камеру. Снятый материал продавали порноиндустрии за огромные деньги. Дошло до кровавого разврата, в связи с чем девочку многократно изнасиловали и в конце концов убили. Все это сняли на пленку. Похоронив жертву во дворе, негодяи заметили, что в камере не было пленки. Разозлившись, они убили и оператора, но после этого их арестовали.

Слушая рассказ, Корпела вел автобус в пропасть. В последний момент ему удалось справиться с машиной, и она въехала в деревню.

Дрожащие Анонимные Смертники выскочили из автобуса. Сухопутный капитан первым протиснулся в бар и заказал водку. На сей раз все финны опрокинули по стаканчику. Трясущимися руками подняли бокалы. О смерти никто не заикнулся.

Глава 31

Пенсионеру Ярлу Хаутале и больной СПИДом Тарье Халтунен так понравилось в Мюнстере, что они решили снять для себя комнатку на самом верхнем этаже гостиницы и провести там последние дни жизни. Они забрали из автобуса свой скромный багаж и зашли в ресторан попрощаться с остальными.

Хаутала поблагодарил Анонимных Смертников за заботу и дружбу, которую они проявили во время долгого путешествия. Он совсем растрогался, когда заговорил о жестокой судьбе и кратковременности жизни. Многие украдкой смахивали слезы.

В маленькой альпийской деревне не хватило кой-ко-мест для всей финской группы, и пришлось снова разбить лагерь. За забором мюнстерского кладбища обнаружилась лужайка, как раз для палатки.

Проректор Пуусари и полковник Кемпайнен отправились знакомиться с кладбищем. Оно располагалось на обрыве, и оттуда открывался восхитительный и первозданный вид на долину реки Рён. На кладбище было полным-полно надгробий каких-то Бахеров: Йозеф, Мария, Адольф, Фрида, Оттмар... Судя по могилам, в деревне жили одни Бахеры.

Проректору Пуусари мюнстерское кладбище показалось идиллией. На таком маленьком погосте и она хотела бы лежать после смерти. Как знать, может быть, швейцарцы и примут здесь всю их туристическую группу? Не поможет ли Ярл Хаутала устроить здесь последний приют для самоубийц? Надо с ним об этом поговорить.

Корпела пришел спросить, останутся ли они еще на одну ночь. Если нет, он соберет всех в автобус и низвергнет наконец в пропасть, как было условлено. Полковник решил, что такое важное дело еще надо обдумать, утро вечера мудренее. Корпела ответил, что в таком случае он вернется в ресторан и хорошенько напьется.

Пьяный сухопутный капитан хвалился местным старикам, что принадлежит к группе, которая наверняка войдет в историю Швейцарии. Хорошенько заинтриговав слушателей, Хейкинен наконец рассказал им, зачем приехала сюда их компания. Вначале местные жители приняли его речи за пьяный бред, но после того как остальные финны подтвердили слова своего товарища, старики поспешно покинули ресторан.

Вечером финны поужинали в том же ресторане жареной форелью, запивая ее вином. Еда была превосходная, вина вдоволь, но настроение — препоганое.

С улицы послышались звуки гармонии. Полковник и проректор Пуусари удивились: кто бы это мог играть? Выйдя на террасу, они увидели, как сухопутный капитан запихивает монеты в деревянного старичка, держащего в руках механическую гармошку и в такт мелодии покачивающего головой. Микко Хейкинен был совсем пьян; он проникся доверием к механическому гармонисту и плакался ему, как проиграл свою душу в карты, а после хвастался, что скоро умрет. Он был безутешен, и полковник Кемпайнен предложил ему отправиться спать. Капитан попытался приосаниться, пристально посмотрел на полковника остекленевшими глазами и нетвердой походкой направился к кладбищенской ограде, туда, где стояла палатка.

Щебетали ласточки, ленивая кошка нежилась на лужайке перед гостиницей. Погода прояснилась, повеяло летней свежестью. Полковник Кемпайнен признался проректору Пуусари, что тоже не хочет завтра бросаться в пропасть вместе с автобусом. Герман взял Хелену за руку, опустился на колено и откашлялся. Он собирался сделать ей предложение. Но в этот момент колокола на мюнстерской католической церкви пробили шесть раз, и полковник сбился. Смущенный, он поднялся с колен и сказал, что пойдет посмотреть на лагерь. Проректор печально смотрела ему вслед.

Вечером спалили последние окровавленные поленья. Они больше не понадобятся. Как славно они горели! Запекшаяся кровь немецких хулиганов шипела в костре Анонимных Смертников, создавая суровый уют... Уула раздал последние корюшки, оставшиеся на дне бочонка. Их съели, преломив швейцарский ячменный хлеб. Кто-то сказал, что эта трапеза напоминает Тайную вечерю, только вместо Иисуса у них Уула Лисманки, а все они — Анонимные Смертники — в роли апостолов.

Женщины затянули тихую песню. Это была грустная народная песня Южной Похьялы. Даже полковник, оказалось, ее знает. «Ветерок гнет стволы берез...»

На закате в лагерь пришли шесть крепких стариков, которые назвались представителями кантона Валлис. Они были серьезны и, судя по всему, пришли по важному делу. Полковник пригласил их к огню и предложил разделить с компанией скромный ужин — корюшку, хлеб и вино.

Оказалось, что уполномоченные органы кантона вечером провели экстренное заседание и отправили к финнам делегацию. Проблема состояла в том, что жители кантона Валлис не одобряли намерения финнов совершить массовое самоубийство в их районе. По мнению делегации, самоубийство само по себе дьявольское дело, а уж массовое — тем более. Не для того Бог людей создал, чтобы они сами себя жизни лишали. Люди должны плодиться и размножаться, а не уходить из жизни, когда им вздумается. К тому же по закону в Швейцарии запрещены массовые самоубийства.

Полковник Кемпайнен поблагодарил представителей кантона за их заботу, но добавил, что у финнов нет привычки принимать советы от незнакомых людей, тем более в таком важном деле. Он спросил, откуда им известно о намерениях группы. Делегация сказала, что получила достоверные сведения о предстоящем массовом самоубийстве от одного из членов финской группы, который хвастался, что за ночь до этого проиграл дьяволу в карты свою душу. Старики в жизни не слышали ничего более ужасного. Они строго-настрого запретили финнам нарушать мюнстер-ский покой и выразили надежду, что на следующее утро гости их покинут.

Полковника начинали злить эти разговоры. Ну и ну! Неужели финны не могут спокойно путешествовать по чужой стране так, чтобы в их дела никто не вмешивался?! Полковник поблагодарил делегацию за предупреждение, но не обещал откликнуться на их призыв. Он сказал, что финны — народ упрямый и всегда осуществляют то, что задумали. На упертых финнов невозможно повлиять. Финляндия — суверенное государство, и у его граждан есть конституционное право самим решать, что и где им делать.

Старики ответили, что они имеют право запретить массовое самоубийство на своей территории и полковнику следует принять это во внимание. Еще они добавили, что финны, по-видимому, просто сумасшедшие.

Полковник вспомнил один эпизод из истории Швейцарии. В начале первого тысячелетия все тогдашние жители Швейцарии сожгли свои дома, покинули горы и отправились на юг. Их было 370 000 человек. Они хотели найти новое место, более подходящее для жизни. Швейцарцы пришли на территорию современной Италии. Римские легионы грубо выдворили путешественников, и пришлось им вернуться восвояси. Возвращение на пепелище наверняка было тяжелым. Достаточно вспомнить эту историю, и станет ясно, что со стороны представителей кантона не очень-то разумно учить финнов, что правильно, а что нет.

Назревала ссора, но разгореться не успела. Тихий альпийский вечер неожиданно пререзал страшный крик. Эхом прокатился он по горам и ущельям. Крик звучал так жалобно, что всех бросило в дрожь. Старики кантона рухнули на колени и принялись истово молиться. Они решили, что это последнее знамение.

Вскоре до лагеря дошли слухи, что один финн поскользнулся и упал в ущелье у реки Рён, в ста метрах отсюда. Нужна мужская сила, чтобы вытащить тело.

В деревне им дали носилки и указали тропу к ущелью. Дорогу освещали карманным фонариком. Сверху свидетели происшествия кричали, где, по их предположениям, надо искать жертву.

Спустя некоторое время несчастного нашли. Это был сухопутный капитан Микко Хейкинен. Мертвое тело, холодное и тяжелое, словно якорь, спина сломана, но бутылка вина в руке по воле случая осталась цела. Впрочем, на этом чудеса не кончились.

Тело на носилках принесли к гостинице. Врача в деревне не было, да и зачем трупу врач? Умер так умер.

Пенсионер Ярл Хаутала вышел из комнаты посмотреть на тело погибшего друга. Он скрестил руки покойника на груди и закрыл ему глаза. Проректор Пуусари вытащила из окоченевшей руки бутылку. Это был только что открытый «Рислинг» 1987 года, хорошего разлива. Первый глоток был сделан, он оказался и последним.

Полковник объявил представителям кантона, что, так как дело приняло неожиданный и серьезный оборот, он вынужден изменить свои планы. Массового самоубийства в Мюнстере не будет, так что господа могут спать спокойно. В Финляндии в случае траура игры всегда отменяются, где бы они не проходили.

Хаутала предложил Анонимным Смертникам отправиться на автобусе через Францию и Испанию в Португалию.

— Почему туда? — заворчал Корпела. Его можно было понять — до португальской границы еще сутки непрерывной езды.

Ярл Хаутала сказал, что в Португалии, в местечке Алгарви, на западном берегу есть мыс Сагреш, который называют мысом Конца Света, потому что раньше известная людям территория земли заканчивалась именно там. Это самая западная часть Европы. Хаутала видел открытки с изображением этого восхитительного места. Если автобус сбросить в море с мыса Конца Света, это верная смерть, — настаивал Хаутала.

Хаутала обещал позаботиться о теле сухопутного капитана, если все остальные отправятся из этой несчастной земли в Португалию, на солнечный берег Атлантики.

Полковник решил ехать.

— Утром в шесть, сразу после завтрака, соберем лагерь и в путь.

Старики кантона опустили на колени перед трупом капитана, скрестили руки на груди и обратили полные слез глаза к звездному небу. Они благодарили милостивого Господа за то, что финны решили покинуть их деревню и кантон. Они даже пообещали купить на средства кантона цинковый гроб, в котором тело несчастного будет предано матери-земле.

Глава 32

С утра автобус-смертник покинул Мюнстер и злобно рванул вниз. В Женеве самоубийцы были уже в девять. Там Корпела заправился. Полковник с проректором Пуусари вышли из автобуса-они договорились полететь в Лиссабон на самолете. У полковника были на то свои причины — он хотел побыть вдвоем с Хеленой Пуусари.

Договорились встретиться через неделю на мысе Конца Света. Корпела поинтересовался, где именно полковник и проректор будут ждать Анонимных Смертников. Полковник сказал, что они поселятся в самом южном отеле Европы, если таковой найдется.

Итак, полковник и проректор полетели в Лиссабон, правда, через Лондон, а оттуда поехали на туристическом автобусе в Сагреш, в трехстах километрах к югу от столицы. Парочка поселилась в отеле «Риома-ри», который, без сомнения, был последним пристанищем на южном направлении.

Через четверо суток вечером во двор отеля въехал автобус Корпелы. Встреча была радостной. Полковник устроил в зале отеля праздник по случаю приезда друзей: на стол выставили различные морские деликатесы и местное белое вино.

Путешественники были в хорошей форме, несмотря на 3500 километров, которые они проехали без остановки. Корпела сказал, что они с Корваненом по очереди сидели за рулем. Они ехали через Лион и Барселону, оттуда в Мадрид, далее — в Лиссабон — и вот они здесь. В Мадриде в финском посольстве взяли свежие газеты. Главной новостью в прессе было исчезновение Уулы Лисманки. На родине его объявили в розыск. Оказалось, что он украл у какой-то американской съемочной группы сотни тысяч долларов. Прочитав газеты, Уула согласился принять участие в массовом самоубийстве.

Но тут сомневаться в целесообразности самоубийства начали все остальные. Один за другим они стали высказываться в том смысле, что мир все-таки неплохое место, стоящее того, чтобы здесь жить, и проблемы, которые в Финляндии казались невыносимыми, отсюда, с другого края Европы, кажутся пустяковыми. Длинный путь вместе с товарищами по несчастью возродил в них желание жить. Хорошая компания вернула чувство собственного достоинства, расширила взгляд на мир. Жизнь обрела новый смысл. Будущее казалось гораздо светлее, чем они могли себе представить еще в начале лета.

Не последнюю роль в повышении общего тонуса сыграл и горе-оптимист Сеппо Сорьонен. Во время долгой дороги он по привычке развлекал Анонимных Смертников забавными историями. Когда они проезжали по Испании с ее оливковыми долинами, Сорьонен стал вспоминать финские разносолы, с которыми познакомился еще в детстве в Карелии.

Сорьонен рассказал историю о некоем Сухонене, владельце огромного дома где-то в Нурмесе, у которого, к сожалению, был только один наследник, и тот — дочка. Девушка была худощава и не то чтоб очень красива: кривые ноги и вспыльчивый характер, как у многих дочерей богатых отцов. Кандидатов в мужья она прогнала одного за другим, пока в конце пятидесятых какому-то бродяге не удалось ее совратить. Су-хонен не стал сильно горевать, а устроил для дочери и бродяги самую грандиозную за последние сто лет свадьбу. Пригласили жителей со всей Северной Карелии. Праздновали трое суток, а угощение прославилось на всю страну.

На праздничный стол во дворе дома, в тени берез, выставили всевозможные финские деликатесы. Там была и рыба всех сортов: тушеный сиг, прибрежная рыбка, соленый лосось, корюшка в горчице, рулеты из корюшки, копченый сиг, зажаренный в печи судак, запеченная щука и запеканка из лосося. В больших мисках — икра и сметана, соленые огурцы, мед, консервированный лук, каша из толокна, квашеная капуста, соленые грибы, маринованная свекла, помидоры, тертая репа и винегрет с селедкой.

Кроме рыбы, гостям предложили несчетное количество мясных блюд: бараньи ребра, копченое мясо, копченое оленье жаркое-сяря в больших деревянных корытах. Были поросята, целиком зажаренные в печи, жаркое из зайца, лосятина в горшочке, дичь, приготовленная разными способами. Студень, тушеная капуста с бараниной, печной сыр,^[20] запеканка из брюквы, блины... и, конечно, гора карельских пирожков с соусом из масла и измельченных яиц.

Различная выпечка, торты и печенье с корицей, малиновое желе и кисели, разумеется, подавались с кофе, коньяком и ликерами. За хлебом для гостей поставили пятисотлитровую канистру с пивом — пейте на здоровье!

За три дня гостей за праздничным столом побывало человек триста. Но еды всем хватило!

Три дня народ ел, пил и прославлял молодоженов. Это была такая грандиозная свадьба, какой никто раньше не видывал. Хозяин за все платил с улыбкой. Он хвастался всем, мол, когда в большой дом приходит зять, не стоит скупиться. Пусть знает, куда попал: где хорошо едят, там усерднее работают. Бродяга кивал в ответ на речи хозяина. Ответственность за содержание дома взвалили на него всей провинцией.

Благодаря этой свадьбе в Нурмесе и его окрестностях образовалось свыше тридцати парочек. Так всегда бывает, когда триста человек едят, пьют и танцуют несколько дней подряд. Сорьонен уверял, что за тот год в Северной Карелии не произошло ни одного самоубийства, настолько успешной оказалась свадьба.

Зловредный оптимист Сорьонен поделился с Анонимными Смертниками рецептами некоторых финских деликатесов — вдруг пригодятся. Они понравились всем, кроме Уулы Лисманки, который сказал, что за последнее время пресытился земными благами.

Во время долгой дороги из Швейцарии в Португалию среди самоубийц образовались новые парочки. Друг познается в беде, и общая доля сблизила мужчин и женщин. Релонен и Ауликка Грандштедт сели рядышком. Они объявили, что поженятся, как только Релонен разведется со своей женой. Фабрикант Хяки-нен и фабричная работница Лена Мяки-Ваула, директор цирка Сакари Пиипо и банковская служащая Хелена Никула обручились в Мадриде. Пограничник Рясейкконен, автоторговец Лямся, фельдфебель Корванен и железнодорожный служащий Утриайнен тоже нашли своих избранниц, у всех были свои планы.

Проректор Пуусари в свою очередь поделилась новостью: она решила принять предложение полковника и выйти за него замуж. Больше всех удивился сам Кемпайнен: он пока еще не успел сделать проректору предложение, его попытка была прервана звоном колоколов в альпийской деревне. Полковник смутился, покраснел — а ведь этого с ним не случалось уже десятки лет. От счастья он кланялся во все стороны, пока Хелена Пуусари не взяла его за руку и не успокоила.

Глава 33

Охваченные общим весельем, несостоявшиеся самоубийцы отправились посмотреть на мыс Конца Света — «Cabo de Sao Vicente», где высился форт времен Генриха Мореплавателя. Место оказалось действительно великолепное. Отвесные скалы высотой около шестидесяти метров возвышались над бирюзово-синим океаном, и его пенистые волны с громом разбивались о каменные стены. Море здесь было теплое, совсем не такое, как на Нордкапе, и не ревело так злобно, как Северный Ледовитый океан.

Автовладелец Корпела сказал полковнику, что путешествие из Пори по всей Финляндии до Нордкапа, а оттуда через всю Европу — сюда, на мыс Конца Света, было самым безумным мероприятием в его жизни.

— Ты говоришь это потому, что мы все еще живы? — спросил полковник.

Пока остальные веселились, задумчивый оленивод Лисманки забрался в «Автобус Смерти», взял инструкцию по вождению и уселся за руль ее изучать. Уула решил научиться водить автобус. Это умение понадобилось ему именно сейчас.

В инструкции было пятьдесят страниц. Уула в жизни не водил ничего, кроме мотосаней. Надо напрячься, если хочешь запустить эдакий автобус-люкс.

На щитке управления было штук 30 датчиков. Прошло время, прежде чем Уула разобрался, для чего нужно, например, зажигание. Еще предстояло разобраться с датчиками тормозного давления в передних и задних колесах. Ключ зажигания нашелся, но завести машину оказалось не так-то просто. Сначала предстояло изучить тормоза и переключение скоростей. Коробка передач в машине была десятиступенчатая.

Два часа Уула в поте лица изучал инструкцию. Из форта доносились шутки и песни самоубийц. Некоторые даже танцевали на Розе ветров, покрытой старинными каменными плитами. Уулу тошнило от всеобщего веселья. Стиснув зубы, он продолжал учиться.

Наконец оленивод продвинулся настолько, что решился попробовать завести машину. Он действовал строго по инструкции: проверил, включен ли ручной тормоз, установил коробку переключения скоростей в позицию N и нажал на газ. Затем выжал сцепление и повернул нужный рычаг. Убедился, что горят лампы давления масла, зарядки и ручного тормоза. Ключ зажигания готов был привести в движение четыреста лошадиных сил мотора. Лампы давления масла и зарядки погасли. Мотор взревел.

Для большего эффекта Уула повернул руль, вдавил педаль газа и отпустил сцепление. Автобус тронулся, поднимая пыль. Мотор работал хорошо, стрелка на спидометре поднималась на глазах. Машина промчалась мимо танцующих смертников. Они застыли, глядя на автобус, летящий на бешеной скорости, за рулем которого сидел перепуганный оленивод. Уула махнул им рукой на прощание и на полной скорости проехал мимо развалин древней крепости прямо к обрыву, а оттуда — сломя голову-через стальные перила — на запад, в Атлантику. Автобус-смертник соскользнул с дорожки и пролетел еще метров сто. Потом со страшным грохотом ударился о морские волны и перевернулся набок. Огни погасли, автобус стал медленно погружаться в воду, как военный корабль, пробитый торпедой.

Анонимные Смертники рванули к краю обрыва, но успели увидеть только мелькнувший бок автобуса и название фирмы Корпелы. А потом им осталось только созерцать пенную зыбь, которая докатилась сюда с другого берега океана, из Америки, схватила автобус в свои объятия и унесла в пучину вместе с олениводом Уулой Лисманки.

Океан долго пенился в том месте, где саам с сопки Утсйоки затонул вместе с туристическим автобусом. Самоубийцы медленно отошли от края обрыва. Несколько километров до Сагреша они шли молча. Там полковник Кемпайнен и автовладелец Корпела заявили в полицию о несчастном случае. Корпела сказал, что автобус сам почему-то покатился к морю. Полковник Кемпайнен добавил, что вместе с автобусом утонул и один из членов их туристической группы, оленивод Уула Лисманки.

Полиция сообщила о пропавшем автобусе в службу морской охраны. Оттуда пришло патрульное судно. Оно не обнаружило в море никаких следов, даже масла.

Массовое самоубийство Анонимных Смертников отменилось по техническим причинам. Орудие самоубийства ушло на дно океана, а автовладелец Корпела не собирался искать новый автобус. Если у висельника нет веревки, он не сможет повеситься.

Самоубийцы единодушно решили, что смерть, конечно, самое важное дело в этой жизни, но и оно может подождать.

Глава 34

У старшего сыщика Эрмея Ранккала выдалось нелегкое лето. Он распутывал важное, но очень сложное дело, которое съедало все его время и энергию. Он снова и снова ловил себя на том, что постоянно думает об этом деле, так что даже не смог догулять отпуск — пришлось вернуться на службу и продолжить расследование.

Причиной, по которой сыщик прервал свой отпуск в конце лета, было сообщение, отправленное таможенником Топи Олликайненом со станции между Энонтекио и Каутокейно. Олликайнен сообщал, что охранная полиция Финляндии проверила туристический автобус при пересечении границы. Марка автобуса и номер совпали с указанными в запросе. Кроме того, Олликайнен сообщил, что в дверях автобуса стоял его знакомый, оленевод из Утсйоки Уула Лисманки, который прокричал ему что-то о смерти. Зная Лисманки, Олликайнен подумал, что это просто глупая шутка. Лисманки вообще большой шутник.

Потом из Инари пришло сообщение от местного поверенного: полковник Кемпайнен разговаривал с ним и сказал, что собирается поехать со своей группой на Нордкап. В Ивало он оформлял паспорт для одного своего друга, оленевода Уулы Лисманки.

Старший сыщик вылетел в Северную Норвегию, на Нордкап. Он снова напал на след пропавшего автобуса: двое немецких орнитологов и их финский приятель рассказывали местным жителям о забавном случае на скалах Нордкапа. Якобы финский туристический автобус собирался съехать с края Нордкапа прямо в океан. В последний момент водитель передумал и развернул автобус. К сожалению, очевидцы уже уехали. Ранккала изъездил Северную Норвегию вдоль и поперек и нашел несколько мест, где успела побывать эта компания. Самые свежие следы вели на юг, в Хаапаранту, но там они снова обрывались.

Ранккала немедленно вернулся в Хельсинки. На основании всей имеющейся информации он сделал вывод, что в деле замешана опасная организация, которая собирается совершить массовое самоубийство огромных масштабов. Опасности подверглось около тридцати финнов. Какие еще противозаконные намерения были у тайной экспедиции, этого Ранккала пока не знал. Но дело приняло такой оборот, что его необходимо было обсудить с начальством.

Инспектор Хунттинен из охранной полиции ознакомился с материалами, которые Ранккала собрал за лето, и сразу же объявил, что дело серьезное и осложнено многими запутанными обстоятельствами. Получалось, что по миру носится финский туристический автобус, и жизни его пассажиров угрожает опасность. Часть тайного общества самоубийц, а может, и все могли быть замешаны в сомнительных внешнеполитических и военных проектах. Хунттинен решил созвать внеочередное заседание, куда пригласил чиновников из различных сфер госуправления: из Министерства иностранных дел, из Центральной полиции, из университетской психиатрической клиники, Центра туризма и, конечно, охранной полиции, которая вела это дело.

Совещание проходило в баре «Ателье» отеля «Торни». Инспектор охранной полиции довольствовался бы и местом поскромнее, но представитель Центра туризма сказал, что привык к совещаниям на высшем уровне, и пообещал, что счет будет оплачен представляемой им организацией.

Участники заседания единогласно решили, что автобус надо как можно скорее задержать. Будет ужасно, если тридцать финнов уйдут из жизни. Международной репутации

Финляндии будет нанесен непоправимый ущерб, подчеркнул представитель Центра туризма. Если выяснится, что группа, руководимая полковником и бизнесменом, с заранее обдуманном намерением собирается покончить жизнь самоубийством, пострадает не только финский туризм, но и экономика и экспорт. Что можно подумать о государстве, граждане которого кончают жизнь самоубийством большими группами, да еще и едут для этого за границу?

Полиция считала, что ничего противозаконного тут нет. Не придется даже просить помощи у Интерпола. По закону полиция разыскивает только преступников, а не чудаков.

Все посмотрели на психиатра. Может ли он чем-нибудь помочь? Члены этой туристической группы, безусловно, сумасшедшие, они опасны не только для государства, но и прежде всего для самих себя. Если врач выпишет всем им направления в ближайшую психбольницу, дело можно будет закрыть. Психиатр согласился, но засомневался, возможно ли объявить сумасшедшими сразу всех членов туристической группы.

— Так надо. Во имя сохранения репутации финского народа, — сказали инспектор Хунттинен и сыщик Ранккала. Однако врач не одобрил эту идею и проворчал, что в фашистской Германии использовались такие же доводы, чтобы сажать людей в концлагеря.

Хуже всего было то, что никто не знал, где сейчас автобус тайных самоубийц.

Заседание не обошлось без легкого обеда. Старший сыщик Ранккала довольствовался супом и вегетарианской пищей, спиртного не пил. Он жаловался врачу, который сидел напротив, что этим летом его желудок совсем расстроился, и началось это с тех пор, как ему поручили дело самоубийц.

Инспектор Хунттинен добавил, что подобные симптомы наблюдаются у всех служащих охранной полиции. Работа нервная и неблагодарная. По сравнению с обычными полицейскими, детективы охранной полиции страдают животом вдвое чаще. Психиатр подтвердил, что эта профессия часто вызывает психосоматические расстройства.

На совещании решили попросить Министерство иностранных дел уведомить все европейские посольства и консульства, чтобы те обратили внимание на странную группу финнов, путешествующих в автобусе с указанным номером.

Третье заседание началось с тревожных новостей. Организация самоубийц ввязалась в массовую драку в маленьком городке Вальсроде в Федеративной Республике Германия. Об этом сообщило торговое представительство в Гамбурге, которое в свою очередь получило эту информацию от немецкой полиции. Охранная полиция занялась этим делом, и чем глубже полицейские в него погружались, тем яснее становилось, что это не была обычная драка. По сведениям военных из посольства в Бонне, которых вызвали на место потасовки, инцидент можно было назвать малой войной: финскими войсками командовали офицеры во главе с полковником. Битва закончилась победой финнов.

После этого заседания участились и стали происходить два раза в неделю. Желудок детектива Ранккала обливался кровью.

Но худшее было еще впереди. Французские чиновники из Эльзаса связались с финским посольством в Париже и сообщили о депортации из страны трех финских женщин, которые вполне могли принадлежать к вышеназванной тайной группировке.

Депортированные гражданки перевернули всю жизнь в винной долине. Оттуда автобус направился в Швейцарию. Томимые дурными предчувствиями, все ждали новых вестей о передвижениях автобуса. И скоро их получили.

На сей раз тревогу забило финское посольство в Швейцарии. В кантоне Валлис побывала группа финских туристов, которые вели себя странно и даже угрожающе. Финны под руководством некоего офицера собирались совершить массовое самоубийство в альпийской деревне. Благодаря решительным действиям представителей кантона их намерениям удалось помешать. Но один финн все-таки погиб при загадочных обстоятельствах. Личность погибшего была установлена: это был алкоголик, смотритель судов во внутренних водах из Савонлинны. Тело в цинковом гробу переправили на родину погибшего и там похоронили. Вскрытие, проведенное в Швейцарии, показало, что причиной смерти стало сильное алкогольное опьянение вкупе с повреждением позвоночника.

Из Мюнстера тайная группировка отправилась то ли в Италию, то ли в Испанию.

К этому времени полиции удалось разобраться с кражей в Утсйоки, которая произошла в начале лета. В ней подозревали оленевода, некоего Уулу Лисман-ки. Старший детектив охранной полиции был с ним знаком. Лисманки украл сотни тысяч долларов у съемочной группы из США. Для съемок фильма в Утсйоки построили настоящий концлагерь. Разрешения на постройку тюрьмы Финляндия не давала. Проект закрыли. Роль Лисманки в постройке частного концлагеря пока не выяснена.

Желудок детектива Эрмея Ранккалы не выдержал свежих новостей. Его рабочая нагрузка к концу лета возросла до предела. Он плохо спал, есть не хотелось, пить — тем более. Он даже поседел. Однажды в субботу, сидя в канцелярии наедине со своими бумагами, Эрмей Ранккала взглянул на часы. Было одиннадцать вечера. Ранккала закурил очередную сигарету—он уже перестал вести им счет, — отпил из стакана глоток безвкусной воды. На душе было так тяжело, как будто его подозревали в какой-то подлости и он ждал допроса.

Старший детектив устало подумал, что человек на допросе — как репчатый лук, а допрашивать — все равно что чистить лук. Очистишь от лжи — появится белая правда, здоровая и вкусная сущность. Но глаза допрашивающего всегда в слезах... Такова жизнь. В конце концов, этот лук режут на кусочки и жарят в масле. Детектив почувствовал, как к горлу подступила жгучая тошнота. Голова закружилась.

Славный детектив рухнул на пол, сигарета жгла пальцы, изо рта сочилась кровь. Ранккала понял, что это конец, и успокоился. Самоубийство излишне. Смерть и так взяла свое.

Послесловие

О внезапной смерти старшего детектива Эрмея Ранккала с горечью сообщили на очередном заседании в «Торни». Все встали и выдержали минуту молчания как дань уважения к памяти погибшего. В течение этой минуты все думали о том, обязаны ли они присутствовать на похоронах детектива, но инспектор Хунттинен не счел это нужным. Он сказал, что сам все организует. Он привык к тому, что жизнь его подчиненных не бесконечна. По словам инспектора, у Ранккалы не осталось даже вдовы.

Пролистали незаконченный рапорт покойного. Ничего нового там не обнаружилось.

По обычаю заказали легкий ужин, обсудили результаты работы. Они обнадеживали.

За автобусом с таинственными самоубийцами удалось проследить по всей Европе. Всем отправили телеграммы, всех предупредили. Посольства Финляндии, консульства, европейские филиалы Центра туризма, полиция, министры, канцлеры, врачи, послы — все были введены в курс дела.

Совет решил продолжать преследование автобуса. Собирались они теперь раз в неделю, в одном и том же месте, в один и тот же час. Следы тайного общества самоубийц терялись в Центральной Европе. Этот фактор препятствовал их заседаниям, столь важным для государственной безопасности и национальной репутации. Больше никаких новостей не поступало. Прошло несколько лет.

Анонимные Смертники разошлись с мыса Конца Света каждый своей дорогой. Почти все остались в живых и умирать не собирались. Релонен и Ауликка Грандштедт вскоре после полета Уулы Лисманки отправились в Лиссабон, где провели пару месяцев. Они взяли с собой директора цирка Сакари Пииппо, который устроился фокусником в лиссабонском шапито. А пара вернулась в Финляндию. Вдвоем они открыли в Оулу маленькую транспортную фирму.

Пограничник Рясейкконен и фабричная рабочая Мяки-Ваула поженились и переехали в Муонио, где глава семьи получил место на таможне. Автоторговец Лямся со своей молодой женой вернулся в Кууса-мо и снова продает там автомобили, только другой марки. Кузнец Лааманен остался доживать свои дни в Португалии, узнав, как дешево там можно жить и умереть. Ему составил компанию служащий железной дороги Тенхо Утриайнен, который устроился в туристический центр Альбуфейры смотрителем водных гор — тоже какое-никакое транспортное средство.

Эльза Таавитсайнен вступила в переписку с Алва-ри Курккиовуопио из Киттиля и со временем стала вести хозяйство в его доме. Фельдфебель в отставке Корванен отправился на Ближний Восток военным инспектором ООН. На первую зарплату он купил себе в «Tax free» очень дорогой джип. О Корванене до сих пор говорят, что он талантливый военный, который не боится смерти, а, наоборот, словно сам ее ищет.

Пенсионер Ярл Хаутала и его молодая смертельно больная подопечная Тарья Халтунен, к их собственному удивлению, жили месяц за месяцем. Потом выяснилось, что метастазы рака у Хауталы перестали распространяться и вирус СПИДа у девушки оказался в латентной позиции. Живя в Мюнстере, Хаутала даже написал научный проект для дорожной службы Финляндии 2000 года, уделив особое внимание необходимости заранее посыпать дороги солью, дабы предотвратить аварии. Государственный центр научных исследований счел эту работу новаторской и издал как книгу. Говорят, Хаутала уже умер.

Маляр Ханнес Йокинен и Лизабет Корхонен в добром здравии вернулись домой. Они и по сей день живы и иногда встречаются. Жизнь наладилась, и серьезных проблем у них больше нет. А если появятся, то бывшие путешественники-экстремалы, которые перенесли и более серьезные испытания, смогут с ними справиться.

Автовладелец Корпела получил страховку за утонувший в море автобус. Инвестиции не исчезают и не тонут — они остаются. Из этих денег Корпела покрыл убытки своей фирмы за прошлый год, а затем продал ее. Когда была обнародована цифра его имущественного налога, Корпелу пригласили стать членом Рыцарей Пори.

Проректор Пуусари и полковник Кемпайнен поженились. Хелена переехала из Тоялы в Ювяскюля; на прощание ее наградили медалью за работу по воспитанию нации, которую

вручил Женский комитет области Тояла, то есть те самые стервятницы, что когда-то распространяли о ней злые сплетни. Так меняется мир. Жизнь нас многому учит.

Полковник Кемпайнен обратился в Совет оборонных сил с просьбой об увольнении и пенсии и получил и то и другое. А потом еще и дочку, которую ему без всякого официального обращения родила проректор Пуусари.

Зловредный оптимист Сеппо Сорьонен на собственные средства издал сказку о жилищном кризисе белок, но критика ее так и не оценила. Книгу упрекали в том, что она далека от реальности, слишком оптимистична, легкомысленна и по-детски наивна. Теперь Сорьонен весьма успешно трудится официантом в ресторане «Саванна» и собирает материал для толстого ресторанный романа.

Оленевод Уула Лисманки отродясь не умел плавать, но океан этому быстро учит. С горем пополам Уула вылез из тонущего «автобуса-смертника», и пенящиеся волны вынесли его на поверхность. Он вдоволь наглотался соленой воды, вокруг плавали любопытные акулы-убийцы и нюхали его зад, но так и не напали. Рыба не всегда заглатывает наживку, это Уула знал как никто другой. Видимо, на воде способны держаться не только женщины-ведьмы, но и мужчины-шаманы.^[21]

Через два часа старого безымянного оленевода выловили рыбаки со старого португальского судна, которое ловило треску в водах Ньюфаунленда. Уула много ночей сушил на баке свои тысячи долларов и только после того как высушил их и спрятал, смог тоже заняться рыбалкой. За два месяца Уула научился говорить по-португальски, что неудивительно, ведь саами и португальский — очень созвучные языки. Португальский произошел от простонародной латыни, а саамский — от оленьего мычания.

Во время свадебного путешествия в Сагреш проректор Пуусари и полковник Кемпайнен случайно встретили избитого ветрами моряка, разговаривавшего по-саамски с товарищами, с которыми прошел огонь и воду. Они узнали Уулу. Он сказал, что ему живется хорошо, он рыбачит в Атлантике. Теперь его зовут Ulvao Sao Lismanque.

— В переводе значит: Уула Святой Лисманки.

Примечания

1

Северная часть Финляндии. (Здесь и далее — примеч. перев.)

2

Финская водка с лакрицей.

3

Хумалаярви — «пьяное озеро».

4

Каллио-дешевый район в центре Хельсинки.

5

Лапуасское движение в Финляндии.

6

Суоменлинна — военная крепость, расположенная на острове рядом с Хельсинки.

7

Ваппу — праздник 1 мая в Финляндии.

8

Мыс Нордкап — самая северная точка Европы.

9

Калотт — название северных районов Финляндии, Швеции, Норвегии, имеющих общие географические, экономические и этнографические условия.

10

«Финская армия не умеет плавать, она „марширует" по дну на животе» — финская пословица.

11

В Финляндии фермеры обязаны ежегодно сообщать о количестве рогатого скота, которым они располагают.

12

Крупная финская компания по производству дизельных моторов для кораблестроения.

13

Маленькое Рождество в Финляндии празднуют на рабочих местах и в школах в декабре, до настоящего Рождества.

14

Похьянмаа — северный район Финляндии. Считается, что люди из Похьянмаа любят выпить и помахать кулаками. Оттуда пришли и известные финские ножи, «финки».

15

Участники разговора имеют в виду роман Вейкко Хуови-нен «Зимний турист» (1965 г.)

16

Говорите на саами? Осторожно! Выезд! (нем.)

17

Алексис Киви (1834–1872) — финский писатель, автор романа «Семь братьев».

18

Финский режиссер, снявший в 1980 году современную скандальную версию фильма по роману Киви: главные герои плевались, ругались, кричали.

19

Раньше в Лапландии кастрировали оленей, откусывая им яички.

20

Такой сыр готовится из молозива, которое ставят в печь, чтобы оно свернулось. Едят с молоком, приправленным сахаром и корицей.

21

Так проверяли ведьм во времена Инквизиции. Если женщина держалась на воде, она считалась ведьмой.